

На правах рукописи

ПОДВИГ Павел Леонардович

**Противоракетная оборона
как фактор стратегических взаимоотношений
СССР/России и США в 1945-2003 гг.**

Специальность 23.00.04
«Политические проблемы международных
отношений и глобального развития»

Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
АРБАТОВ А. Г.

Москва – 2004

Содержание

Введение	4
Глава 1. Формирование представлений о стратегической обороне и механизмов выработки решений в области стратегических вооружений в период до 60-х годов	20
1.1. Формирование стратегических взаимоотношений СССР и США в 1945-1960 гг.	20
1.2. Работы в области ПРО в 50-60-х годах	24
1.3. Формирование механизма управления созданием новых вооружений, его особенности	31
1.3.1. Оборонная промышленность.....	31
1.3.2. Создание структуры ПРО в Вооруженных силах	41
1.4. Содержание этапа и основные выводы.....	44
1.4.1. Представления о стратегической обороне, сложившиеся к началу 60-х годов.....	44
1.4.2. Роль советских институтов, обеспечивающих выработку решений в области стратегических вооружений и ПРО.....	50
Глава 2. Достижение паритета и заключение Договора по ПРО (1960-1972 гг.)	54
2.1. Развитие ракетной техники и изменение представлений о характере ядерного конфликта	54
2.2. Развитие систем ПРО	62
2.2.1. Советские программы создания противоракетной обороны	62
2.2.2. Проекты противоракетной обороны США и переговоры об ограничении систем ПРО	77
2.3. Процесс формирования институтов, принимающих участие в выработке решений	86
2.3.1. Оборонная промышленность.....	86
2.3.2. Вооруженные силы.....	93
2.3.3. Обеспечение переговорного процесса.....	95
2.4. Содержание этапа	97
2.4.1. Проявление взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений.....	97
2.4.2. Значение Договора по ПРО	106
2.4.3. Роль советских институтов в выработке политики в отношении противоракетной обороны	110

Глава 3. Программа СОИ и угроза стратегической стабильности (1972-1990 гг.)	115
3.1. Совершенствование наступательных арсеналов.....	115
3.2. Развитие систем ПРО после заключения Договора по ПРО	122
3.2.1. Система ПРО Москвы	122
3.2.2. Другие работы в области противоракетной обороны	125
3.3. Реакция Советского Союза на программу СОИ	129
3.4. Содержание этапа и основные выводы.....	142
3.4.1. Взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений в дискуссии по поводу СОИ	142
3.4.2. Роль советских институтов в выработке политики в отношении СОИ	148
Глава 4. Вопросы противоракетной обороны после окончания холодной войны (1990-2003 гг.)	156
4.1. Формирование стратегических взаимоотношений России и США	156
4.2. Вопросы противоракетной обороны в российско-американских отношениях	163
4.2.1. Переговоры о разграничении систем стратегической и нестратегической обороны	163
4.2.2. Противоракетная оборона и Договор СНВ-2.....	167
4.2.3. Эволюция противоракетной программы США	171
4.2.4. Выход США из Договора по ПРО	175
4.3. Перспективы сотрудничества в области ПРО.....	180
4.4. Содержание этапа и основные выводы.....	187
4.4.1. Проявление взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений после окончания холодной войны.....	187
4.4.2. Роль российских институтов в выработке политики в отношении ПРО.....	195
Заключение	201
Список сокращений	211
Список использованной литературы	212

Введение

Актуальность темы диссертации обусловлена исключительно большой ролью, которую вопросы противоракетной обороны традиционно играли в стратегических взаимоотношениях Советского Союза и США, а впоследствии – в российско-американских стратегических взаимоотношениях. Осознание неразрывной взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений стало одним из наиболее важных результатов развития стратегических взаимоотношений двух стран на протяжении послевоенного периода и сделало возможным ограничение масштабов стратегического противостояния Советского Союза и США, а впоследствии – и переход к сокращению стратегических наступательных вооружений.

Начало и ускорение процесса сокращения наступательных вооружений и изменение характера взаимоотношений России и США в период, последовавший за распадом Советского Союза, не только не устранили вопросы противоракетной обороны из двусторонних отношений, но и, наоборот, привели к возрастанию значимости этих вопросов в рамках военно-политических отношений держав.

В прошлом чрезвычайно высокий уровень советско-американского противостояния (к началу 90-х годов более 10 тысяч боеголовок в наступательных стратегических арсеналах каждой из сторон), давал им возможность с достаточной гибкостью относиться к потенциальной роли противоракетной обороны в стратегическом балансе. Кроме этого, Советский Союз и США имели примерно равные возможности по наращиванию своих наступательных потенциалов, что также вносило вклад в обеспечение общей стабильности стратегических взаимоотношений.

В 90-е годы и в обозримой перспективе нового столетия, с уменьшением количества боезарядов в составе стратегических сил и с возникновением асимметрии в возможностях России и США по наращиванию своих наступа-

тельных потенциалов, обусловленной как объективными обстоятельствами так и субъективными факторами российской политики, вопрос о возможном влиянии противоракетной обороны на стратегический баланс приобретает более существенную военно-техническую значимость.

Несмотря на уход из взаимоотношений России и США глобальной конфронтации, которая была характерна для советско-американских отношений вплоть до конца 80-х годов – баланс стратегических ядерных сил остается существенным их фактором. Хотя этот вопрос, безусловно, отошел на задний план общего контекста отношений РФ и США, их стратегическое взаимодействие по своей сути мало изменилось и по-прежнему, хотя и на понижающихся уровнях сил, определяется логикой взаимного ядерного сдерживания. В этой ситуации решения в области противоракетной обороны могут как способствовать дальнейшему снижению степени военного противостояния, так и, наоборот, препятствовать такому снижению.

Об этом свидетельствуют, в частности, обнародованные в 2003-2004 гг. решения российского руководства о продлении сроков службы межконтинентальных ракет с разделяющимися головными частями, о закупке в дополнение к этому нескольких десятков таких ракет у Украины, о проведении масштабных учений стратегических сил и о продолжении разработки принципиально новой системы стратегических носителей с планируемыми маневрирующими боевыми блоками – все это преимущественно в ответ на выход США в 2002 г. из Договора по ПРО от 1972 г. и продвижении их программы создания стратегической ПРО национальной территории.

Эта проблема тем более важна, если ставить перспективную цель перейти в стратегических отношениях держав от модели взаимного сдерживания к какому-то другому состоянию, более присущему партнерским или даже союзническим отношениям. Тут фактор противоракетной обороны уже сейчас во многом определяет вектор развития отношений держав как в военно-техническом, так и в договорно-правовом плане.

Актуальность темы диссертации обусловлена и тем, что в современных условиях значительно возросли требования к качеству решений, принимаемых в связи с развитием систем противоракетной обороны и стратегических сил в целом. Это обстоятельство требует постоянных целенаправленных усилий по анализу тенденций, связанных с противоракетной обороной, и совершенствованию механизмов принятия решений с целью обеспечения максимального учета интересов безопасности России.

Кроме этого, вопросы противоракетной обороны на данном этапе развития международных отношений вышли за рамки двусторонних отношений России и США и играют все большую роль в общей международной безопасности, оказывая непосредственное влияние на решения, принимаемые третьими странами по развитию их наступательных потенциалов, а также на ситуацию в области распространения ядерного и ракетного оружия. Понимание проблем, которые решали Советский Союз/Россия и США в связи с развитием собственных программ противоракетной обороны, исключительно важно для формирования такой политики в отношении третьих стран, которая будет максимально учитывать интересы безопасности России и, более широко, задачи обеспечения международной безопасности.

Дополнительным обстоятельством, обуславливающим важность изучения роли противоракетной обороны в стратегических взаимоотношениях государств, являются предпринимаемые ныне в США попытки подвергнуть ревизии традиционные представления о взаимосвязи оборонительных и наступательных вооружений. Эти попытки являются заметной частью более широкой идеологии неоконсерватизма, которая лежит в основе многих внешнеполитических решений нынешней администрации США и оказывает существенное влияние на формирование представлений о способах обеспечения безопасности в международном сообществе.

Так, в частности, утверждается, что согласие на ограничение противоракетной обороны является добровольным согласием с принципом «взаимного

гарантированного уничтожения» как основы построения межгосударственных отношений. На основании этого утверждения делается вывод о том, что создание противоракетных систем является единственным способом уйти от ситуации баланса потенциалов взаимного уничтожения и, следовательно, все препятствия на пути создания систем ПРО должны быть устранены. В большой степени именно такие представления сыграли роль в одностороннем выходе США из Договора по ПРО.

Выход США из Договора 1972 г. не означает, что вопрос о роли противоракетной обороны в системе международной безопасности закрыт окончательно. Последствиям односторонних действий США еще предстоит проявить себя в полной мере. В этой связи для России, равно как и для других стран, приобретает особое значение понимание аргументов, используемых администрацией США в качестве оправдания своей противоракетной программы. Поскольку эти аргументы в том или ином виде присутствовали в стратегических взаимоотношениях Советского Союза и США с самого начала работ в области ПРО, изучение процессов, происходивших в этих отношениях, приобретает сегодня еще большую злободневность.

Предметом исследования в настоящей работе является процесс формирования политики Советского Союза и России в отношении противоракетной обороны, рассмотренный в контексте развития их стратегических взаимоотношений с США. Это исследование строится на основе анализа конкретных военно-технических программ в области противоракетной обороны и институтов, обеспечивавших в прошлом и по сей день реализацию этих программ и организацию переговорного процесса.

Целью исследования является дальнейшая разработка теоретических подходов к вопросам противоракетной обороны в современных условиях, а также выработка практических предложений по военной политике и военному строительству России, по ее дипломатической линии на переговорах с США и другими странами в сфере стратегических взаимоотношений, связан-

ных с ролью ПРО на современном этапе. Для формулировки практических рекомендаций в работе поставлена цель проведения анализа процесса формирования политики держав в области ПРО, который опирается на подробное рассмотрение механизмов выработки решений и изучение институтов, принимающих участие в этом процессе.

Для достижения поставленной цели в работе ставятся следующие **задачи**:

- проанализировать характер взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений на различных этапах взаимоотношений Советского Союза/России и США;
- проанализировать ход советской программы создания противоракетной обороны с целью изучения ее влияния на взаимоотношения Советского Союза с США;
- проследить историческое развитие американских программ ПРО и их воздействие на военную политику СССР/РФ и ход переговоров двух держав по ограничению и сокращению стратегических вооружений;
- рассмотреть процесс формирования механизмов выработки решений в области работ по созданию противоракетной обороны в двух названных странах;
- изучить характер взаимодействия советских институтов в процессе переговоров с США по поводу Договора по ПРО;
- проанализировать особенности действий российских государственных институтов в решении вопросов противоракетной обороны и формировании отношений с США, в частности, в связи с вопросом о сохранении Договора по ПРО;
- идентифицировать возможные пути совершенствования сформировавшегося в России механизма выработки решений в области стратегических вооружений и противоракетной обороны.

Хронологические рамки исследования охватывают весь послевоенный период развития отношений Советского Союза/России и США, концентриру-

ясь на нескольких ключевых моментах. Рассмотрены начальный этап формирования институтов, обеспечивавших выработку решений и проведение работ в области ПРО, период, предшествовавший заключению Договора об ограничении противоракетной обороны, период, сопровождавший дискуссию в отношении программы Стратегической оборонной инициативы, и, наконец, период российско-американского диалога, отмеченный, среди прочих важных событий, односторонним выходом США из Договора по ПРО.

Выбор такого широкого периода для проведения исследования обусловлен тем, что подробный анализ программ противоракетной обороны и, особенно, механизмов принятия решений в отношении вопросов ПРО, требует рассмотрения этих программ в их непрерывном историческом развитии. Поскольку представления о роли ПРО в Советском Союзе (равно как и в США) претерпевали сложные изменения, ограничение хронологических рамок исследования сильно сузило бы возможности изучения эволюции представлений о противоракетной обороне и становления институтов, вовлеченных в процесс выработки решений в этой области. Сужение рамок работы не позволило бы выделить в этих процессах общие характеристики и тенденции, анализ которых составляет предмет настоящего исследования.

Вместе с тем, учитывая длительность рассмотренного исторического периода, автор естественно вынужден ограничиться рассмотрением только самых главных тем, связанных с ПРО как в военном, так и в переговорном и внешнеполитическом планах. Поскольку в отношении политики США в этой сфере имеется обширная научная литература, в настоящей диссертации упор сделан на рассмотрении, на базе доступной открытой информации, именно советского и российского курса в данной области, который еще не получил детального отражения в нашей научной литературе. Также автор должен был отказаться от обстоятельного рассмотрения других вопросов военной политики, переговоров по разоружению и внешней политики России и США, об-

ращаясь к ним только там, где это непосредственно затрагивает тему диссертации.

Теоретическая и методологическая основа исследования определяется сочетанием анализа конкретных программ в области строительства и модернизации стратегических сил и противоракетной обороны, осуществлявшихся в Советском Союзе и США, с инструментарием политологической теории, которая дает возможность на основе этого анализа сформировать представление о принципах функционирования институтов, участвующих в принятии решений и их основных интересах.

Основу политологической составляющей проведенной работы составляет представление о роли институтов в формировании и принятии решений. Необходимость институционального подхода к анализу развития представлений о противоракетной обороне диктуется прежде всего сложностью и важностью вопросов, определяющих отношение государственных и общественных институтов к ее роли в обеспечении безопасности.

Техническая и организационная сложность создания систем противоракетной обороны (равно как и систем стратегических наступательных вооружений), а также их принципиальная новизна в сравнении с традиционными системами вооружений, привели к тому, что формирование представлений о принципах применения этих вооружений было неразрывно связано с процессом становления институтов, призванных обеспечивать их разработку, производство и применение. Без развития этих институтов были бы невозможны осознание возможностей новых систем вооружений, формулировка технических требований к ним, а также разработка стратегии и тактики их применения. Соответственно, интересы этих институтов, существование механизмов их взаимодействия, а также наличие у них научных, технических и организационных возможностей для решения поставленных задач, были определяющими факторами в процессе эволюции представлений о стратегических вооружениях и противоракетной обороне. Одновременно, представления о стра-

тегических наступательных и оборонительных вооружениях отражали в первую очередь именно интересы отдельных организаций и отраслей промышленности, и задача выработки государственной политики требовала создания механизмов взаимодействия этих институтов.

Существенным компонентом анализа институциональной составляющей политики в области противоракетной обороны, проделанного в данной работе, является анализ конкретных программ создания стратегических вооружений. Такое внимание к этим программам обусловлено тем, что интересы институтов и их представления об интересах безопасности государства, равно как и представления политического руководства о безопасности очень редко находят адекватное выражение в декларативной политике, которая отражена в публичной дискуссии или официальных заявлениях. В Советском Союзе и в России ситуация дополнительно осложняется практически полным отсутствием традиции публичного обсуждения военных и военно-технических вопросов безопасности. В связи с этим, наиболее надежным источником сведений о намерениях, мотивах, и интересах институтов, участвовавших в выработке решений в области стратегических вооружений, является анализ конкретных решений в этой области, которые были приняты и впоследствии реализованы.

Способность добиваться принятия решения о разработке той или иной системы и обеспечения этой разработки необходимыми ресурсами служило наиболее убедительным свидетельством согласия всех участников процесса выработки решения о роли, которую эта система способна играть в обеспечении безопасности. Знание технических возможностей создаваемых систем тем самым дает возможность составить представление о взглядах на обеспечение безопасности преобладающих в той или иной ситуации. И наоборот, отсутствие ресурсной поддержки предложений о разработке систем вооружений, как правило, свидетельствует о том, что заложенные в эти предложения технические решения сочтены не соответствующими доминирующим

представлениям о безопасности или о роли, которую должны играть предлагаемые системы. Такой подход к анализу технических характеристик систем противоракетной обороны, которые были созданы или создание которых предлагалось на различных этапах, а также характеристик реализованных и нереализованных предложений в области создания систем наступательных вооружений, позволяет получить информацию о намерениях и представлениях участников процесса выработки решений, недоступную с помощью других методов. Соответственно, именно этот подход положен в основу проведенного исследования.

Источниковая основа. Проведенное исследование основано на нескольких группах источников. В первую группу входят официальные договоры, заключенные между Советским Союзом и США, Россией и США, в которых приведены данные о состоянии стратегических сил сторон на момент заключения договоров. Не менее важно и то, что степень детализации информации, представленной в договорах, отражает представления о важности тех или иных данных, которые существовали на момент заключения, и как результат, представляет собой дополнительное свидетельство о взглядах сторон на стратегические вооружения. Основными договорами являются Договор об ограничении систем противоракетной обороны от 1972 г., а также соглашения об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений – Договоры ОСВ-1 (1972 г.) и ОСВ-2 (1979 г.), а также, СНВ-1 (1991 г.) и СНВ-2 (1993 г.), рамочное соглашение СНВ-3 (1997 г.) и Договор об СНП, заключенный в 2002 г. Кроме этого, в качестве источников использовались официальные документы Постоянной консультативной комиссии, которая была создана в соответствии с Договором по ПРО. К категории официальных источников следует отнести совместные и односторонние заявления президентов СССР, России и США, сделанные ими в различное время.

Вторую группу источников, использованных в работе, представляют собой научные публикации, в которых описаны программы создания систем

стратегических наступательных вооружений и систем противоракетной обороны Советского Союза, России и США, имеющиеся в открытом доступе. В этих работах приведены история создания систем, их технические характеристики, свидетельства разработчиков, описание технических и организационных проблем, которые сопровождали создание и эксплуатацию этих систем.

Третья группа источников представляет собой публикации, в которых приводятся свидетельства участников процесса создания стратегических систем вооружений и противоракетных систем, а также свидетельства участников советско-американских и российско-американских переговоров.

Четвертую группу составляют эксклюзивные интервью, проведенные автором в ходе работы над проектом. Были проведены беседы с представителями конструкторских организаций, участвовавших в процессе разработки и создания стратегических вооружений, военными специалистами, работавшими в научно-исследовательских институтах Министерства обороны, с представителями правительственных и военных организаций, участвовавших в процессе выработки решений в советское время, участниками переговоров как с российской, так и с американской стороны.

Кроме этого, в ходе работы над диссертацией широко использовались записи автора, сделанные им в ходе встреч и бесед с российскими и американскими общественными деятелями, представителями вооруженных сил обеих стран, представителями американского и российского правительств.

Степень разработанности темы в научной литературе. Важность вопросов противоракетной обороны обусловила постоянное внимание исследователей к проблемам, касающимся взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Анализу различных аспектов противоракетных программ посвящена довольно обширная литература как на русском, так и на английском языке. В то же время, тот аспект, в котором вопросы противоракетной обороны рассматриваются в настоящей работе, практически освещен весьма мало.

Взаимоотношениям Советского Союза и России и США, а также вопросам стратегических сил в контексте обеспечения безопасности России и более общим вопросам обеспечения безопасности страны традиционно отводится очень высокая роль в работах российских исследователей. В частности, следует отметить работы А. Г. Арбатова, В. Г. Барановского, О. Н. Быкова, Е. Б. Волкова, Н. В. Загладина, А. А. Кокошина, А. А. Коновалова, С. В. Кортунова, В. А. Кременюка, С. К. Ознобищева, А. А. Пикаева, Э. А. Позднякова, И. Л. Прохоренко, А. Г. Савельева, С. М. Рогова, Ю. Е. Федорова и др. ([1, 4, 5, 6, 7, 10, 12, 16, 26, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 46, 47, 48, 50]) Как уже отмечалось, научная разработанность многих проблем советско-американских и российско-американских отношений позволила автору в его анализе опираться на выводы указанных авторов и сосредоточиться на вопросах, непосредственно относящихся к теме диссертации.

Литература, посвященная вопросам противоракетной обороны в контексте советско-американских стратегических взаимоотношений, представлена двумя категориями работ. К первой относятся работы американских и европейских авторов – Ю. Олтманна, Б. Грэма, Д. Шварца, Дж. Холста, У. Шнайдера, А. Картера и др., а также ряд докладов, подготовленных Офисом технологических оценок Конгресса США ([104, 137, 132, 166, 116, 117, 90, 100, 102]). Эти работы посвящены подробному анализу политических и технических аспектов американских программ противоракетной обороны, и в которых Советский Союз и его политика выступают как один из факторов, которые необходимо принимать во внимание при рассмотрении этих вопросов. Вопрос о возможностях американских программ противоракетной обороны достаточно подробно рассматривался в советской и российской литературе. В частности, следует отметить работы А. Г. Арбатова, В. С. Белоуса, Е. Б. Волкова, Р. З. Сагдеева, А. А. Кокошина, Н. Ф. Червова и др. ([6, 11, 16, 52, 53, 62]). В целом, эта область исследована достаточно подробно и в связи с этим практически не затрагивается в настоящей работе сверх того, что необ-

ходимо для предоставления контекста для рассмотрения центральных вопросов настоящего исследования.

К другой категории работ относятся, например, работы Р. Гартхофа, М. Еванжелисты, Дж. Матерс, М. Дурич, А. Картера, Д. Холлоуэя, С. Волландер, С. Залог и др. ([123, 126, 127, 128, 131, 134, 135, 136, 144, 175, 179, 180])

Основной чертой этих работ является попытка проанализировать советские программы создания стратегических систем вооружений и, в частности, противоракетной обороны и составить представление о механизмах выработки решений и факторах, влияющих на этот процесс. Основной проблемой, характерной для работ этой категории, является их опора на анализ высказываний военных и гражданских специалистов в открытой печати или в ведомственных изданиях, а также официальных заявлений советского руководства. В ряде работ кроме этого проанализированы сведения о позиции, которую советская сторона занимала в ходе переговоров, а также результаты бесед советских и американских ученых. Несмотря на то, что такой анализ в ряде случаев предоставляет возможность ознакомления с очень интересным материалом (в том числе архивным), возможности такого метода представляются весьма ограниченными. В первую очередь это связано с тем, что публикации открытой советской (а впоследствии и российской) печати, а также заявления политического руководства не обязательно в полной мере отражали довольно сложные процессы, происходившие в ходе выработки решений. Анализ переговорных позиций также не дает возможности составить полное представление об этих процессах и об эволюции точек зрения по вопросам стратегических вооружений. Кроме этого необходимо учитывать, что наиболее интересный с точки зрения противоракетной обороны период приходится на 60-е годы, когда формальные переговоры в области стратегических вооружений между Советским Союзом и США не велись.

Русскоязычные источники, посвященные анализу советской и российской программ создания противоракетной обороны, а также представлений о роли

ПРО в отношениях с США, представлены в основном литературой описательного и мемуарного характера. К ним относятся работы М. Первова, Г. В. Кисунько, О. В. Голубева и Ю. А. Каменского, Л. И. Волкова, Б. И. Губанова, Г. М. Корниенко, С. Ф. Ахромеева, Н. Ф. Червова, Б. Е. Чертока и др. ([9, 17, 18, 20, 21, 27, 28, 34, 41, 42, 58, 62, 64, 65, 66]) Эти работы представляют собой исключительно важный источник информации о советских системах ПРО, других системах стратегических вооружений и представлениях о характере взаимоотношений с США. В то же время, в них как правило аналитически не рассматриваются вопросы взаимодействия институтов, принимающих участие в процессе выработки решений.

Количество работ, которые посвящены анализу механизмов выработки и принятия решений в области стратегических вооружений, существовавших в Советском Союзе, очень мало. Практически единственной работой, в которой дано систематическое изложение этого вопроса в исторической перспективе, является книга А. Г. Савельева и Н. Н. Детинова [165]. В то же время, в этой книге рассмотрены в основном вопросы обеспечения взаимодействия различных ведомств в процессе проведения советско-американских переговоров.

В ряде других работ вопросы выработки решений рассматриваются в несколько другом контексте. Среди этих работ следует отметить работы А. Г. Арбатова, в которых значительное внимание уделено вопросам принятия решений в области безопасности в современных российских условиях [1, 4, 6]. В исторической перспективе роль армии в политике и вопросы выработки представлений о стратегии применения вооруженных сил проанализированы в монографии А. А. Кокошина [29]. В то же время, вопросы роли институтов в выработке и принятии решений в области стратегических вооружений и противоракетной обороны в советский период остаются в основном за рамками этих исследований.

Вопросы организации работы оборонной промышленности в отраслях, связанных со стратегическими вооружениями, рассматриваются в работах И. В. Быстровой, Н. С. Симонова, Б. Старкова и др. [13, 55, 169] (Существует также довольно обширная литература, посвященная советской ядерной программе, но она нами не рассматривается, так как организация работ в ядерной области довольно быстро приобрела особенный характер.) В этих работах приведен подробный анализ вопросов функционирования оборонных отраслей промышленности, в том числе с использованием архивных источников. В то же время, хронологические рамки этих работ ограничены периодом до 60-х годов, что оставляет основную часть работ по созданию средств противоракетной обороны и стратегических вооружений за рамками этих исследований. Следует также отметить работу Е. С. Глубокова и Ю. Д. Маслюкова [19], в которой приведены подробные экономические данные об оборонной промышленности Советского Союза.

Научная новизна работы определяется в первую очередь новизной темы и, как следствие, отсутствием работ, в которых проблема противоракетной обороны и ее роль в стратегических взаимоотношениях Советского Союза/России и США рассматривалась бы в контексте развития и совершенствования советских и российских институтов и механизмов выработки и принятия решений. Кроме этого, проделанная работа характеризуется новизной методологии, предполагающей проведение анализа технических решений, принимавшихся в ходе создания и модернизации систем стратегических вооружений.

По итогам исследования на защиту выносятся следующие положения:

- Анализ программ создания противоракетной обороны и стратегических наступательных вооружений демонстрирует невозможность коренного изменения ситуации взаимного гарантированного уничтожения в одностороннем порядке путем создания систем ПРО.

- Представления о роли противоракетной обороны неразрывно связаны с представлениями о характере стратегических взаимоотношений сторон и существовании отношений сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения.
- В формировании представлений о роли противоракетной обороны определяющую роль играет развитость институтов, принимающих участие в выработке решений, касающихся противоракетной обороны и стратегических сил.
- Результаты рассмотрения эволюции процесса выработки решений в отношении противоракетной обороны свидетельствуют об исключительно высокой важности открытости этого процесса для принимаемых решений.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы обусловлена прежде всего новизной ее методологии, а также примененным в работе подходом к рассмотрению вопросов развития стратегических взаимоотношений на основе анализа конкретных программ создания стратегических вооружений. Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что проведенное в нем рассмотрение вопросов противоракетной обороны в формировании отношений Советского Союза/России и США позволяет сформулировать выводы и рекомендации, которые могут быть использованы для анализа политики России в отношении осуществляемой в настоящее время в США программе создания ПРО и для выработки конкретных рекомендаций в отношении дальнейших шагов в этой области.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН. Основные положения диссертации были доложены на международных конференциях, в частности, на семинарах, проводимых Московским центром Карнеги и ПИР-Центром (1998-

2000 г.), конференциях «Программы новых подходов к российской безопасности» Гарвардского университета и Центра стратегических и международных исследований (2000-2003 г.), на Конференции по разоружению в Сандийской лаборатории (2000 г.), Конференции Американского института аэронавтики и астронавтики (2002 г.) и др. Основные положения работы также вошли в публикации автора общим объемом свыше 14 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы.

В первой главе рассмотрены вопросы формирования представлений о стратегической обороне и механизмов выработки решений в области стратегических вооружений в период до 60-х годов в контексте взаимоотношений Советского Союза и США.

Во второй главе проанализирована роль вопросов противоракетной обороны в период достижения численного паритета между Советским Союзом и США и начала переговорного процесса, который привел к заключению Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Рассмотрена также роль советских институтов в формировании политики в отношении ПРО в этот период.

В третьей главе рассматриваются процессы, сопровождавшие появление программы Стратегической оборонной инициативы, и роль советских институтов в определении позиции Советского Союза в отношении этой программы и осуществлении конкретных политических инициатив

В четвертой главе приведен анализ позиции России в отношении противоракетной обороны в контексте формирования стратегических взаимоотношений России и США. В главе также рассмотрены вопросы функционирования российских институтов выработки решений и сотрудничества в области противоракетной обороны.

В заключении работы приводятся основные выводы, сделанные на основе исследования

Глава 1. Формирование представлений о стратегической обороне и механизмов выработки решений в области стратегических вооружений в период до 60-х годов

1.1. Формирование стратегических взаимоотношений СССР и США в 1945-1960 гг.

Рассмотрение вопросов, связанных с созданием и развитием оборонительных систем не может быть проведено в отрыве от рассмотрения вопросов о том, как складывался баланс сил между Советским Союзом и США в области наступательных вооружений, и о взглядах на принципы использования ядерного оружия.

Развитие стратегических сил США в первые послевоенные годы привело к созданию Стратегического авиационного командования, которое первоначально было единственной структурой вооруженных сил США, имевшей на вооружении ядерные боеприпасы. Концентрация ядерного оружия в Стратегическом авиационном командовании отражала как то обстоятельство, что тяжелая бомбардировочная авиация была единственным средством доставки первых ядерных боеприпасов, так и ту роль, которая отводилась ядерному оружию.

Первоначальные представления о роли ядерного оружия в основном сводились к подчеркиванию его сдерживающего потенциала, который, как считалось, сможет предотвратить возникновение вооруженного конфликта и в целом быть частью общей стратегии сдерживания (containment) Советского Союза, на которое была ориентирована политика США. При этом конкретные планы использования ядерного оружия были разработаны достаточно слабо и до конца 40-х годов не были обеспечены конкретными организационными мерами.[176, с. 29] Ситуация начала меняться лишь в 1948 г., когда началось серьезное укрепление структур Стратегического авиационного командования, приведшее к существенному расширению его возможностей по

доставке ядерных боезарядов на территорию Советского Союза. В это же время началось и быстрое увеличение количества боеприпасов в арсенале США. Уже в 1950 г. в арсенале бомбардировщики Стратегического авиационного командования могли доставить к целям на территории Советского Союза свыше 300 ядерных боезарядов. В 1953 г. эта цифра достигла уже примерно 900 боезарядов.

После смены администрации США, произошедшей в 1953 г., стратегия применения ядерного оружия была сформулирована как «массированное возмездие» и предполагала нанесение массированного ядерного удара по территории Советского Союза в случае его агрессивных действий.[114, с. 246-258] Ориентация на нанесение массированного удара привела к дальнейшему укреплению роли Стратегического авиационного командования и увеличению количества боезарядов в стратегическом арсенале. К началу 1960 г. стратегическая авиация США могла доставить на территорию Советского Союза около 2500 ядерных боезарядов. При этом полное количество ядерных боезарядов, находившихся в Стратегическом авиационном командовании, составляло около 7000 единиц.[121]

Одновременно с укреплением стратегического ядерного арсенала шел процесс создания тактического ядерного оружия, предназначенного для использования в ходе военных действий на поле боя или в пределах театра военных действий. Их роль в общей стратегии применения ядерного оружия была не столь значительной, как роль стратегического ядерного оружия. Но тем не менее, уже к середине 50-х годов примерно треть всех ядерных боеприпасов США относились к нестратегическим и были развернуты как в составе тактической авиации, так и в составе первых ракетных комплексов, артиллерийских систем и ядерных фугасов.[121; 167, с. 155] Начиная с 1953 г. тактическое ядерное оружие было развернуто и в Европе.

Создание ядерного арсенала в Советском Союзе происходило с задержкой в несколько лет относительно Соединенных Штатов. Первое ядерное

устройство было испытано в Советском Союзе в 1949 г. На создание первых ядерных боеприпасов, которые могли бы быть использованы в ходе военных действий, ушло еще несколько лет. Первые ядерные боезаряды были приняты на вооружение Дальней авиации в 1953 г.[44, с. 62]

Наряду с созданием собственно ядерных (а впоследствии и термоядерных) боезарядов, основной проблемой, которую Советский Союз вынужден был решать в 50-х годах, было создание стратегических средств доставки боезарядов. Несмотря на то, что формально первые заряды находились в составе Дальней авиации, которая была призвана решать задачу нанесения удара по территории противника, Советский Союз не имел на вооружении бомбардировщиков, способных достичь территории США. Кроме этого, Советский Союз не мог разместить свои средства на базах в непосредственной близости от территории противника, подобно тому, как это делали США. В результате, на протяжении практически всего периода 50-х годов, ядерное оружие Советского Союза обладало всеми свойствами тактического ядерного оружия (в то же время, оно, возможно, могло играть стратегическую роль в случае конфликта, ограниченного пределами европейского театра военных действий). Работы, которые вел Советский Союз в первой половине–середине 50-х годов, были в основном направлены на создание боеприпасов и систем доставки, которые могли бы применяться именно таким образом. К концу 50-х годов ядерными боезарядами наряду с авиацией были оснащены ракетные комплексы малой и средней дальности, торпеды, крылатые ракеты морского базирования.[44, с. 63]

В то же время, в Советском Союзе велась интенсивная работа по созданию средств, которые были бы способны придать его ядерному оружию возможность выполнять стратегические задачи и наносить удар по территории Соединенных Штатов. Эти работы были сконцентрированы на создании носителей межконтинентальной дальности – бомбардировщиков, крылатых и баллистических ракет. Эти работы увенчались успехом в конце 50-х годов: в

1957 г. были проведены первые успешные испытания межконтинентальных баллистических ракет, а в 1959 г. была успешно испытана крылатая ракета межконтинентальной дальности.[44, с. 112] Несколько раньше, в 1956 г. были приняты на вооружение первые тяжелые бомбардировщики, обладавшие межконтинентальной дальностью. И хотя масштаб их развертывания оставался небольшим и не мог сравниться с масштабом развертывания бомбардировщиков Соединенными Штатами – к концу 50-х годов в составе Дальней авиации насчитывалось немногим 115 бомбардировщиков – появление реальной угрозы для территории США стало существенным фактором взаимоотношений Советского Союза и США.

Помимо успеха в разработке бомбардировщиков межконтинентальной дальности, изменению характера советско-американских взаимоотношений способствовала и успешная разработка термоядерных боезарядов, осуществленная в Советском Союзе в 1955-1958 гг. Но наиболее существенным фактором, изменившим характер стратегического противостояния Советского Союза и США стало появление межконтинентальных баллистических ракет, способных, в том числе, доставлять на территорию США термоядерные боезаряды. Первые ракетные комплексы с межконтинентальными ракетами были приняты на вооружение вновь созданного вида Вооруженных сил – Ракетных войск стратегического назначения – в конце 1959 г. Сочетание мощности термоядерного оружия и возможности его доставки на территорию США означали существенное изменение характера угрозы, которую мог представлять Советский Союз для Соединенных Штатов и привели к началу процесса серьезной переоценки представлений о способах использования ядерного оружия и о роли наступательных и оборонительных средств, который определил содержание следующего этапа в развитии стратегических взаимоотношений Советского Союза и Соединенных Штатов.

1.2. Работы в области ПРО в 50-60-х годах

Вопросы противоракетной обороны в первые послевоенные годы объективно не могли привлечь к себе внимания. Несмотря на то, что работы по созданию ракетной техники были начаты в Советском Союзе практически сразу после окончания войны, они довольно продолжительное время оставались далеки от практического завершения. Первые ракетные комплексы – Р-1, представлявший собой копию немецкого Фау-2, и его переработанный вариант Р-2 – были приняты на вооружение только в 1950 и 1951 гг.[44, с. 110] Возможности этих комплексов были недостаточны для того, чтобы поставить вопрос о необходимости создания средств противоракетной обороны. Основным стратегическим ударным средством (и единственным на тот момент способным обеспечить доставку ядерного оружия) являлась стратегическая авиация. В связи с этим работы в области стратегической обороны были сконцентрированы на создании средств противовоздушной обороны.

Теоретические исследования в области возможности создания противоракетных систем, тем не менее, велись. В частности, в 1949-1953 гг. работы в области оценки возможностей противоракетной обороны велись в НИИ-4 Министерства обороны – головном НИИ по вопросам ракетного вооружения. В институте был разработан проект создания противоракетной обороны района с использованием РЛС и противоракет, но работа над ним была остановлена из-за невозможности вести опытно-конструкторские работы.[42, с. 14]

Кроме этого, в головном НИИ по ракетной технике министерства вооружений, НИИ-88, велись работы по изучению возможности борьбы с баллистическими ракетами в рамках темы И-32. Работам по этой теме были посвящены как минимум два постановления Совета министров – 14 февраля 1948 г. и 6 февраля 1949 г. Головным институтом по созданию РЛС в рамках этой темы был НИИ-20 Министерства вооружений.[42, с. 16] Существование описанных проектов свидетельствует о том, что определенное внимание вопросам противоракетной обороны уделялось, но оно было недостаточным

для того, чтобы обеспечить задел для дальнейших работ. Практически все проекты в этой области были прекращены вскоре после принятия решения о начале создания системы ПВО Москвы в августе 1950 г.[42, с. 17]

Как можно было ожидать, возврат к вопросам создания противоракетной обороны был связан с совершенствованием ракетной техники. По мере принятия на вооружение первых ракетных комплексов формировалось понимание того, что баллистические ракеты будут широко использоваться в ходе военных действий. В августе 1953 г. группа маршалов, возглавляемая министром обороны и начальником Генерального штаба, обратилась в ЦК КПСС с письмом, в котором обращалось внимание на то, что создаваемые системы ПВО не могут обеспечить защиту от баллистических ракет и призывали начать работы по созданию средств борьбы с ракетами.[23; 42, с. 19]

Для рассмотрения вопроса о создании систем ПРО в сентябре 1953 г. было созвано совещание в ЦК. Мнения ученых, которых привлекли к оценке возможности создания системы, были противоречивы и многие высказывали сомнения в технической осуществимости проекта. Тем не менее, было принято решение о начале работ по теме ПРО. Распоряжением Совета министров от 2 декабря 1953 г. «О разработке методов борьбы с ракетами дальнего действия» работа была поручена КБ-1 и Радиотехнической лаборатории АН СССР (РАЛАН).[42, с. 375]

На первом этапе речь шла о проведении теоретических оценок, которые могли бы дать ответ на вопрос о принципиальной возможности создания систем ПРО. В январе 1954 г. в Главспецмаше создается комиссия по ПРО, возглавляемая председателем Научно-технического совета Главспецмаша академиком А. Н. Щукиным. Комиссия дает поручения по разработке вариантов будущей системы ПРО, которые были рассмотрены на совещании в Главспецмаше, состоявшемся в декабре 1954 г.[42, с. 26] В результате обсуждения был в целом одобрен один из представленных на рассмотрение комиссии проектов – подготовленный в КБ-1 под руководством Н. А. Лившица. По

проекту, представленному директором РАЛАН А. Л. Минцем, не было принято определенного решения.[42, с. 26] Практическим результатом работы комиссии стало постановление ЦК КПСС по ПРО от 2 февраля 1955 г., в котором предусматривалось продолжение работ в области ПРО.[42, с. 27]

Практическое проведение работ в области противоракетной обороны было затруднено тем, что в КБ-1, на которое была возложена ответственность за проведение работ, не существовало подразделения, которое одновременно обладало бы заинтересованностью в противоракетной программе и в то же время, достаточным весом внутри КБ-1 и в структуре Главспецмаша, который бы позволял обеспечить программу достаточными ресурсами.

Подобное подразделение появилось только после того, как результатами работы группы Н. А. Лившица заинтересовался Г. В. Кисунько, который в тот момент возглавлял Научно-исследовательский отдел №31 КБ-1. Этот отдел осуществлял разработку РЛС Б-200, входившей в состав системы ПВО Москвы. Поскольку разработка этой системы подходила к концу, в работах в области ПРО Г. В. Кисунько видел возможность осуществления масштабного проекта, который позволил бы значительно поднять статус его организации.[42, с. 27] Но проведение работ в КБ-1 затруднялось тем, что руководство КБ-1 и Главспецмаша в целом очень осторожно относилось к идее создания ПРО. Кроме этого, существовали сомнения в способности Г. В. Кисунько осуществить столь масштабный проект.[51, 23] В результате, работы в области ПРО в КБ-1 были ограничены инициативными работами в отделе Г. В. Кисунько.

Ситуация существенно изменилась после проведенной в апреле 1955 г. реорганизации оборонного комплекса, в результате которой КБ-1 было передано в подчинение Министерства оборонной промышленности.[28] Министр оборонной промышленности, Д. Ф. Устинов, поддержал идею создания противоракетной обороны и предложения Г. В. Кисунько. В июле 1955 г. решением министра оборонной промышленности в составе КБ-1 создается СКБ-

30, которому поручено вести работы в области противоракетной обороны. Г. В. Кисунько был назначен главным конструктором нового СКБ.[28]

Под руководством Г. В. Кисунько в СКБ-30 были разработаны предложения по созданию системы ПРО, которые в феврале 1956 г. были представлены на рассмотрение руководства отрасли и политического руководства. Результатом этого рассмотрения стало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О противоракетной обороне» от 3 февраля 1956 г., в котором главным конструктором будущей системы был назначен Г. В. Кисунько. Осуществление работ по созданию зенитных ракет комплекса ПРО было поручено ОКБ-2, которое возглавлял П. Д. Грушин. В части радиолокационных средств окончательного выбора сделано не было и работа по созданию РЛС была поручена коллективам В. П. Сосульникова (НИИ-108) и А. Л. Минца (РАЛАН).[42, с. 376] Военным было дано поручение о создании полигона для испытаний противоракетных средств.

Решение принятое в феврале 1956 г. стало практическим началом советской противоракетной программы. В промышленности была создана структура, которой было поручено проведение работ и которая была непосредственно заинтересована в их продолжении и успехе – СКБ-30.[42, с. 29] Все это создавало условия для развертывания масштабных работ по созданию систем противоракетной обороны.

После того, как в 1956 г. было принято принципиальное решение о начале работ по созданию системы противоракетной обороны Москвы, СКБ-30 под руководством Г. В. Кисунько приступило к разработке эскизного проекта системы. Параллельно с этим были начаты различные экспериментальные работы, цель которых состояла в поиске технических решений, которые позволили бы создать эффективную противоракетную систему. В частности, по договоренности с Министерством среднего машиностроения в августе 1956 г. были проведены эксперименты по изучению возможности поражения боевых

блоков баллистических ракет, в том числе и с помощью ядерного взрыва.[42, с. 50]

В исполнение решения о начале работ и после рассмотрения эскизного проекта экспериментальной полигонной системы ПРО, представленного СКБ-30, 18 августа 1956 г. принимается постановление ЦК и Совмина о строительстве полигонного образца противоракетного комплекса.[42, с. 32] Комплекс, получивший название «Система А», должен был быть построен на специально созданном для этих целей 10-м государственном научно-исследовательском испытательном полигоне (ГНИИП-10) на берегу озера Балхаш.[42, с. 64] Этот полигон наиболее широко известен как полигон Сары Шаган.

Одновременно шла работа и над альтернативным вариантом системы (а, точнее, радиотехнических средств системы ПРО). Параллельно со строительством на полигоне средств, входивших в состав Системы А, на полигоне было решено начать сооружение радиолокационной станции ЦСО-П, разрабатывавшейся в Радиотехническом институте (РТИ, до 1957 г. – РАЛАН) под руководством А. Л. Минца.[42, с. 67] Кроме этого, в декабре 1956 г. А. Л. Минц получил разрешение на разработку так называемого центрального варианта системы ПРО Москвы, который предусматривал использование РЛС ЦСО-П в качестве РЛС дальнего обнаружения, и РЛС ЦСС-30 для сопровождения целей и противоракет.[42, с. 75] Кроме этого, предполагалось, что радиолокационная станция ЦСО-П сможет быть использована в Системе А вместо или одновременно с РЛС «Дунай».

Еще один проект, начало работы над которым относится к 1958 г. – проект системы ПРО «Сатурн», предназначенной для борьбы с баллистическими ракетами средней дальности. Постановлением ЦК и Совмина от 30 января 1958 г. разработка системы была поручена НИИ-648 Госкомитета по радиоэлектронике. Впоследствии, в 1961 г. этот проект был передан в КБ-1 А. А. Расплетина, где он получил обозначение С-225.[42, с. 143-144]

Несмотря на существование альтернативных и дополнительных проектов, Система А, создававшаяся СКБ-30 под руководством Г. В. Кисунько, оставалась центральным проектом советской противоракетной программы. На полигоне в Сары Шагане велись работы по созданию средств Системы А и начали проводиться испытания противоракет В-1000, входивших в состав системы. Параллельно продолжалась работа по созданию боевой системы ПРО Москвы, которая должна была опираться на наработки, полученные в ходе работы над Системой А. Боевая система, также разрабатывавшаяся в СКБ-30 Г. В. Кисунько, получила обозначение А-35.

В 1959 г. НИИ-4 Министерства обороны представил «Плановое задание», в котором содержались требования к системе ПРО Москвы.[20, с. 42] Задание опиралось на способ построения системы ПРО, предложенный Г. В. Кисунько, который предполагал использование так называемого метода трех дальностей для определения координат ракеты и перехватчика. Этот метод предполагал, что для каждой перехватываемой боеголовки будет задействованы как минимум три радиолокационных станции точного наведения (РТН). Перехватчик системы А-35 предполагалось оснастить ядерной боеголовкой, разработка ядерного заряда для которой была поручена КБ в Челябинске-70.[42, с. 94]

В ноябре 1959 г. состоялось обсуждение аванпроекта системы А-35, предложенного Г. В. Кисунько, в 4-м Главном управлении Министерства обороны (Главное управление вооружений Войск ПВО). Военные заключили, что система неоправданно сложна и отвергли ряд предложений разработчиков, которые могли привести к еще большему ее усложнению. При этом, насколько можно судить, сомнения возникали не столько по поводу технической осуществимости предложенного проекта, сколько по поводу способности промышленности и самих вооруженных сил организовать проведение необходимых для реализации проекта работ. Характерным является замечание,

высказанное по результатам обсуждения – «Без Лаврентия Павловича [Берии] эту систему не осилить».[42, с. 94]

Высказанные военными замечания заставили Г. В. Кисунько начать переработку аванпроекта системы А-35. Доработанный проект был представлен им в середине 1960 г. В попытке сделать систему проще, новый проект предполагал совместное использование РЛС точного наведения, так что принцип трех дальностей был сохранен при уменьшении полного числа РТН. Тем не менее, проект был вновь отвергнут (на этот раз Военным советом ПВО) как излишне сложный.[42, с. 96]

Одной из возможных причин отрицательного отношения военных к предлагаемому проекту системы ПРО могла быть весьма ограниченная эффективность системы. В полном составе система А-35 была рассчитана на перехват до 18 атакующих боевых блоков (в разных вариантах аванпроекта число перехватываемых боевых блоков было различным). При этом для поражения одной ракеты предполагалось израсходовать восемь противоракет. Но самым серьезным ограничением, значительно усложнявшим всю систему, являлось количество РЛС, необходимых для работы системы.[42, с. 95] Военные дали понять разработчикам, что для того, чтобы система вряд ли будет одобрена если количество РЛС не будет радикальным образом уменьшено.[42, с. 96]

На результаты обсуждения проектов системы А-35 вне всякого сомнения оказывал влияние ход работ по созданию и испытаниям опытной системы А, сооружавшейся на полигоне Сары Шаган. Можно предположить, что опыт сооружения этой системы, в котором представители Войск ПВО принимали участие в силу контроля за полигоном и участия в строительных работах, способствовал формированию представления о сложности метода трех дальностей, который использовался в системе А и который предлагалось использовать в системе А-35.

Первые испытательные пуски противоракет В-1000 системы А на полигоне Сары Шаган состоялись в мае 1960 г. В ноябре 1960 г. было проведено

первое комплексное испытание системы с привлечением радиолокационных средств, по ракете средней дальности Р-5. В целом, в ходе испытаний возникло очень много проблем, связанных в частности, с недостаточной надежностью техники.[42, с. 81]

Первые действительно положительные результаты испытаний были получены только в марте 1961 г. 4 марта 1961 г. был произведен первый успешный перехват баллистической ракеты Р-12.[28] Проведенная серия успешных испытаний системы А укрепила позиции Г. В. Кисунько и способствовала тому, что в 1961 г. его конструкторское бюро было выделено из состава КБ-1 в самостоятельную организацию ОКБ-30.[42, с. 106]

Как можно видеть, возможность успешного осуществления перехвата баллистической ракеты была продемонстрирована уже в начале 60-х годов. В то же время, развитие стратегических сил и изменение характера военного противостояния Советского Союза и США к этому времени изменились настолько сильно, что роль систем противоракетной обороны, как и стратегической обороны в целом, нуждалась в серьезной переоценке.

1.3. Формирование механизма управления созданием новых вооружений, его особенности

1.3.1. Оборонная промышленность

Основные работы в области создания военных технологий, положенных впоследствии в основу систем стратегических вооружений, были проведены во время Второй мировой войны. Самым значительным из них стало ядерное оружие, разработку которого США завершили в 1945 г. и которое США применили против Японии на заключительном этапе войны. Другим принципиально новым видом вооружения, впервые примененным в ходе Второй мировой войны, стали баллистические ракеты большой дальности, которые были созданы в Германии и применялись ей против Великобритании. К новым системам вооружений следует отнести и радиолокационные средства обна-

ружения самолетов, которые также впервые были применены в ходе Второй мировой войны, в первую очередь Великобританией.

В Советском Союзе еще до начала Второй мировой войны велись научные разработки в каждой из этих областей – была сформирована сильная научная школа в области ядерной физики, велись исследовательские и конструкторские работы в области реактивного вооружения, в ограниченном объеме, но все же велись работы в области военного использования радиолокации.[55, с. 252] Тем не менее, в военное время ни одно из этих направлений в Советском Союзе не получило развития, так как приоритет был отдан удовлетворению потребностей действующей армии. Работы в области исследования возможности создания ядерного оружия и радиолокационных средств велись, но их масштаб был ограничен рамками научных исследований.[44, с. 60] В области ракетной техники, работы были сконцентрированы на создании неуправляемых ракет малой дальности.

После применения Соединенными Штатами ядерного оружия против Японии в августе 1945 г. руководство Советского Союза незамедлительно приняло меры по реструктуризации и существенному ускорению советской ядерной программы. Проведенная реорганизация ядерной программы стала началом нового этапа в развитии советской промышленности. Структура ядерной программы впоследствии была повторена в ходе реализации других масштабных наукоемких и технологических проектов в военной области. Анализ этой структуры и причин, вызвавших необходимость принятия специальных мер, позволяет выявить важные черты, объединявшие эти проекты в первые послевоенные годы и оказавшие значительное влияние на последующее их развитие.

В военные годы ответственность за разработку и производство вооружений несли отраслевые народные комиссариаты (наркоматы, НК), в составе которых находились исследовательские институты, конструкторские бюро, опытные и серийные заводы – НК авиационной промышленности, НК бое-

припасов, НК вооружения, НК судостроения, НК минометного вооружения, НК судостроительной промышленности и НК танковой промышленности.[55, с. 152-169] Существенной чертой сформировавшейся в Советском Союзе структуры промышленного производства была особая роль, принадлежавшая наркомату внутренних дел (НКВД), который имел в своем распоряжении значительные людские ресурсы, широко использовавшиеся на строительстве разного рода объектов.

Для нашего анализа более важно то обстоятельство, что в последние предвоенные годы в составе НКВД были созданы структуры, которые были призваны осуществлять исследования и конструкторские разработки в области вооружений и военной техники. В частности, в НКВД было создано 9-е Главное управление, которое курировало оборонную промышленность и научно-исследовательские институты, как входившие в структуру НКВД, так и находившиеся в подчинении наркоматов оборонной промышленности.[169] О важности, которую руководство НКВД придавало этому управлению можно судить по тому, что его возглавлял заместитель наркома внутренних дел А. П. Завенягин, ставший впоследствии одним из ключевых участников советской ядерной программы.

Концентрация управления научными и конструкторскими разработками в НКВД привела к тому, что когда в августе 1945 г. встал вопрос о начале работ по созданию ядерного оружия, НКВД оказался единственной структурой, которая имела в своем распоряжении необходимые организационные и людские ресурсы и обладала достаточными властными полномочиями для реализации столь сложного и масштабного проекта. Существенным обстоятельством стало и то, что в отличие от других военных отраслей, таких, например, как авиационная или танковая, ядерная промышленность была принципиально новой отраслью, требовавшей создания совершенно новой организационной и промышленной инфраструктуры.

Основу организационной структуры, созданной для реализации ядерной программы, составили Специальный комитет по решению атомной проблемы, созданный решением Государственного комитета обороны от 20 августа 1945 г., и Первое главное управление при Совете народных комиссаров, образованное 29 августа 1945 г.[44, с. 60] Председателем Специального комитета был назначен Л. П. Берия, который в тот момент занимал должности первого заместителя председателя Совнаркома и наркома внутренних дел. Назначение Л. П. Берии на должность председателя Специального комитета обеспечивало поддержку работ по созданию ядерного оружия на самом высоком политическом уровне и доступ к ресурсам, которыми располагал в тот момент НКВД.

Первое главное управление, которое возглавил нарком боеприпасов Б. Л. Ванников, было призвано обеспечить практическую реализацию ядерного проекта. В постановлении Совета министров от 6 апреля 1946 г., которое утвердило организационную структуру ПГУ, было закреплено право ПГУ на практически неограниченный доступ к людским, материальным и научным ресурсам, в том числе находившимся в распоряжении других министерств (включая и НКВД).[55, с. 216] В отличие от программ, осуществляемых в рамках традиционных оборонных министерств, расходы по финансированию Спецкомитета не включались в бюджет, а осуществлялись за счет открытой для него специальной кредитной линии – «все расходы, связанные с работами над ядерным оружием осуществлялись в порядке чрезвычайного финансирования, без предварительного рассмотрения и утверждения смет».[55, с. 241] Подобная практика несомненно была обусловлена особой важностью, которую советское руководство придавало работам в области создания ядерного оружия. В то же время, она отражала сложность планирования расходов в отсутствии точных представлений о масштабах и характере проблем, с которыми могли столкнуться разработчики.

Опыт организации ядерной программы исключительно важен потому что он был впоследствии использован при развертывании работ в других областях, связанных с созданием и освоением принципиально новой техники – ракетной или радиолокационной. Как и в случае с ядерной программой, в существовавшей в конце войны оборонной промышленности не было структур, которые обладали бы достаточным опытом проведения работ в этой области. Кроме этого, характер задач, которые нужно было решать в ходе создания новых систем вооружений требовал особого внимания к вопросам взаимодействия различных ведомств и предприятий, которые были вовлечены в создание сравнительно небольшого количества очень сложных в технологическом отношении образцов, в отличие от более традиционной в то время ориентации на массовое производство.

Поскольку организационная схема, предусматривавшая создание Специального комитета, оправдала себя в случае ядерной программы, при решении вопроса о начале работ в области ракетной техники и радиолокации был выбран аналогичный путь. 13 мая 1946 было принято Постановление Совета Министров СССР № 1017-419 СС "Вопросы реактивного вооружения".[68] Спецкомитет по реактивной технике возглавил Г. М. Маленков, который представлял в комитете политическое руководство. Его заместителем был назначен Д. Ф. Устинов, занимавший в то время пост министра вооружений.

Несколько позже аналогичная структура была создана и для координации работ в области радиолокации. Постановлением Совета министров от 10 июля 1946 г. был создан Специальный комитет по радиолокации (или Комитет №3). Первоначально комитет возглавил Г. М. Маленков.[13, с. 126-127; 55, с. 254] Задания по разработке радиолокационных систем были выданы практически всем оборонным министерствам и Спецкомитет №3 по всей видимости должен был осуществлять лишь общую координацию работ.

В течение последующих нескольких лет в структуре Спецкомитетов были проведены изменения, которые отразили различия в подходах к важности

решаемых ими проблем. Спецкомитет по атомной проблеме и Первое главное управление оставались ключевыми органами управления ядерной программой вплоть до смерти И. В. Сталина в 1953 г. и последовавшей за ней реорганизацией программы. В области реактивной техники специального управления, аналогичного ПГУ, создано не было и основной объем работы выполнялся Министерством вооружений, которое фактически стало головным министерством по разработке ракетной техники.

Ситуация в области работ по радиолокации была другой. В отличие от атомной и ракетной программ, работы по созданию радиолокационных средств не были объединены в один крупный проект, а были рассредоточены по различным министерствам. По всей видимости это привело к тому, что эффективность работы Специального комитета по радиолокации была сравнительно невысокой и в 1949 г. он был расформирован. Функции Спецкомитета №3 были переданы 5-му Главному управлению Министерства обороны.[13, с. 127]

Структура руководства работами в области радиолокационных средств претерпела значительные изменения в конце 1949–начале 1950 г., когда перед разработчиками лично И. В. Сталиным была поставлена задача создания системы противовоздушной обороны (ПВО) Москвы.[42, с. 17; 28] Наличие единого масштабного проекта вновь потребовало создания организационной структуры, которая смогла бы обеспечить его реализацию. Для практической реализации программы создания ПВО Москвы было создано Третье главное управление при СМ СССР, аналогичное ПГУ. Это управление возглавил В. М. Рябиков. Головной опытно-конструкторской организацией ТГУ стало КБ-1 (начальник А. С. Елян), реорганизованное из Специального Бюро №1 НКВД (СБ-1, было выделено из состава НИИ-20 Наркомата вооружений в сентябре 1947 г.). Главными конструкторами КБ-1 были С. Л. Берия и П. Н. Куксенко.[55, с. 236]

Следует отметить, что и на этот раз создание новой централизованной управленческой структуры было связано с осознанием необходимости разработки принципиально нового класса вооружений. Новизна предполагаемой системы ПВО Москвы заключалась в использовании в ее составе зенитных ракет в сочетании с радиолокационными средствами.[42, с. 17]

Характер централизации, которую предусматривала структура Третьего главного управления, характеризует тот факт, что в управлении были сосредоточены как разработчики и производители, так и заказчики техники – в управлении была создавалась собственная система военной приемки. Более того, предполагалось, что ТГУ будет нести ответственность за обучение личного состава военных частей, которые должны были осуществлять боевую эксплуатацию системы с тем, чтобы в войска передавались части, полностью готовые к несению боевого дежурства.[28]

Создание Спецкомитетов свидетельствовало об особой важности, которую политической руководство Советского Союза придавало задачам создания ядерного оружия, ракетной и радиолокационной техники. В то же время, гораздо более важным обстоятельством, обусловившим необходимость создания Спецкомитетов, было отсутствие в послевоенной оборонной промышленности опыта научных и конструкторских работ в области создания такой техники. Нельзя не отметить и особую роль НКВД в организации работ, обусловленную не только его возможностью распоряжаться людскими ресурсами и трудом заключенных, но и тем обстоятельством, что в послевоенных условиях НКВД был одной из немногих организаций, способных организационно обеспечить реализацию масштабных проектов.

Следующий этап в развитии структуры советского оборонно-промышленного комплекса и той его части, которая обеспечивала создание систем противоракетной обороны, связан с преобразованиями, осуществленными в 1953 г. Основные мероприятия по реорганизации оборонного комплекса были проведены в июне–июле 1953 г. Вся атомная программа в 1953

г. (по разным данным – в апреле или июне) была объединена в Министерстве среднего машиностроения, которое было создано на основе Первого главного управления при СМ СССР.[55, с. 246]

Проведенная в 1953 г. дальнейшая реорганизация оборонного комплекса привела к ликвидации Третьего главного управления СМ СССР. Оно было преобразовано в Главное управление специального машиностроения (Главспецмаш) и передано в состав Министерства среднего машиностроения (Минсредмаш, МСМ).[13, с. 132; 42, с. 406] Головная конструкторская организация Третьего главного управления, КБ-1, также была передана в МСМ в составе Главспецмаша. Существовали также планы передачи в ведение Министерства среднего машиностроения работ по созданию ракетной техники,[13, с. 98-99] но эти планы осуществлены не были и основные предприятия и КБ, вовлеченные в ракетную программу остались в ведении Министерства вооружений, которое было преобразовано в Министерство оборонной промышленности в марте 1953 г.

Реорганизация советского оборонного комплекса в 1953 г. происходила одновременно с ключевыми событиями в стране – смертью И. В. Сталина 5 марта 1953 г., арестом Л. П. Берия 26 июня 1953 г. и последовавшим за ним отстранением от должностей ряда назначенных им руководителей, в числе которых был его сын, С. Л. Берия, бывший одним из главных конструкторов системы ПВО Москвы. Это обстоятельство значительно усложняет оценку причин проведенных преобразований. Тем не менее, можно предположить, что реорганизация в целом отражала то обстоятельство, что ведомства, занятые в наукоемком оборонном производстве, к тому моменту уже в основном сформировали сеть профильных предприятий, КБ и НИИ, которая позволяла им работать без постоянной поддержки со стороны политического руководства, которое обеспечивали Спецкомитеты.

Другим существенным изменением, произошедшим в ходе реорганизации 1953 г., стала передача функций заказчика от разработчиков реальному по-

требителю – Министерству обороны.[28] Это, в частности, относилось к системам противовоздушной обороны – после ликвидации Третьего главного управления СМ СССР функции заказывающего управления были переданы Главному управлению вооружения Войск ПВО. Для эксплуатации зенитно-ракетных комплексов была сформирована отдельная армия ПВО.[44, с. 348]

В целом, процесс реформирования сработал в сторону нормализации управления наукоемкими отраслями оборонной промышленности, уход от «чрезвычайной» модели их работы и формирования механизмов, которые могли бы обеспечить рабочее взаимодействие вооруженных сил и разработчиков военной техники. В то же время, объединение разнородных отраслей в рамках одного министерства очевидно создавало определенные сложности в управлении работами. Такое объединение было ликвидировано в ходе проведенной в 1955 г. реорганизации оборонной промышленности.

Основу проведенной в апреле 1955 г. реорганизации составило выделение из Министерства среднего машиностроения непрофильных отраслей и управлений. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 апреля 1955 г. из состава Министерства среднего машиностроения были выделены Главспецмонтаж, Главспецмаш и Управление транспортного машиностроения. Вместе с ними из состава МСМ были выделены КБ-1, ОКБ-2, а также предприятия и конструкторские бюро, участвовавшие в создании ракетной техники. На базе аппарата Главспецмаша создается Специальный комитет Совета министров по ракетно-космическому и ракетно-ядерному вооружению, который возглавил В. М. Рябиков. Впоследствии именно этот комитет станет основой для создания Военно-промышленной комиссии. В ходе реорганизации КБ-1, находившееся до того в подчинении Главспецмаша, было переведено в подчинение Министерства оборонной промышленности, которое тогда возглавлял Д. Ф. Устинов.

Создавшаяся после преобразований 1955 г. структура оборонного комплекса просуществовала недолго и была изменена в ходе предпринятой Н. С.

Хрущевым реформы управления промышленностью, которая предусматривала переход на территориальный принцип управления. Выполняя установки февральского 1957 г. пленума ЦК КПСС, Верховный совет СССР 10 мая 1957 г. принял закон, который упразднил отраслевые союзные министерства и передал предприятия, находившиеся в их подчинении, совнархозам и республиканским министерствам.

Такой подход не мог в полной мере быть применен к предприятиям оборонного комплекса, так как их работа в существенной степени зависит от взаимодействия разработчиков техники и ее производителей, которое могло быть нарушено при ликвидации централизованного управления предприятиями. С целью выработки рекомендаций по реформированию оборонного комплекса, в июле 1957 г. была создана специальная комиссия, в состав которой вошли представители ЦК и оборонных министерств.[55, с. 285]

В заключении комиссии предлагалось сохранить министерства авиационной, оборонной, судостроительной и радиотехнической промышленности с тем, чтобы они обеспечивали проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИР и ОКР) по созданию новых образцов техники и для руководства внедрением новых технологий. В предлагаемой схеме на совнархозы предлагалось возложить ответственность за организацию серийного производства (в т. ч. организацию его снабжения). В результате, предприятия оборонного комплекса оказывались бы в двойном подчинении – со стороны профильного министерства и со стороны совнархоза.[55, с. 285] Но эти предложения приняты не были. Вместо этого в октябре 1957 г. была создана еще одна комиссия, а в ноябре 1957 г. – было проведено совещание в ЦК КПСС, посвященное вопросам реформы оборонной промышленности.[55, с. 286]

Результатом проведенных в 1957 г. обсуждений стали решения, принятые в декабре 1957 г. В соответствии с ними были упразднены оборонные министерства – авиационной, судостроительной, оборонной и радиотехнической

промышленности. Вместо них для организации НИР и ОКР были созданы Государственные комитеты при Совете министров СССР. Для координации деятельности госкомитетов и обеспечения их взаимодействия с министерством обороны была создана Комиссия по военно-промышленным вопросам при Президиуме СМ СССР (Военно-промышленная комиссия, ВПК).[55, с. 287-288] Комиссию возглавил Д. Ф. Устинов, который одновременно стал заместителем Председателя Совета министров СССР.[42, с. 409]

Основные черты созданной в 1957 г. структуры оборонной промышленности сохранилась вплоть до распада Советского Союза в 1991 г. Ее основу составляла опора на отраслевые министерства (или госкомитеты) в проведении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и ведущая роль, которая отводилась Военно-промышленной комиссии в координации этих работ. Впоследствии Военно-промышленная комиссия стала ключевым органом управления оборонной промышленностью, но на момент ее создания она объективно не могла играть той роли, которую она приобрела в дальнейшем. ВПК еще не обладала возможностью независимой оценки работ, проводившихся разработчиками военной техники.[61] В то же время, ее создание стало очень важным этапом в становлении механизма управления разработками военной техники и, более широко, механизма выработки решений, связанных с созданием стратегических вооружений и определением принципов их применения.

1.3.2 Создание структуры ПРО в Вооруженных силах

Очень важной составной частью процесса формирования механизма выработки решений в области стратегических вооружений, было создание в Вооруженных силах структур, которые были призваны осуществлять выработку требований к системам вооружений, осуществлять контроль за их разработкой и обеспечивать приемку созданных систем. Как уже отмечалось, первоначально представители Вооруженных сил организационно входили в

состав управлений, обеспечивавших разработку вооружений. Более того, в составе этих управлений находились и подразделения, призванные осуществлять эксплуатацию нового оружия. Такая практика была обусловлена в первую очередь сложностью создаваемых систем вооружений, которые требовали продолжения контроля со стороны разработчиков не только на этапе создания и испытаний, но и на этапе их эксплуатации.

Подобная концентрация процессов выработки требований к новому вооружению, его разработки, приемки и эксплуатации, объяснимая на начальном этапе формирования системы управления созданием вооружений, становилась неоправданной по мере того, как представители Вооруженных сил приобретали опыт эксплуатации вооружений и могли выступать в качестве заказчика. Создание механизмов, которые позволяли бы военным реализовать эту роль, было очень важным этапом развития институтов выработки решений в области стратегических вооружений.

В ходе реорганизации оборонной промышленности, проведенной в 1953 г., и в ходе которой было расформировано Третье главное управление при Совете министров СССР, роль заказчика систем противовоздушной обороны была передана в Министерство обороны. Ответственность за приемку разрабатывавшихся в ТГУ и его преемнике, Главспецмаше, систем противовоздушной обороны была возложена на 4-е Главное управление Министерства обороны (Главное управление вооружений Войск ПВО). Несколько позже, в мае 1956 г. внутри 4-го ГУМО создается 5-е управление опытно-конструкторских разработок, в ведение которого были переданы вопросы ПВО (а в дальнейшем – и вопросы ПРО, системы предупреждения о ракетном нападении и системы контроля космического пространства).[42, с. 32]

К моменту когда вооруженные силы получили полномочия заказчика, в войсках уже был накоплен опыт работы с новыми вооружениями, который позволял им активно влиять на процесс их приемки и высказывать претензии разработчикам техники.[23] Так, например, по признанию разработчиков

системы ПВО Москвы С-25, ее сдача вооруженным силам проходила очень тяжело и военные настаивали на проведении целого ряда дополнительных испытаний и проверок.[28] Система была принята на вооружение в мае 1955 г., но не была поставлена на боевое дежурство.[41]

Таким образом, в середине 50-х годов начала складываться практика, которая характеризовалась тем, что Министерство обороны и представители видов Вооруженных сил не только обладали формальной возможностью влиять на процесс разработки и приемки новых наукоемких систем вооружений, но и имели в своем составе необходимых для этого специалистов и организационные механизмы. В то же время, в случаях когда речь шла о действительно новых системах вооружений, возможности военных были ограничены, так как в полной мере ситуацией владели (и то далеко не всегда) только разработчики. Именно по этой причине роль вооруженных сил в определении стратегии развития систем противоракетной обороны в до конца 50-х годов была ограничена.

Так, например, создание проекта полигонной системы А было осуществлено практически без участия военных. Но уже разработка тактико-технического задания на систему ПРО Москвы уже была поручена Министерству обороны, которое приступило к этой работе в 1958 г.[20, с. 42] Результаты этой работы, с одной стороны свидетельствовали об увеличении роли военных в выработке требований к новой системе. В то же время, они продемонстрировали, что мнение разработчиков по-прежнему является решающим при рассмотрении ключевых технических вопросов. В целом тактико-техническое задание на разработку системы исходило из архитектуры, предложенной СКБ-30 – предполагалось, в частности, что радиолокационные средства системы будут построены исходя из использования принципа трех дальностей для определения координат ракеты и перехватчика.[20, с. 42]

Участие представителей Вооруженных сил в разработке требований к системам стратегических вооружений (в данном случае – системам противо-

воздушной и противоракетной обороны) обеспечивало очень важный канал, дававший им возможность влияния на решения, касающиеся принципов применения стратегических сил. По мере того, как в Вооруженных силах происходило накопление опыта анализа и эксплуатации систем стратегических вооружений, роль проводимой ими экспертизы возрастала, способствуя укреплению независимой от разработчиков экспертизы различных предложений в этой области.

1.4. Содержание этапа и основные выводы

1.4.1. Представления о стратегической обороне, сложившиеся к началу 60-х годов.

Как можно видеть из рассмотрения процессов развития вооруженных сил Советского Союза и США в 50-х годах, в первые годы после появления ядерного оружия, представления о его применении в целом находились в рамках существовавших в то время представлений о характере возможного военного конфликта. Несмотря на то, что особая роль ядерного оружия была осознана сразу же после его создания, подходы к его использованию, существовавшие в то время, исходили в основном из необходимости и допустимости применения ядерного оружия в традиционных военных операциях. Так, например, ядерное оружие было впервые применено США для осуществления стратегических бомбардировок японских городов, которые по своим задачам практически полностью повторяли стратегические бомбардировки, проводившиеся обычной бомбардировочной авиацией. Многократно превосходящее возможности обычного вооружения поражающее действие ядерного оружия выступало, скорее, как средство повышения эффективности бомбардировок, нежели как качественно новый фактор военных действий (хотя, несомненно, способность осуществлять стратегические бомбардировки с таким увеличением их эффективности сама по себе была существенным фактором, оказавшим влияние на ход войны).

Наиболее существенное влияние на представления о возможном применении ядерного оружия оказывали характеристики первых ядерных боеприпасов и средств их доставки. Тот факт, что первые ядерные боеприпасы США планировалось использовать для осуществления стратегических бомбардировок, отражал прежде всего то обстоятельство, что единственным средством доставки этих боеприпасов была тяжелая бомбардировочная авиация, а их количество и возможности по поражению целей были недостаточными для того, чтобы решающим образом повлиять на операции соединений вооруженных сил в случае полномасштабного военного конфликта. Характерно, что по мере совершенствования боезарядов довольно быстро были созданы тактические системы ядерного оружия, ориентированные на применение в пределах поля боя или театра военных действий – вплоть до артиллерийских систем. Если в начале 50-х годов весь ядерный арсенал США был сосредоточен в Стратегическом авиационном командовании, то к середине 50-х годов уже примерно треть американского арсенала ядерных боеприпасов приходилась на системы тактического оружия. Появление этих систем вооружений в полной мере отражало ориентацию на применение ядерного оружия для ведения боевых действий, существовавшую в 50-х годах.

В Советском Союзе первоначальные представления о применении ядерного оружия также были результатом распространения на него традиционных представлений о ведении боевых действий. Кроме этого, как и в США, характеристики боеприпасов и средств их доставки играли очень существенную роль в определении подходов к применению ядерного оружия. Несмотря на отставание от США в процессе разработки ядерного оружия, существовавшее в то время, Советский Союз в середине 50-х годов работал над созданием систем вооружений, которые позволили бы использовать ядерное оружие в ходе традиционных операций вооруженных сил. Свидетельствами такого развития стали учения с применением ядерного оружия, проведенные советскими Вооруженными силами в сентябре 1954 г., работы по созданию

ядерных боеприпасов для торпед и испытания воздействия ядерного оружия на корабли Военно-морского флота, проводившиеся в 1955 г., а также работа над созданием ядерных боезарядов для тактических систем вооружений.[44, с. 410, 413]

Основным фактором, определявшим место ядерного оружия во взаимоотношениях Советского Союза и США, оставалась его роль как стратегического вооружения, предназначенного для оказания решающего влияния на ход вооруженного конфликта в случае его возникновения. (Создание тактического ядерного оружия в этом отношении служит лишь иллюстрацией того, что ядерное оружие зачастую рассматривалось как более мощный аналог обычных вооружений.) Планы применения ядерного оружия, существовавшие в США в 50-х годах, предусматривали нанесение массированного удара по советской территории всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Как можно было видеть, ориентация на такой способ применения ядерного оружия привела к практически неконтролируемому росту количества ядерных боезарядов в арсенале США.

Ориентация США на нанесение стратегического ядерного удара имела исключительно важное значение для формирования в Советском Союзе представлений о роли обороны. Как было показано, уже в 1950 г. в Советском Союзе принимается решение о начале работ по созданию системы противовоздушной обороны Москвы, которая была призвана защитить столицу от массированного налета бомбардировочной авиации. Это решение существенно ускорило работы в области радиолокации и зенитно-ракетной техники, которые впоследствии сделали возможным начало работ над системами противоракетной обороны.

Таким образом, в Советском Союзе уже в 1950 г. работа над оборонительными системами была начата именно как работа по созданию стратегической обороны, призванной защитить территорию страны от масштабного стратегического нападения. Существенным моментом построения оборони-

тельных систем, который впервые проявился в начале 50-х годов, и который не в последнюю очередь был обусловлен их сложностью и высокой стоимостью, стала первоочередная ориентация на оборону Москвы.[44, с. 349] Как будет показано, эти представления о роли обороны оставались в целом неизменными на протяжении довольно длительного времени.

Отношение к стратегической обороне в США также предполагало оборону территории страны от стратегического удара. В то же время, задача по организации обороны, которая стояла перед США в 50-х годах, значительно отличалась от той, которую приходилось решать Советскому Союзу. Это различие было обусловлено прежде всего различием в возможностях стратегических средств доставки, имевшихся у сторон. Советский Союз вплоть до конца 50-х годов не обладал реальной возможностью доставки ядерного оружия на территорию США. Более того, советская дальняя авиация не была способна обеспечить нанесение массированного удара по американской территории. Следует отметить также, что в Советском Союзе не существовало традиции стратегических бомбардировок. Все эти обстоятельства практически исключали возможность нанесения массированного стратегического удара силами советской дальней авиации. Тем не менее, Соединенными Штатами во второй половине 50-х годов была развернута система противовоздушной обороны территории страны, которая должна была отразить нападение бомбардировочной авиации. В отличие от советской системы, которая была ориентирована на первоочередную оборону столицы, система, созданная в США, предполагала оборону городов и военных объектов на всей территории страны.[148]

Различие в подходах было обусловлено различием масштаба стратегического удара, на отражение которого была рассчитана оборонительная система. Советский Союз был вынужден считаться с необходимостью отражения массированного нападения, в котором принимали бы участие все имеющиеся в распоряжении США наступательные средства. Такая необходимость была

обусловлена как наличием конкретных планов США, которые предполагали именно такое использование наступательных средств, так и отсутствием у Советского Союза возможности существенно ослабить мощность удара противника за счет осуществления превентивного нападения на его стратегические силы. В то же время, существовавший дисбаланс в количестве возможностей стратегических средств позволял Соединенным Штатам рассчитывать на возможность существенного ослабления ответного удара, который могли бы нанести советские стратегические силы. В 50-х годах этот фактор еще не играл важной роли, но в дальнейшем он будет оказывать существенное влияние на оценку возможностей систем стратегической обороны.

Несмотря на определенные отличия в построении систем стратегической обороны и различия в возможностях и масштабах развертывания систем, в основе подхода к обороне, принятого в США и в Советском Союзе в 50-х годах, лежало представление о необходимости и возможности обороны от стратегического ядерного удара. Такое представление было связано с несколькими факторами. Во-первых, несмотря на сложность задачи построения обороны, существовала принципиальная техническая возможность ее решения – до конца 50-х годов единственным стратегическим средством доставки была бомбардировочная авиация. Во-вторых, создание оборонительных систем было естественным шагом в условиях отношения к ядерному оружию как к средству ведения войны. В рамках этих представлений необходимость противодействия наступательным операциям противника с целью минимизации ущерба в ходе военных действий не могла быть подвергнута сомнению.

В то же время, необходимо отметить, что по мере совершенствования ядерного оружия и средств его доставки, которое происходило на протяжении 50-х годов, а также по мере осознания возможностей ядерного оружия и последствий его применения, основы стратегии использования ядерных средств, а, следовательно, и подходы к роли обороны, неизбежно должны были подвергнуться пересмотру.

Наиболее отчетливо необходимость пересмотра отношения к обороне проявила себя в вопросах противоракетной обороны. Как можно было видеть из рассмотрения программы создания противоракетных систем, которая осуществлялась в Советском Союзе в 50-х годах, она полностью исходила из традиционных представлений о роли обороны, как одного из способов ведения военных действий. Основное внимание уделялось решению технических и организационных вопросов создания систем ПРО и почти не уделялось внимания анализу перспектив развития угроз, которым должны противостоять системы противоракетной обороны, и роли, которую они способны играть в случае конфликта с применением стратегических сил. Справедливости ради следует отметить, что проведение такого анализа в 50-х годах было затруднено, так как представления о возможном характере военного конфликта были далеки от устоявшихся. Тем не менее, уже на ранних этапах осуществления противоракетной программы проявилась черта, которая в той или иной мере будет проявляться на протяжении практически всей истории ее развития – основное внимание уделялось возможности решения технических вопросов перехвата баллистических ракет и, наоборот, роль, которую системы противоракетной обороны могут играть в общей стратегии применения ядерных сил, не всегда получала должное рассмотрение. Между тем, именно вопрос о роли систем ПРО стал ключевым для судьбы программ создания противоракетной обороны.

Среди факторов, которые обусловили необходимость пересмотра отношения к ядерному оружию и роли противоракетной обороны, были создание и принятие на вооружение в середине 50-х годов термоядерных боеприпасов, которые значительно увеличили возможности стратегических сил по нанесению ущерба, и появление межконтинентальных баллистических ракет, которые представляли собой новое средство доставки ядерного оружия, которому существовавшие системы стратегической противоздушной обороны противостоять не могли. Предпосылки для пересмотра подходов к стратегии при-

менения ядерного оружия, а следовательно и к роли стратегической обороны, начали складываться уже в 50-х годах. Но в полной мере последствия этих изменений проявили себя уже на следующем этапе развития стратегических взаимоотношений между Советским Союзом и США.

1.4.2. Роль советских институтов, обеспечивающих выработку решений в области стратегических вооружений и ПРО

Оценивая роль институтов, которые были вовлечены в процесс формирования политики Советского Союза в области, связанной с разработкой ядерного оружия, а также в области стратегической обороны, необходимо отметить, что Советский Союз в целом правильно отреагировал на особый характер задач, которые возникли в связи с появлением ядерного оружия. Исключительно высокая сложность технических и организационных задач, связанных с созданием ядерных боеприпасов, ракетной техники и средств радиолокации потребовали создания специальных структур управления этими работами. Такие структуры были созданы и продемонстрировали свою способность решать поставленные перед ними задачи по созданию и освоению новой техники.

В то же время, несмотря на общий успех в обеспечении разработки ядерного оружия, ракетной техники и радиолокационных средств, опыт создания для решения этих задач специальных организационных структур обнаружил и наличие определенных проблем в управлении разработками новых систем вооружений. Во-первых, сложившееся к моменту окончания войны положение характеризовалось исключительно высокой степенью концентрации научных, организационных и материальных ресурсов. С одной стороны, такая концентрация способствовала успешному решению задач создания новых вооружений, так как они требовали именно возможности централизованного использования ресурсов. В то же время, централизация заложила основу для создания замкнутого процесса выработки решений, предполагавшего объе-

динение в рамках одной организации как разработчиков так и заказчиков систем вооружений.

Необходимость объединения в одной организационной структуре разработчиков и военных, вне всякого сомнения, была оправданным шагом, который был обусловлен сложностью эксплуатации создаваемых систем. В то же время, такое объединение замедляло процесс формирования независимых от разработчиков институтов, которые обладали бы достаточными возможностями как для выработки технических заданий так и для оценки соответствия им создаваемых систем вооружений.

Как было показано, к концу 50-х годов осознание необходимости разделения полномочий военных представителей и разработчиков привело к тому, что в Вооруженных силах были сформированы заказывающие управления и обеспечивавшие их поддержку исследовательские институты. Этот процесс происходил по мере того, как в вооруженных силах накапливался опыт эксплуатации этих систем. Несмотря на то, что развитие этих механизмов заложило основу для роста влияния представителей Вооруженных сил на ход разработки систем стратегических вооружений, следует признать, что созданная в первые послевоенные годы система управления созданием вооружений, отдавала приоритет разработчикам и это положение не претерпело существенных изменений даже после создания соответствующих институтов в Вооруженных силах. Инициатива в создании новых вооружений как правило принадлежала конструкторским и научно-исследовательским организациям промышленности.

Определенную роль в формировании такого положения сыграла и установка на практически неограниченное финансирование разработок и производства новых стратегических вооружений. Значительная часть расходов по финансированию НИР и ОКР в этой области покрывалась за счет специальных кредитов Государственного банка СССР, не учитываемых в бюджете. Но даже без учета этих кредитов объем финансирования оборонных отраслей

промышленности в период с 1952 по 1959 г. увеличился более, чем в три раза.[55, с. 313] Характерно, что разработчики систем стратегических вооружений практически никогда не ссылаются на недостаток финансовых средств или материальных ресурсов как на фактор, ограничивавший проведение работ. Основным ограничением было не недостаточное финансирование, а способность руководителей работ организовать производство и освоить предоставляемые ресурсы.[42, с. 96]

Ведущая роль разработчиков приводила к тому, что реализация проектов существенным образом зависела от наличия организации, которая была бы заинтересована в его осуществлении и была бы способна организовать разработку. Как можно было видеть на примере начала работ по созданию противоракетных систем, наличие запроса со стороны Вооруженных сил могло быть недостаточным для начала практических работ по созданию системы.

Еще одной характерной чертой системы создания стратегических вооружений в том виде, в котором она сложилась к концу 50-х годов, была очень высокая степень централизации при принятии политических решений по поводу стратегических вооружений и принципов их применения. Политическая централизация традиционно являлась отличительной чертой существовавшего с Советском Союзе механизма принятия решений, но в случае вопросов, связанных со стратегическими вооружениями, степень централизации была более высокой, чем обычно – как из-за высокой стоимости проектов и сложности управления ими так и из-за той важной роли, которую занимали вопросы стратегических вооружений в политике государства.

Централизованный характер выработки и принятия решений сопровождался практически полным отсутствием политических механизмов обсуждения этих решений. Политическое руководство страны практически полностью полагалось либо на собственные представления либо на мнение разработчиков систем вооружений или представителей Вооруженных сил. На первых этапах такая ситуация была во многом неизбежна, так как полного пред-

ставления о возможностях новых систем вооружений и способах и последствиях их применения, не было даже у разработчиков систем. Но даже в этом случае, механизм выработки решений не был в должной степени формализован и не позволял в полной мере учесть мнения всех участников процесса с целью выработки оптимального решения. Кроме этого, в Советском Союзе было невозможно публичное обсуждение вопросов, связанных со стратегическими вооружениями, принципами их применения или последствиями ядерного конфликта.

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на перечисленные проблемы, характерные для сложившегося в Советском Союзе механизма выработки решений, в целом он продемонстрировал способность решить первоочередные задачи, которые стояли перед Советским Союзом в конце 40-х–50-х годах – создание ядерного и ракетного оружия, успешное начало работ в области радиолокации и создание первой системы стратегической обороны. В 50-х годах были заложены основы системы оборонных министерств, ответственных за разработку систем стратегических вооружений. Важным результатом проведенных в этот период преобразований стало создание Военно-промышленной комиссии, которая впоследствии будет играть центральную роль в координации работ и обеспечении взаимодействия исследовательских и конструкторских организаций. Другим существенным результатом 50-х годов стало формирование конкретных механизмов, которые позволяли представителям Вооруженных сил осуществлять контроль за процессом разработки и создания систем стратегических вооружений.

Глава 2. Достижение паритета и заключение Договора по ПРО (1960-1972 гг.)

2.1. Развитие ракетной техники и изменение представлений о характере ядерного конфликта

Процесс совершенствования ядерного оружия и средств его доставки привел к необходимости коренного пересмотра представлений о возможностях использования ядерного вооружения и последствиях его применения. Событием, которое наиболее серьезным образом повлияло на развитие представлений о ядерной стратегии, стало появление в конце 50-х годов в составе стратегических сил США и Советского Союза межконтинентальных баллистических ракет. Появление ракет, в свою очередь, сопровождалось принятием на вооружение термоядерных боеприпасов, которые могли быть доставлены с их помощью. Комбинация мощности термоядерных боеприпасов и возможностей баллистических ракет по их доставке значительно расширила возможности стратегических сил.

Новые возможности ядерного вооружения и многократно увеличившаяся его поражающая способность вступили в противоречие с представлением о ядерном оружии как о средстве ведения боевых действий, принятом на протяжении первых лет его существования. Кроме этого, рост поражающего действия ядерного оружия ставил под сомнение стратегию массированного возмездия, лежащую в основе представлений об применении ядерного оружия. Ракетное оружие позволяло осуществлять более гибкое планирование операций стратегических сил и требовало разработки новых подходов к вопросам контроля за развитием конфликта. Изменение представлений о возможностях применения ядерного оружия, которое нашло отражение в планах его применения, разрабатываемых в США в начале 60-х годов, в итоге послужило наиболее значительным фактором, повлиявшим и на представления о роли противоракетной обороны.

Первенство в освоении межконтинентальных баллистических ракет принадлежало Советскому Союзу. Первые пуски баллистической ракеты на межконтинентальную дальность были произведены в Советском Союзе в 1957 г. Первые боевые ракетные комплексы с ракетой Р-7 были приняты на вооружение нового вида Вооруженных сил СССР – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) – в январе 1960 г.[44, с. 112] Но несмотря на ранние успехи в разработке ракетного оружия, Советскому Союзу не удалось превратить его в стратегическое преимущество над США.

В Соединенных Штатах разработка баллистических ракет сначала отставала от советских работ в этой области, но США оказались в состоянии осуществлять развертывание ракет и их интеграцию в стратегические силы более высокими, чем Советский Союз, темпами. Первые полеты МБР Атлас на межконтинентальную дальность были произведены в 1958 г., а развертывание этих ракет началось в 1960 г. Несколько позже было начато развертывание ракет Титан I. Масштаб развертывания первых межконтинентальных баллистических ракет был ограничен, так как к моменту его начала уже шла работа по созданию более перспективных ракет – твердотопливной МБР Минитмен и жидкостной Титан II. К началу 1962 г. в США было развернуто 57 ракет Атлас Д и Атлас Е.[121] Кроме этого, в 1959-1960 гг. в Великобритании были развернуты 60 ракет средней дальности Тор. В 1960-1962 гг. в Европе также были размещены ракеты средней дальности Юпитер – 30 ракет в Италии и 15 – в Турции.

Таким образом, несмотря на отставание в создании межконтинентальных ракет, Соединенные Штаты к концу 1960 г. смогли создать группировку из примерно 70 баллистических ракет, способных угрожать территории Советского Союза (Атлас Д и Тор).[121] И хотя масштаб развертывания баллистических ракет по-прежнему оставлял первенство за стратегической авиацией, в начале 60-х годов было ясно, что ракеты становятся все более важной частью стратегического арсенала. Еще одним существенным компонентом стратеги-

ческих сил США стали баллистические ракеты морского базирования. В ноябре 1960 г. вышла на боевое патрулирование первая подводная лодка, которая несла 16 ракет Поларис А1. Несколько позже – в июне 1962 г. начали патрулирование подводные лодки с ракетами Поларис А2.

Состав советских стратегических сил заметно отличался от состава сил США, так как формировался в соответствии с возможностями существовавших в Советском Союзе систем доставки. Первыми межконтинентальными средствами доставки, появившимися на вооружении советских вооруженных сил, стали тяжелые бомбардировщики Ту-95 и 3М, которые были приняты на вооружение Дальней авиации в 1957–1958 гг.[44, с. 322, 326] Масштабного развертывания этих бомбардировщиков произведено не было – полное количество развернутых стратегических бомбардировщиков всех модификаций никогда не превышало 175 единиц.[44, с. 298] Отчасти ограниченный масштаб развертывания бомбардировщиков можно объяснить тем, что первые успешные испытания межконтинентальных баллистических ракет состоялись в 1957 г., то есть до принятия бомбардировщиков на вооружение.

Масштабы развертывания межконтинентальных баллистических ракет также были весьма ограниченными. Всего было построено пять стартовых комплексов ракет Р-7.[44, с. 164] В августе 1960 г. были начаты испытания более совершенной межконтинентальной баллистической ракеты Р-16, которая была принята на вооружение уже в ноябре 1961 г.[44, с. 169] Несколько позже, в 1964 г., в состав РВСН поступила еще одна межконтинентальная ракета – Р-9А. Но масштабы развертывания этих баллистических ракет были незначительными – количество ракет, развернутых у начала 1964 г., не превысило 100 единиц.[44, с. 122]

В части баллистических ракет морского базирования, Советский Союз к концу 50-х годов имел на вооружении только дизель-электрические подводные лодки проектов В-611/АВ-611 (Zulu) и 629 (Golf I). Эти подводные лодки были вооружены двумя или тремя ракетами малой дальности и не могли

представлять стратегической угрозы территории Соединенных Штатов.[44, с. 205] В 1961 г. в состав флота была введена первая из атомных подводных лодок – подводная лодка проекта 658. Но эти лодки несли только по три баллистических ракеты, что сильно ограничивало их боевую эффективность.[44, с. 255] В целом, вклад, который подводные лодки могли внести в действия стратегических сил, был невелик.

Характерной чертой всех имевшихся в распоряжении Советского Союза в начале 60-х годов стратегических средств доставки была их невысокая степень боеготовности и малая степень защищенности от поражающего действия ядерного оружия. Так, например, полный цикл подготовки ракеты Р-7 к пуску занимал около суток. Боеготовность ракеты Р-16 была выше, но и в ее случае полный цикл подготовки занимал несколько часов.[44, с. 170] Пусковые установки ракет были чрезвычайно уязвимы – так, например, пусковые установки ракет Р-16 были сгруппированы по три в одном стартовом комплексе, что допускало их уничтожение одним ядерным боезарядом.[44, с. 169]

Темпы развертывания новых комплексов, продемонстрированные Советским Союзом на протяжении первой половины 60-х годов, были довольно низкими. В части ракетных комплексов наземного базирования, например, для развертывания 197 ракет Р-16 потребовалось пять лет. Сооружение новых подводных лодок, вооруженных баллистическими ракетами, также велось сравнительно невысокими темпами, а количество стратегических бомбардировщиков оставалось практически постоянным.[44, с. 298]

В противоположность этому, Соединенные Штаты первой половине 60-х годов осуществили масштабную программу наращивания своего наступательного потенциала. К 1965 г. была завершена программа развертывания ракет Минитмен I, в ходе которой в состав стратегических сил США были введены 800 ракетных комплексов этого типа. В 1966 г. в дополнение к ним были развернуты 150 ракет Минитмен II. В части баллистических ракет морско-

го базирования, США в 1965 г. имели в составе флота 24 подводные лодки Поларис с 384 ракетами Поларис А2 и А3.[120] Кроме этого, США сохраняли свой флот стратегических бомбардировщиков.

Преимущество в количестве стратегических носителей, которого США достигли к середине 60-х годов, а также относительно высокая эффективность баллистических ракет (определяемая как комбинация точности доставки и мощности боезаряда[16, с. 26]) позволяли США планировать нанесение первого обезоруживающего удара, который ставил бы целью уничтожение советского потенциала ответного удара. Такие планы разрабатывались, но уже к середине 60-х годов США были вынуждены признать, что им не удастся полностью лишить Советский Союз потенциала ответного удара даже в случае многократного увеличения разрыва между стратегическими силами сторон. В результате, в 1964 г. США приняли решение ограничить состав своих стратегических сил развертыванием 1000 ракет Минитмен, 54 ракет Атлас, примерно 650 баллистических ракет морского базирования и 500 бомбардировщиков.[105, с. 150] На тот случай если Советский Союз будет увеличивать темпы развертывания своих баллистических ракет, США планировали начать оснащение ракет Минитмен разделяющимися головными частями индивидуального наведения.[91, doc. 173]

Советский Союз действительно вскоре после этого приступил к осуществлению программы масштабного развертывания ракетных комплексов с межконтинентальными баллистическими ракетами второго поколения – УР-100 (СС-11) и тяжелой ракеты Р-36 (СС-9). Эти ракеты размещались в шахтных пусковых установках типа «отдельный старт», что уменьшало их уязвимость, обладали высокой степенью боеготовности и могли долго находиться в боеготовом состоянии.[44, с. 116]

Основным преимуществом новых ракетных комплексов стали их относительная простота и сравнительно невысокая стоимость, которые обусловили исключительно высокие темпы их развертывания. Развертывание началось в

1966 г., а уже в 1968 г. количество комплексов УР-100 достигло 659, а Р-36 – 170 (впоследствии количество ракет УР-100 было доведено до 990, а Р-36 – до 268). Наиболее высокими темпами развертывание шло в 1967 г. – в состав РВСН было введено 290 ракет УР-100 и 78 ракет Р-36 (то есть в среднем по одной ракете в день).[44, с. 116]

Решение о разработке ракет второго поколения и масштабах развертывания принималось еще в 1962-1963 гг. и опиралось на существовавшее в тот момент понимание роли баллистических ракет и способов их возможного применения. В частности, к ракетным комплексам не предъявлялось жестких требований по выживаемости и устойчивости по отношению к поражающему действию ядерного взрыва. Шахтные пусковые установки ракет не обладали степенью защищенности, позволявшей им сохранить работоспособность после ядерного взрыва. Несмотря на это, характеристики баллистических ракет УР-100 и Р-36 в полной мере отвечали требованиям ситуации – их развертывание позволило лишить США количественного превосходства и полностью исключить возможность нанесения обезоруживающего удара по стратегическим силам Советского Союза.

Развертывание новых ракетных комплексов оказало самое непосредственное влияние на дальнейшее развитие стратегических вооружений как в США, так и в Советском Союзе. Во-первых, увеличение числа советских стратегических носителей стало одним из решающих факторов (наряду с работами с области ПРО), обусловившим принятие решения об оснащении баллистических ракет разделяющимися головными частями индивидуально-го наведения (РГЧ ИН). Во-вторых, масштабы программы развертывания вынудили США начать поиски возможностей ограничения стратегических наступательных вооружений. Оба эти обстоятельства повлияли на работы в области создания систем ПРО, которая велась как в Советском Союзе так и в США.

Несмотря на то, что первые баллистические ракеты с РГЧ ИН поступили в состав стратегических сил США только в 1970 г., потенциал новой технологии был осознан в Советском Союзе задолго до этого.[58, с. 231] Появление на вооружении США ракет, оснащенных РГЧ ИН, и очень высокая точность боевых блоков вновь поставили вопрос о возможности нанесения обезоруживающего удара по советским стратегическим силам. Такая возможность заставила Советский Союз начать работу по переоценке подходов к нанесению гарантированного удара по территории США.

Вопрос о возможности нанесения гарантированного удара по США стал предметом научно-исследовательских работ, которые велись как в промышленности, так и в Вооруженных силах.[14; 58, с. 231] В 1967 г. была сформулирована рекомендация о существенном увеличении живучести ракетных комплексов. При этом предлагалось два основных способа увеличения живучести – укрепление шахтных пусковых установок баллистических ракет и создание мобильных баллистических ракет. Оба предложения нашли поддержку КБ Южное, которое уже вело такие работы.

В основе предложений КБ Южное лежала идея создания ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, которые могли бы использовать уже имеющиеся шахты ракет. Шахты при этом предлагалось укрепить не осуществляя их демонтажа.[58, с. 186, 231]

В начале 1968 г. с альтернативным предложением выступил Генеральный конструктор ОКБ-52 В. Н. Челомей, который предложил не проводить укрепления шахт. Им предлагалось ограничиться модернизацией ракеты УР-100 (СС-11), оснастив новую ракету – УР-100К – головной частью с более мощным боезарядом. В перспективе В. Н. Челомей предлагал заменить ракету УР-100К, на новую ракету УР-100Н, для которой предлагалось создать новые защищенные шахтные пусковые установки.[58, с. 232]

Предложения двух конструкторских бюро вызвали серьезные разногласия в оборонной промышленности и Вооруженных силах. Военные поддержали

предложения В. Н. Челомея, так как склонялись к необходимости сохранения опоры на упреждающий удар как на основной механизм сдерживания (упоминался также и ответно-встречный удар, но в то время Советский Союз не обладал технической возможностью обнаружения ракетного нападения). Эти предложения также поддержал министр общего машиностроения С. А. Афанасьев. Причина поддержки промышленностью не в последнюю очередь была связана с желанием обеспечить наименее сложный переход к серийному производству новых ракет, который обещало проведение модернизации УР-100. Предложения М. К. Янгеля были поддержаны Д. Ф. Устиновым и председателем ВПК Л. В. Смирновым. Интерес самих конструкторских бюро заключался, несомненно, в получении заказа на работу над новым масштабным проектом. Все эти обстоятельства обеспечили очень напряженное обсуждение конкурирующих проектов, которое стало известно как «малая гражданская война».[58, с. 231]

Итогом обсуждения вопроса о способах базирования новых ракетных комплексов стала победа точки зрения о целесообразности укрепления шахт и, следовательно, опоры на нанесение ответного удара. После обсуждения В. Н. Челомей также предложил проект ракетного комплекса с укрепленной шахтой и ракетой УР-100Н (СС-19), которая была принята на вооружение одновременно с ракетами МР УР-100 (СС-17) и Р-36М (СС-18).[44, с. 119] Окончательное решение по всем этим вопросам было принято в 1970-1971 гг.

Обсуждение вопроса о выборе нового ракетного комплекса дало очень сильный импульс процессу пересмотра подходов к использованию ядерного оружия. Основной чертой состоявшегося обсуждения был его системный характер, который требовал решения многих вопросов, относящихся к обеспечению операций стратегических сил. В частности, именно это обсуждение привело к тому, что в начале 70-х годов в Советском Союзе началась практическая работа по созданию системы раннего предупреждения о ракетном на-

падении и системы боевого управления и связи, способных обеспечить действия стратегических сил в условиях воздействия сил противника.

В части, касающейся противоракетной обороны, принятые решения свидетельствовали о том, что ей отводилось довольно незначительное место в обеспечении живучести ракетных комплексов. Кроме этого, принятие решения об оснащении новых комплексов РГЧ ИН не могло не сказаться на оценке перспектив систем противоракетной обороны, работа над которыми шла в США и в Советском Союзе.

2.2. Развитие систем ПРО

2.2.1. Советские программы создания противоракетной обороны

Начало работ по созданию системы А-35

Рассматриваемый период – 60-е и начало 70-х годов – стал определяющим периодом в развитии программ создания систем противоракетной обороны как в Советском Союзе так и в США. До 60-х годов работа в области создания систем ПРО была сосредоточена на поиске технических решений, позволяющих осуществить перехват баллистических ракет. После того, как эта задача была успешно решена в начале 60-х годов, Советский Союз и США столкнулись с необходимостью решать вопросы, обусловленные меняющейся ролью наступательных стратегических вооружений и наличием тесной взаимосвязи между наступательными и оборонительными вооружениями. Анализ хода программ разработки ПРО, которые велись в Советском Союзе, позволяет проследить как менялись представления о противоракетной обороне.

В начале 60-х годов основным проектом в области противоракетной обороны был проект создания системы ПРО Москвы, осуществлявшийся в ОКБ-30 КБ-1 под руководством Г. В. Кисунько. В марте 1961 г. средствами системы А, развернутой на полигоне в Сары-Шагане, был осуществлен первый успешный перехват баллистической ракеты. В то же время, решение задачи

обороны Москвы от атаки межконтинентальных ракет требовало создания новой системы.

После серии испытаний с перехватом ракет, проведенной в 1961 г., конструкторское бюро Г. В. Кисунько представило на утверждение проект системы ПРО Москвы, получившей обозначение А-35. Схема предложенной системы была значительно упрощена в сравнении с той, которая использовалась при построении полигонной системы А. Для сопровождения цели и противоракеты использовалось по одной РЛС точного наведения. В качестве РЛС дальнего обнаружения предполагалось использовать РЛС Дунай-3.[42, с. 97]

Реальная работа по созданию объектов системы А-35 началась в 1962 г., после того как Г. В. Кисунько защитил эскизный проект перед государственной комиссией.[20, с. 45] В октябре 1962 г. было начато строительство объектов системы А-35 под Москвой.[42, с. 97]

Вопросы, возникшие в ходе рассмотрения проекта системы, были связаны с тем, что надежность системы оставалась невысокой.[42, с. 106] На оценку эффективности работы системы А (а также предлагаемой системы А-35, построенной на тех же принципах) повлияли и результаты серии испытаний с использованием реальных ядерных боезарядов, проведенной в 1961-1962 гг.[44, с. 397-398] Задачей экспериментов было выяснение способности радиолокационных средств системы А вести сопровождение целей и противоракет в условиях проведения высотных ядерных взрывов. Результаты экспериментов продемонстрировали исключительную сложность перехвата в таких условиях и, следовательно, ограниченную способность системы осуществлять перехват в условиях массированного нападения.

Примерно в это же время были получены первые результаты работ по созданию средств преодоления противоракетной обороны. Первые работы в этой области были начаты в 1958 г. в НИИ-108. Работа над средствами преодоления ПРО была начата для обеспечения неуязвимости советских ракет,

но к 1961 г. было решено провести испытания способности этих средств преодолевать средства системы А.[42, с. 102] Серия испытаний была начата летом 1961 г. и закончена в 1962 г. В целом средства системы А позволяли выделить боеголовку на фоне ложных целей.[28] В то же время, было ясно, что средства преодоления будут развиваться и в будущем будут представлять собой серьезную проблему для систем противоракетной обороны.

Проект системы «Таран»

Несмотря на успешные в целом испытания системы А и одобрение начала работ над созданием системы А-35, сомнения в отношении осуществимости этого проекта оставались как у руководства промышленностью так и у политического руководства страны. Это проявилось в ходе обсуждения и одобрения альтернативного проекта системы ПРО, предложенного ОКБ-52, возглавляемого В. Н. Челомеем.

В начале 60-х годов в ОКБ-52 В. Н. Челомей была начата работа над рядом проектов в области создания баллистических ракет. Одним из основных проектов ОКБ стала серия баллистических «универсальных ракет» (УР), которые предлагалось использовать в самых различных приложениях. Полный модельный ряд должен был состоять из легкой межконтинентальной ракеты УР-100, средней МБР УР-200 и тяжелой УР-500.[44, с. 143]

Одним из основных аргументов, которые В. Н. Челомей приводил в пользу разрабатываемых в его ОКБ ракет, являлся их универсальный характер, который теоретически позволял сэкономить значительные средства. Первые серьезные предложения по созданию новой системы ПРО В. Н. Челомей представил в 1962 г.[42, с. 152] В качестве противоракет в составе системы должны были использоваться МБР УР-100 (СС-11). Предполагалось, что в состав системы войдут радиолокационные средства, созданные в РТИ под руководством А. Л. Минца – РЛС ЦСО-П в качестве станции дальнего обнаружения и ЦСО-С как станция обнаружения и сопровождения целей. Кроме

этого, предполагалось, что система будет включать в свой состав в качестве системы «ближнего боя» систему ПРО С-225.[42, с. 152] Проект, предложенный В. Н. Челомеем, получил название «Таран». Предполагалось, что система сможет обеспечить оборону «основной части территории СССР».[42, с. 152]

В октябре 1962 г. системы «Таран» и А-35 оценивала комиссия, возглавляемая Главнокомандующим Войск ПВО. Результатом рассмотрения стало одобрение проекта А-35, но отрицательного заключения на проект «Таран» выдано не было. Вместо этого было принято решение о создании совместной с промышленностью комиссии, которая рассмотрела бы положение с работами в области противоракетной обороны в целом.[42, с. 152] Комиссия признала, что у обеих систем существуют серьезные проблемы и не приняла определенного решения в пользу какой-либо из них.[42, с. 152-153]

Можно выделить несколько причин, по которым проект «Таран» пользовался поддержкой. Значительную роль сыграло доверие, которым пользовался В. Н. Челомей у Н. С. Хрущева. Немаловажным было и то, что проект А-35 продолжал вызывать множество вопросов относительно его осуществимости и не пользовался безусловной поддержкой руководства радиотехнической отрасли и военных. И, наконец, все более очевидной становилась бесперспективность создания системы, которая была способна перехватывать лишь единичные боезаряды. В отличие от А-35, система «Таран» с самого начала предлагалась как система, призванная обеспечить оборону территории страны от массированного ракетного удара.

В мае 1963 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О разработке противоракетной обороны территории страны», которое предусматривало начало работ по созданию системы «Таран». Предполагалось, что аванпроект будет подготовлен к концу 1964 г.[42, с. 153]

Уже после принятия решения о начале работ над проектом системы «Таран» ее разработчикам стало ясно, что решение задачи перехвата не может

быть осуществлено без обеспечения управления противоракетой на конечном участке сближения с целью. Использование баллистической ракеты УР-100 в качестве перехватчика этого сделать не позволяло. На определенном этапе В. Н. Челомей предпринял попытку включить в состав системы «Таран» противоракеты А-350, разрабатывавшиеся в рамках работ по системе А-35, которые вело ОКБ-30 Г. В. Кисунько, но эта попытка не увенчалась успехом.[42, с. 153]

Работы по созданию системы «Таран» были прекращены практически сразу после смещения Н. С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 г. В конце 1964–начале 1965 г. был принят ряд решений в отношении разрабатывавшихся стратегических наступательных, оборонительных, а также космических систем. В результате целый ряд проектов, которые осуществлялись в КБ В. Н. Челомея, в том числе и проект «Таран», были прекращены.[44, с. 177]

Создание системы А-35

Прекращение работ по проекту «Таран» означало, что единственным проектом создания противоракетной обороны, на основе которого может быть создана система ПРО территории страны, оставалась система А-35. За время, прошедшее после приостановки работ над системой А-35, ее разработчики осуществили глубокую переработку проекта системы. Разработанный к 1964 г. проект предполагал, что в состав системы будет входить шестнадцать стрельбовых комплексов, расположенных на восьми стартовых позициях вокруг Москвы. Каждый из стрельбовых комплексов должен был включать в себя восемь пусковых установок противоракет, одну РЛС сопровождения цели и две РЛС сопровождения изделия (т.е. противоракеты). Один комплекс был рассчитан на проведение двух последовательных залпов, которые должны были привести к поражению одной баллистической ракеты. Кроме

стрельбовых комплексов в состав системы ПРО должны были войти восемь РЛС обнаружения цели «Дунай-3».

В начале 1965 г. было принято решение о возобновлении строительства полигонного образца стрельбового комплекса системы (известного как «Алдан»), которое было прекращено в 1963 г.[42, с. 157] При этом был установлен новый срок сдачи системы А-35 в эксплуатацию – ноябрь 1967 г. В состав ее первой очереди должны были войти четыре стрельбовых комплекса на позициях в Загорске, Клину, Наро-Фоминске и Нудоли, радиотехнические узлы с РЛС дальнего обнаружения в Кубинке и Чехове, основной и запасной командные пункты, расположенные соответственно в Солнечногорске и Кубинке, а также система передачи данных и техническая база, расположенная в Балабаново.[42, с. 155]

Одновременно с продолжением работ над уже существовавшим проектом, по настоянию Войск ПВО была начата работа по созданию второй очереди системы ПРО Москвы и нового проекта системы обороны территории страны. Требования военных были обусловлены тем, что несмотря на довольно глубокую переработку системы А-35, проведенную в 1963-1964 гг., в новой конфигурации она по-прежнему была не способна решать задачи отражения массированного ракетного удара. Как можно видеть из состава системы, она не была рассчитана на перехват более 16 боевых блоков.

Требования военных привели к тому, что в течение 1965 г. работа над проектами перспективных средств противоракетной обороны была интенсифицирована. Основным проектом оставался проект, предложенный ОКБ-30 под руководством Г. В. Кисунько, но в то же время шла работа и над альтернативными предложениями. Рассмотрению новых проектов было посвящено заседание Совета обороны, состоявшееся в ноябре 1965 г. ОКБ-30 представило свои предложения по завершению работ над системой А-35, разработке второй очереди системы ПРО Москвы и созданию системы противоракетной обороны территории страны. Предполагалось, что и вторая очередь ПРО Мо-

сквы и система ПРО территории страны будут построены на основе модернизации средств, использовавшихся в системе А-35. Основным новым элементом обеих систем должна была стать РЛС «Истра» сантиметрового диапазона.[42, с. 176] Предлагалось, что полная система обороны территории будет построена в три этапа – система ПРО Москвы, затем оборона европейской части территории СССР и затем – ее азиатской части. Система «Аврора» в полном составе должна была осуществить перехват до 300 боеголовок баллистических ракет, каждая из которых могла сопровождаться средствами преодоления обороны.[178, с. 167; 42, с. 172]

Заключение Совета обороны по представленному аванпроекту было неоднозначным. Была отмечена непроработанность вопроса о селекции ложных целей и высокая стоимость предлагаемой системы. Тем не менее, по результатам рассмотрения вопроса было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О создании первой очереди противоракетной обороны Европейской части территории страны», в котором ОКБ-30 поручалось разработать новый аванпроект системы «Аврора» и проект второй очереди системы ПРО Москвы.

Показателем того, что предложенные ОКБ-30 решения не полностью отвечали требованиям заказчика, стало принятое на том же заседании решение о проведении работ над созданием двух параллельных проектов. В принятом постановлении были даны поручения Радиотехническому институту А. Л. Минца по разработке многофункциональной РЛС ПРО и НИИ-244 – по созданию РЛС «Программа-2» (эта работа велась под руководством Ю. Г. Буракова).[42, с. 172] Характерно, что основным аргументом в пользу создания РЛС «Программа-2» был тот факт, что она представлялась наиболее подходящей для обеспечения работы в условиях массированного удара с применением средств преодоления обороны.

Кроме работ над созданием системы ПРО территории страны, было решено продолжить работу над системой С-225, которая создавалась в КБ-1

под руководством А. А. Расплетина. Радиолокационные средства системы позволяли производить обнаружение боевых частей баллистических ракет на дальности около 800 км, что означало, что система С-225 была переориентирована на решение задач ближнего перехвата. Для решения такой задачи требовалась новая скоростная противоракета, разработка которой была поручена конструкторскому бюро ОКБ-8 (в настоящее время – КБ «Новатор»), которое возглавлял Л. В. Люльев.[42, с. 145] Для практической реализации проекта в ноябре 1965 г. было принято решение о создании на полигоне Сары-Шаган полигонного образца стрельбового комплекса системы С-225, который получил обозначение «Азов».[42, с. 146]

Теоретически, система С-225 могла быть использована для построения обороны районов базирования баллистических ракет, но насколько можно судить, такая возможность при решении вопроса о разработке системы в 1965 г. не обсуждалась.[14]

Таким образом, в конце 1965 г. в Советском Союзе осуществлялись сразу несколько проектов в области противоракетной обороны. Основным из них был проект создания системы обороны Москвы А-35, осуществление которого было находилось на стадии строительства объектов полигонного комплекса «Алдан» в Сары-Шагане и объектов самой системы вокруг Москвы. Все остальные работы находились на стадии разработки аванпроектов и подготовки к строительству полигонных образцов стрельбовых и радиолокационных средств.

Очень важным обстоятельством, оказавшим влияние на оценку возможностей системы противоракетной обороны, была продолжавшаяся как в Советском Союзе так и в США работа по созданию средств преодоления ПРО, начатая в конце 50-х годов. В 1963 г. НИИ-108, в котором велись эти работы, закончил работы в рамках НИР «Купол», в которой обобщены результаты работ и испытаний по преодолению ПРО. Результаты работы свидетельство-

вали о том, что создание средств преодоления возможно, и НИИ-108 приступил к их разработке.[42, с. 103]

Работы по созданию средств преодоления ПРО велись и в ракетных КБ, которые были вынуждены принимать во внимание планы США по развертыванию противоракетной обороны. В КБ Южное в ходе разработки ракеты Р-36 был создан комплект средств преодоления ПРО. Создание этих средств было начато в 1965 г. и в 1967 г. они уже были приняты на вооружение.[178, с. 128-129]

Поскольку проблема средств преодоления ПРО становилась центральным вопросом, в ОКБ-30, выделившееся к тому времени в самостоятельную организацию – ОКБ «Вымпел» – в 1966 г. была начата НИР «Селекция», в задачу которой входило изучение возможности борьбы со средствами преодоления. В предложенном ОКБ-30 проекте «Аврора» предусматривалось, что для отделения ложных целей будет использоваться «расчищающий» ядерный взрыв. Радиолокационные средства системы ПРО должны были зафиксировать различия в поведении объектов под воздействием этого взрыва и на основе этих данных выделить боевые части баллистических ракет на фоне ложных целей.[42, с. 172] В то же время, результаты проведенной НИР говорили о том, что в полной мере проблему решить не удастся.[42, с. 211]

Оценивая решения в области ПРО, принятые в 1965 г., можно отметить, что несмотря на то, что необходимость работы в условиях массированного нападения с применением средств преодоления ПРО, осознавалась как серьезная проблема, и военные и промышленность и политическое руководство страны исходили из того, что эта проблема может и должна быть решена. Тем не менее, на последующее развитие ситуации очень большое влияние оказало развитие стратегических вооружений, которое происходило в тот период – прежде всего, быстрое увеличение количества самих баллистических ракет как наземного так и морского базирования, так и перспектива их оснащения разделяющимися головными частями индивидуального наведения.[14]

На последующее развитие ситуации в области создания систем противоракетной обороны оказали влияние и задержки с сооружением запланированных объектов ПРО. Сооружение полигонного стрельбового комплекса «Алдан», который должен был стать прототипом стрельбовых комплексов системы А-35, было завершено только в 1967 г. Первые испытания комплекса были проведены в сентябре 1967 г., а пуски противоракет – только в 1969 г.[42, с. 152]

В июне 1967 г. состоялось совещание, на котором разработчики системы А-35 были подвергнуты критике за срыв сроков ввода системы в эксплуатацию. Итогом совещания стало решение о создании межведомственной комиссии, которая должна была рассмотреть перспективы развития систем ПРО.[42, с. 173]

Работа комиссии проходила в сентябре 1967 г. В ходе рассмотрения проектов систем противоракетной обороны, были подвергнуты очень серьезной критике все представленные проекты. Особенно серьезные претензии были выдвинуты в отношении системы «Аврора».[20, с. 57-58] Проекты, представленные А. Л. Минцем (РЛС «Дон-Н») и Ю. Г. Бурлаковым (РЛС «Программа-2»), также были отклонены, так ни один из них не позволял решить проблемы выделения ложных целей. Как результат, начало опытно-конструкторских работ по программе создания системы «Аврора» в представленном виде было признано нецелесообразным.[20, с. 57-58; 178, с. 168; 42, с. 175]

Ситуация, которая сложилась после отклонения проекта «Аврора», была очень противоречивой. С одной стороны, становилось ясно, что существовавшие на тот момент проекты систем ПРО не могли решить поставленной перед ними задачи. С другой стороны, и у разработчиков и у военных оставалась надежда на создание средств, которые смогут обеспечить оборону страны. В очередной раз вопрос о средствах ПРО был рассмотрен в мае 1968 г. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР, принятое 20 мая 1968 г., предусмат-

ривало меры по завершению работ над первой очередью системы ПРО Москвы А-35. Этим же постановлением Г. В. Кисунько назначался генеральным конструктором работ по созданию системы противоракетной обороны территории страны.[42, с. 211]

В результате принятия постановления от 20 мая 1968 г. была изменена также структура управления работами в области ПРО. В составе ОКБ Вымпел был создан Научно-тематический центр, который возглавил А. Г. Басистов, назначенный также заместителем генерального конструктора систем ПРО.[42, с. 211]

В целом, отклонение проекта «Аврора» не воспринималось как поражение идеи создания системы территориальной ПРО. Скорее наоборот – отказ от этого проекта воспринимался как возможность начала новых масштабных работ в области ПРО.[14] В то же время, по свидетельству В. И. Маркова, занимавшего пост заместителя министра радиопромышленности, полной ясности с направлением новых работ не было.[42, с. 211] В определенной степени преобразования в системе управления работами в области ПРО были связаны именно с необходимостью выработки новых подходов и привлечения к ним новых специалистов.

Летом 1968 г. Министерством радиопромышленности была образована группа ведущих специалистов в области ПРО, которой было поручено представить предложения о направлениях развития систем ПРО. Ход обсуждения показал в целом отрицательное отношение к проекту развития средств ПРО, основанному на совершенствовании средств системы ПРО Москвы А-35. А. Г. Басистов предлагал начать разработку полностью новой системы. Заключение рабочей группы стало результатом компромисса, в соответствии с которым предполагалось осуществить поэтапную модернизацию системы А-35 и лишь после этого приступить к созданию новой системы.[42, с. 211]

Предложения группы специалистов были рассмотрены на заседаниях научно-технического совета Министерства радиопромышленности в ноябре

1968 г., который отверг предложенный план, так как он не предлагал решений, которые позволили бы бороться с массированным ударом или ложными целями. К такому же заключению пришел и Координационный совет по проблеме ПРО, который рассматривал этот вопрос в декабре 1968 г.[42, с. 213]

Основным результатом обсуждений стало отсутствие конкретного решения либо об однозначном выборе в пользу систем, предлагавшихся Г. В. Кисунько, либо о прекращении этих работ и начале разработки новой системы. Такая неопределенность была обусловлена многими обстоятельствами, основным из которых следует признать отсутствие реальной альтернативы и неопределенность в отношении роли, которую системы ПРО могут играть в обеспечении стратегической обороны страны. В целом, состояние работ в области ПРО было признано неудовлетворительным.[42, с. 216]

Принятые в 1968-1969 гг. решения свидетельствовали о весьма серьезном кризисе программы создания противоракетной обороны. Как можно видеть, основная ответственность была возложена на руководство промышленности и на разработчиков системы. В то же время, сложности, с которыми столкнулись разработчики, были вызваны не столько неспособностью промышленности организовать производство компонентов системы, сколько тем, что создаваемая система была неадекватна угрозе, сложившейся к концу 60-х годов и, как следствие, продолжение работы над ней встречало все большее сопротивление со стороны всех институтов, вовлеченных в процесс выработки решений. Тем не менее, работа по созданию системы была продолжена.

В 1967 г. были начаты испытания полигонного стрельбового комплекса «Алдан» системы А-35. В ходе испытаний разработчикам и военным пришлось столкнуться с множеством проблем, которые наглядно демонстрировали сложность обеспечения надежности такой сложной системы, которой являлась система противоракетной обороны.[42, с. 158-160] Государственные испытания комплекса «Алдан» были завершены в июне 1970 г. К этому времени под Москвой было в основном завершено создание трех из предпола-

гавшихся восьми стрельбовых комплексов «Енисей» системы А-35, РЛС дальнего обнаружения Дунай-3 и командных средств системы.

Тем не менее, ввод системы в эксплуатацию задерживался. Оценка возможностей сооружаемых под Москвой стрельбовых комплексов «Енисей» системы А-35, проведенная в 1970 г. в связи с началом развертывания в США баллистических ракет с разделяющимися головными частями, продемонстрировала, что система А-35 не способна будет защитить Москву даже от нападения одиночной ракеты. Стрельбовые комплексы первой очереди пришлось подвергнуть модернизации (модернизированные комплексы получили обозначение «Тобол»).[42, с. 188] В итоге, испытания первой очереди системы А-35 были начаты только в 1971 г. По результатам испытаний, завершённых в марте 1971 г., представители промышленности настаивали на принятии системы на вооружение и продолжении работ над ее созданием. Военные категорически требовали возврата системы в промышленность для доработки и устранения недостатков. В итоге было принято компромиссное решение – система была передана в эксплуатацию, но не принята на вооружение. Военным также удалось настоять на прекращении строительства системы. Таким образом, состав системы был ограничен восемью стрельбовыми комплексами и двумя радиотехническими узлами дальнего обнаружения.[42, с. 189]

В опытную эксплуатацию система была принята в декабре 1974 г. В ее состав вошел командно-вычислительный пункт, расположенный в Кубинке, четыре стартовые позиции с двумя стрельбовыми комплексами каждая – в Загорске, Клину, Наро-Фоминске (на каждой из этих позиций было развернуто по одному комплексу «Енисей» и «Тобол») и Клину (два «Тобола»), техническая база в Балабаново и кабельные системы. В состав каждого стрельбового комплекса входило две РЛС изделия РКИ-35, одна РЛС цели РКЦ-35 и восемь противоракет А-350Ж.[42, с. 190] Один стрельбовый комплекс был рассчитан на перехват одной баллистической ракеты.

Эксплуатация системы А-35 в действительности не осуществлялась. Боевые ракеты никогда не устанавливались на позиции и вместо них на пусковых установках были размещены электровесовые имитаторы.[42, с. 268] 31 декабря 1974 г., непосредственно после того, как система А-35 была передана военным для эксплуатации, министр радиопромышленности предложил командованию Войск ПВО прекратить работы по модернизации этой системы как бесперспективной.[42, с. 190]

Начало работ над системой А-135

В конце 1969 г.–начале 1970 г. была проведена очередная оценка перспектив работ в области противоракетной обороны. В созванном с этой целью совещании, приняли участие все главные конструкторы, имевшие отношение к работам в этой области, представители военных, промышленности и Академии наук. Основным результатом совещания стало окончательное утверждение мнения о невозможности создания системы противоракетной обороны территории страны. В то же время, полностью работы в области ПРО отвергнуты не были. Была в целом одобрена идея создания нового комплекса ПРО, который смог бы осуществить перехват одиночной цели.[20, с. 64; 42, с. 213; 165, с. 22]

В январе 1970 г. Министерство радиопромышленности осуществило масштабную реорганизацию той части отрасли, которая была вовлечена в разработку и производство систем противоракетной обороны, а также систем раннего предупреждения и контроля космического пространства. В ходе этой реорганизации все предприятия и организации, занятые работой в этих областях, были сведены в Центральное научно-производственное объединение «Вымпел». Приказ о создании ЦНПО «Вымпел» был подписан 15 января 1970 г.[42, с. 217]

В состав ЦНПО вошли как ОКБ «Вымпел», которое на тот момент было головной организацией в области разработки средств противоракетной обо-

роны, и Научно-тематический центр, возглавлявшийся А. Г. Басистовым. Г. В. Кисунько сохранил за собой пост генерального конструктора ПРО, но головной организацией ЦНПО стал Научно-тематический центр А. Г. Басистова.[42, с. 215]

В это же время в НТЦ под руководством А. Г. Басистова была начата научно-исследовательская работа по разработке облика перспективной системы ПРО, получившей обозначение А-135. В июне 1971 г., в рамках этой работы была начата разработка проекта стрельбового комплекса дальнего перехвата, получившего обозначение “Амур”. Согласно предложенному НТЦ проекту, в состав системы должны были войти модернизированная А-35, стрельбовые комплексы ближнего перехвата С-225 и стрельбовые комплексы “Амур”. Радиолокационные станции “Дон-Н” комплексов “Амур” предполагалось разместить на расстояниях 300 и 600 км от Москвы. Поручения по разработке проектов компонентов системы были выданы разработчикам в декабре 1971 г.[42, с. 242]

Этот проект был пересмотрен после подписания советско-американского Договора по ПРО в мае 1972 г. Среди прочих ограничений Договор запрещал развертывание компонентов системы ПРО за пределами 150-км радиуса от Москвы. В результате в состав стрельбового комплекса “Амур” были включены ракеты ближнего перехвата, разрабатывавшиеся для системы С-225, а все задачи по сопровождению целей и противоракет были возложены на модернизированную многофункциональную РЛС “Дон-2Н”. [42, с. 243] Радиолокационные средства С-225 были исключены из состава проектируемой системы. Переработанный проект системы А-135 был подготовлен в 1973 г.

Необходимо отметить, что работа над проектом системы А-135 велась в рамках научно-исследовательских работ, проводившихся в Министерстве радиопромышленности, и не была обеспечена поддержкой, которой пользовались опытно-конструкторские разработки. О том, что проекту системы А-135 не придавалось особой важности свидетельствует и то обстоятельство, что в

ходе переговоров о заключении Договора по ПРО советская сторона не предпринимала попыток сформулировать ограничения договора таким образом, чтобы обеспечить возможность развертывания системы А-135 в ее первоначальном варианте.

2.2.2. Проекты противоракетной обороны США и переговоры об ограничении систем ПРО

Работы по созданию систем противоракетной обороны, которые велись в Советском Союзе, необходимо рассматривать в контексте работ, которые велись в этой области в США, а также в контексте начатого в конце 60-х годов переговорного процесса, который привел к подписанию в 1972 г. документов, получивших известность как Договор ОСВ-1 (Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений) и Договор по ПРО (Договор об ограничении систем противоракетной обороны).

В Соединенных Штатах практические работы в области противоракетной обороны были начаты в конце 50-х–начале 60-х годов. Основной системой ПРО, разрабатывавшейся в то время, была система Nike Zeus, которая представляла собой стрельбовый комплекс с ракетой дальнего перехвата и поворотными радиолокационными станциями. Первые перехваты боеголовок были осуществлены в июне 1962 г. Программа первоначально не пользовалась активной поддержкой администрации США, но и не вызывала принципиальных возражений.[166, с. 333] Основные возражения против программы сводились к необходимости учета средств преодоления обороны (следует помнить, что в США уже в 1962 г. была завешена работа по созданию средств преодоления обороны первого поколения).

Результатом учета этого обстоятельства стало появление проекта системы Nike X, в состав которой входили ракеты как дальнего перехвата, так и ближнего перехвата. Радиолокационные станции обнаружения и сопровож-

дения цели представляли собой РЛС с фазированной антенной решеткой, что позволяло осуществлять одновременное сопровождение нескольких боеголовок. Работа над разработкой проекта системы Nike X была начата в 1963 г. и уже в 1965 г. проект был готов.[166, с. 334] После этого система Nike X и ее средства служили основой для создания практически всех разрабатывавшихся в США в 60-х и 70-х годах проектов противоракетной обороны. Изменялись, как правило, только масштабы предполагаемого развертывания и планируемое предназначение системы.

Первоначальная оценка возможностей системы противоракетной обороны была довольно оптимистичной. Этому способствовало и то обстоятельство, что США, обладая значительным количественным преимуществом перед Советским Союзом в части наступательных средств, могли рассчитывать на нанесение обезоруживающего удара по военным целям на территории Советского Союза, который упрощал задачу системы противоракетной обороны. [139, с. 157-159]

В то же время, уже на ранних этапах работ в области ПРО появилось понимание потенциальной возможности гонки наступательных и оборонительных вооружений. Первые внутренние документы такого рода стали циркулировать в администрации США примерно в 1962 г.[128, с. 128] Впоследствии опасения по поводу возможной дестабилизирующей роли противоракетной обороны стали высказываться и в открытой дискуссии, которая велась в США.[124, с. 154]

В то же время, в 1962 г. и еще в течение нескольких лет после этого, развитие советских стратегических наступательных вооружений не давало основания для серьезного пересмотра возможности системы ПРО противостоять советскому ракетно-ядерному удару. В 1965 г., в момент завершения работы над проектом Nike X, основу стратегических сил Советского Союза составляли 220 межконтинентальных баллистических ракет.[44, с. 122] Кроме этого, в состав стратегических сил входили 104 баллистических ракеты морско-

го базирования на 37 подводных лодках и около 170 стратегических бомбардировщиков.[44, с. 210, 298] В целом, структура и возможности советских стратегических сил были таковы, что позволяли США рассчитывать на нанесение обезоруживающего удара, который мог бы уничтожить значительную долю наступательных средств СССР.

Положение начало меняться в середине 60-х годов, по мере того, как Советский Союз осуществлял разработку и развертывание новых систем наступательных вооружений. По мере создания средств преодоления обороны и их совершенствования техническая возможность создания системы ПРО, способной отразить ракетное нападение Советского Союза стала все чаще подвергаться сомнению. Оценки перспектив развития стратегических сил показывали, что создание систем ПРО будет дестабилизирующим шагом.[91, doc. 171] В то же время, для того, чтобы представление о дестабилизирующем влиянии систем ПРО стало основой позиции США в вопросе о противоракетной обороне, понадобилось чтобы Советский Союз на практике продемонстрировал намерение и возможность осуществить масштабное наращивание своих стратегических наступательных сил. Это произошло после того, как в 1966 г. Советский Союз начал программу развертывания ракет УР-100 (СС-11) и Р-36 (СС-18).

Сомнения в технической осуществимости проекта создания системы ПРО и исключительно высокие темпы развертывания советских ракет привели к серьезной переоценке программы ПРО, которая была проведена в декабре 1966 г. К этому времени в администрации уже утвердилось представление о дестабилизирующем влиянии, которое могло оказать развертывание противоракетной обороны на развитие советско-американских отношений. Несмотря на это, сторонники ограничения противоракетной обороны еще не могли одержать верх, так как масштабы осуществлявшейся Советским Союзом программы модернизации стратегических сил еще не были до конца ясны.[99, 133]

В итоге, в декабре 1966 г. было принято решение о выделении финансирования на создание системы с тем пониманием, что конкретная работа не будет начинаться до тех пор, пока не будет выяснена реакция Советского Союза.[166, с. 336-337] Одновременно с объявлением о выделении средств на разработку противоракетной системы, администрация США объявила о намерении начать дискуссию с Советским Союзом об ограничении систем ПРО.[135, с. 281-282; 34, с. 162; 91, doc. 178]

Предложение США о начале переговоров об ограничении систем противоракетной обороны, сделанное в январе 1967 г., послужило сильным стимулом для начала конкретной работы по разработке позиции в отношении советско-американских переговоров по ограничению вооружений. При этом необходимо отметить, что первоначальные позиции Советского Союза и США заметно отличались. США делали основной упор на ограничении систем ПРО, полагая, что такое ограничение лишит Советский Союз стимула к дальнейшему наращиванию наступательных вооружений. Соответственно, первоначальное предложение США не подразумевало проведения переговоров об ограничении наступательных вооружений.[91, doc. 178]

В Советском Союзе, наоборот, основную проблему видели не в оборонительных системах, а в том превосходстве в наступательных вооружениях, которым обладали США. В предварительных обменах мнениями по проблеме переговоров, состоявшихся в конце 1966 г., Советский Союз повторил свою позицию о том, что переговоры возможны, но что основным вопросом на них должны стать вопросы ограничения и сокращения наступательных вооружений.[91, doc. 174; 34, с. 162] США приняли это предложение практически сразу и уже 4 марта 1967 г. президент США объявил о готовности обсуждать наступательные вооружения наряду с оборонительными.[135, с. 282]

Несмотря на то, что идея переговоров была одобрена, конкретных шагов по началу переговоров не последовало. Не помогла продвижению начала переговоров и встреча президента США Л. Джонсона и председателя Совета

министров СССР А. Н. Косыгина, состоявшаяся в июне 1967 г. в Глассборо.[34, с. 164-165] Результаты встречи в Глассборо как правило интерпретируются как свидетельство неготовности советского руководства отказаться от осуществления программы создания противоракетной обороны страны. Действительно, А. Н. Косыгин в ходе встречи не дал прямого согласия на начало переговоров об ограничении систем ПРО. В то же время, представляется, что не следует переоценивать значения этого отказа. Как можно видеть из анализа советской противоракетной программы, решение о создании системы противоракетной обороны на тот момент еще не было принято. Широко цитируемое утверждение А. Н. Косыгина о том, что проблема заключается не в оборонительных, а в наступательных вооружениях, не могло свидетельствовать о том, что Советский Союз в тот момент сделал сознательный выбор в пользу оборонительных систем. Скорее, оно свидетельствует о том, что вопрос о возможном влиянии развертывания систем ПРО на динамику наращивания наступательных вооружений попросту не рассматривался и позиция, выраженная во время встречи в Глассборо, являлась лишь подтверждением общей позиции, предусматривавшей необходимость сокращения наступательных вооружений.

Нежелание советского руководства немедленно согласиться на введение ограничений в области ПРО и приостановку ведущихся в СССР работ в этой области поставило администрацию США в сложное положение и заставило ее разработать конкретный план работ по созданию собственной системы ПРО. Руководство министерства обороны рассчитывало на то, что начало работ в области ПРО поможет убедить Советский Союз начать переговоры об ограничении наступательных и оборонительных вооружений.[166, с. 339; 124, с. 171]

Сохраняющиеся опасения по поводу дестабилизирующего влияния программы ПРО привели к тому, что при выработке программы администрация США предприняла все возможные меры для того, чтобы продемонстрировать

Советскому Союзу, что создаваемая система не направлена против него. В сентябре 1967 г. министр обороны США объявил о начале работ по созданию «легкой» системы противоракетной обороны Сентинел, которая должна была защитить территорию США от возможного нападения со стороны Китая.[89] Другим аргументом в пользу создания систем ПРО, который начал все чаще использоваться в США для оправдания программы, была необходимость защиты шахт баллистических ракет, которая должна была укрепить потенциал сдерживания США.

После встречи в Глассборо в июне 1967 г. вопрос о начале советско-американских переговоров об ограничении систем противоракетной обороны и наступательных вооружений не поднимался до лета 1968 г., когда обе стороны вновь подтвердили свою готовность начать диалог.[34, с. 165; 57] В июле 1968 г. было объявлено о том, что достигнута договоренность о начале переговоров, но после этого диалог был отложен из-за интервенции Советского Союза в Чехословакии и затем – из-за президентских выборов в США.[124, с 186; 34, с. 166] В январе 1969 г., сразу после вступления нового президента США в должность, Советский Союз публично подтвердил намерение начать переговоры.[34, с. 176]

Новой администрации США потребовалось время для того, чтобы осуществить пересмотр программы противоракетной обороны и выработать позицию в отношении переговоров с Советским Союзом.[166, с. 341] Результатом пересмотра программы ПРО стало переименование системы Сентинел в Сэйфгард, которое сопровождалось изменением состава системы и новой формулировкой стоящих перед ней задач.

К этому моменту вопрос о возможности защиты населения страны от ракетной атаки, массовой или ограниченной, с помощью систем ПРО был решен не в пользу противоракетных систем и США переориентировали систему на обеспечение усиления сдерживающего потенциала баллистических ракет наземного базирования за счет защиты шахтных пусковых

установок.[92] Кроме этого, существенным обстоятельством, обусловившим сохранение противоракетной программы было желание новой администрации США обеспечить себе выгодную позицию на переговорах с Советским Союзом.[34, с. 176] План создания системы Сэйфгард был обнародован президентом США в марте 1969 г. Основной задачей системы стало обеспечение обороны шахтных пусковых установок баллистических ракет.[166, с. 341] Но и это решение было встречено в США очень неоднозначно, так как к этому моменту там уже сложилось четкое представление о дестабилизирующем потенциале систем ПРО. В августе 1969 г. при голосовании в сенате проект создания системы Сэйфгард был одобрен в перевесом всего в один голос.[166, с. 341]

Вскоре после того, как в США было принято решение о начале работ по развертыванию системы ПРО, начались советско-американские переговоры, одной из заявленных целей которых было ограничение противоракетных систем. Первая встреча советской и американской делегаций на переговорах об ограничении вооружений состоялась 17 ноября 1969 г. Уже в ходе первого раунда переговоров выяснилось, что стороны по-разному подходят к их содержанию. Советский Союз не придавал проблеме ограничения систем ПРО того значения, которое ей придавали в США. Центральным предложением советской позиции был вопрос об американских средствах передового базирования и их учете в балансе стратегических сил.[165, с. 9; 62, с. 73] Отсутствие реальной заинтересованности в обсуждении вопросов ПРО проявилось в том, что Советский Союз объявил о своей готовности согласиться с любым из трех вариантов – с полным отсутствием ограничений на создание систем ПРО, договоренностью об установлении пределов на создание систем ПРО или полный запретом на противоракетные системы.[34, с. 179; 165, с. 22]

Американская сторона с самого начала предложила ввести ограничения на создание систем противоракетной обороны. Было выдвинуто несколько предложений, которые предусматривали, что стороны смогут развернуть от

100 до 200 перехватчиков. После того, как выяснилось, что США придают большое значение вопросу об ограничении ПРО, Советский Союз предпринял меры по выработке более конкретной позиции. Вопрос о противоракетной обороне был рассмотрен в ходе анализа результатов первого раунда переговоров. При этом многие участники «пятерки» впервые получили возможность ознакомиться с аргументами о потенциально дестабилизирующей роли противоракетной обороны.[165, с. 21] Кроме этого, на позицию Советского Союза не могли не оказать влияния результаты посвященного анализу состояния дел в области ПРО совещания, проведенного в промежутке между первым и вторым раундом переговоров, которое было рассмотрено в описании советской программы ПРО.[165, с. 22] Как было показано, результатом этого совещания был отказ от попыток разработки обороны территории страны и концентрация усилий на создании средств обороны от одиночных ударов.

В целом, предложенный США подход, основанный на ограничении масштаба развертывания систем ПРО, удовлетворял советскую сторону и в дальнейшем обсуждение вопроса о противоракетной обороне в основном касалось технических деталей – количества и расположения районов развертывания ПРО и деталей конфигурации системы.

Переговоры об ограничении систем ПРО в целом оказались наименее противоречивой частью переговоров. В отношении наступательных средств позиции сторон были гораздо дальше друг от друга. В результате, уже на самых ранних стадиях переговоров стороны сосредоточились на решении вопросов противоракетной обороны.[62, с. 73; 34, с. 178-179] В области наступательных вооружений было решено ограничиться мерами, которые позволяли отложить решение вопроса о средствах передового базирования. Официально о том, что переговоры будут сосредоточены на оборонительных вооружениях, было объявлено в мае 1971 г.[165, с. 24; 34, с. 180]

Как следует из анализа советской противоракетной программы, к этому времени были закончены государственные испытания полигонного стрельбового комплекса «Алдан», по результатам которых было принято решение об ограничении строительства системы А-35 первой очередью. Соответствующее постановление датировано 10 июня 1971 г.[42, с. 189] В результате решений в отношении системы А-35, советская переговорная позиция формулировалась таким образом, чтобы сделать возможным завершение работ по созданию объектов первой очереди этой системы. В состав первой очереди входили восемь стрельбовых комплексов с восемью противоракетами каждый, расположенных на четырех стартовых позициях. В состав каждого комплекса также входили три РЛС. Кроме этого, были предусмотрены два радиотехнических комплекса с РЛС дальнего обнаружения.[69]

На этапе выработки конкретных ограничений американская сторона предлагала рассмотреть вопрос о полном запрете на противоракетные системы. Ответ советской стороны был нейтральным и нельзя исключать того, что если бы США продолжили переговоры в этом направлении, то такой договоренности удалось бы достичь, но США довольно быстро отказались от этого предложения. [87, 94]

Договор об ограничении систем противоракетной обороны был подписан 26 мая 1972 г. в ходе встречи в верхах в Москве. Основным положением договора был запрет на развертывание систем ПРО территории страны или ее отдельного района. Исключение было сделано для двух районов – один мог включать в себя столицу государства, а второй – район развертывания баллистических ракет. В состав каждой системы ПРО не должны были входить более 100 пусковых установок противоракет. Система ПРО, развернутая вокруг столицы, должна быть размещена в пределах района радиусом 150 км и включать в себя не более шести районов с радиолокационными станциями радиусом 3 км каждый. Для системы, развертывание которой разрешалось

вокруг баз МБР, радиус района развертывания также не мог превышать 150 км, но внутри него позволялось размещать до 20 РЛС.

Как можно было ожидать, ограничения, вошедшие в текст Договора по ПРО, были сформулированы таким образом, чтобы позволить сторонам завершить создание систем, которые в на момент переговоров находились в процессе строительства и развертывания. Поскольку СССР не намеревался осуществлять развертывание системы ПРО вокруг баз МБР, а США – вокруг столицы, в 1974 г. было принято решение отказаться от возможности создания второй системы ПРО. Это решение было закреплено в Протоколе к Договору по ПРО, подписанному 4 июля 1974 г. в Москве.[70]

2.3. Процесс формирования институтов, принимающих участие в выработке решений

2.3.1. Оборонная промышленность

Как можно было видеть на примере становления отраслей промышленности, занятых в разработке и производстве стратегических вооружений, в сложившейся в Советском Союзе в послевоенные годы системе управления разработкой наукоемких систем вооружений отводилась очень важная роль. По мере совершенствования этих механизмов, роль промышленности укреплялась и институты оборонной промышленности становились все более важной частью системы выработки и принятия решений.

Основными событиями, определившими становление структуры оборонной промышленности в 60-х годах, стал возврат к отраслевому принципу руководства оборонными министерствами. В середине января 1965 г. был подготовлен проект постановления ЦК КПСС и СМ СССР о восстановлении отраслевых общесоюзных оборонных министерств. В соответствии с предложенным проектом, вопросы перспективного планирования и обеспечения поставок продукции переходили из ведения государственных комитетов и территориальных органов управления к отраслевым министерствам, которые

должны были согласовывать эти вопросы с Военно-промышленной комиссией. После подобного согласования планы работ и серийного производства должны были утверждаться в ЦК КПСС. При этом все решения по-прежнему оформлялись совместным постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР (сторону Совета министров фактически представляла Военно-промышленная комиссия).[55, с. 292-293] Результатом рассмотрения проекта стало принятое 2 марта 1965 г. постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об улучшении руководства оборонными отраслями промышленности». В соответствии с постановлением были созданы союзные министерства авиационной, оборонной, судостроительной, радиотехнической, электронной промышленности и общего машиностроения.[55, с. 293] Проведенная реорганизация оборонной промышленности была частью общей реформы управления промышленностью, которая предполагала отказ от территориального принципа управления народным хозяйством. Основными ее результатами стали укрепление министерств и формализация процесса разработки и производства вооружений, который теперь предполагал очень высокую роль Военно-промышленной комиссии.

Система разработки и производства вооружений, основные черты которой сложились во второй половине 60-х годов, просуществовала без существенных изменений вплоть до распада Советского Союза. Своей долговечностью эта система была прежде всего обязана тому, что она позволяла в условиях советской экономики достаточно эффективно управлять процессом разработки и производства новых вооружений. Система также позволяла направлять в оборонную промышленность ресурсы, необходимые для создания вооружений. В то же время, сложившийся порядок разработки новых систем не всегда способствовал эффективному использованию этих ресурсов.[44, с. 36-40]

Процесс разработки новых систем вооружений состоял из нескольких основных этапов – проведения научно-исследовательских работ (НИР), разра-

ботки аванпроекта, опытно-конструкторской разработки (ОКР), принятия системы на вооружение, ее серийного производства и эксплуатации.[44, с. 37] Решение о проведении наиболее важных и масштабных НИР принималось на правительственном уровне. Военно-промышленная комиссия постепенно приобрела очень важную роль в проведении НИР, так именно в ведении ВПК оказалось составление перспективного (пятилетнего) плана таких работ.

В случае если предметом НИР была разработка новой системы вооружений, на этом этапе производилось формирование основного облика системы и его технических характеристик. Одновременно шла разработка технического задания на систему, ответственность за разработку которого лежала на заказчике – Министерстве обороны. Конкретную работу по формулировке технического задания осуществляли специализированные научно-исследовательские институты вида Вооруженных сил, для которого предназначалась разрабатываемая система. Разработка аванпроекта системы как правило не требовала принятия специального правительственного постановления и решение о начале этого этапа работ могло быть принято Военно-промышленной комиссией.

Следующим этапом создания системы было проведение опытно-конструкторских работ. Решение о начале ОКР представляло собой очень ответственный этап в создании системы и требовало принятия правительственного постановления (т.е. совместного постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР). Проект правительственного постановления готовился Военно-промышленной комиссией, которая в случае необходимости привлекала к этой работе как конструкторские и исследовательские организации промышленности, так и институты Академии наук и институты заказчика.[44, с. 38] В постановлении определялись сроки проведения работ, назначались головные разработчики и смежники, а также давались поручения различным ведомствам по обеспечению работ. При осуществлении масштабных проектов или

при возникновении сложностей с проведением работ, могли приниматься дополнительные постановления, в которых корректировались сроки работ или состав исполнителей.

Окончанием собственно опытно-конструкторской разработки считались государственные испытания системы. Государственную комиссию по проведению испытаний, которая принимала решение о постановке системы на вооружение как правило возглавлял представитель заказчика. По результатам испытаний принималось совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР, в котором принималось решение о принятии системы на вооружение или о необходимости проведения ее доработки.

Существенным элементом такого порядка принятия новых систем на вооружение было то обстоятельство, что решение о начале серийного производства системы принималось на очень ранней стадии разработки. Поручения по организации серийного производства как правило включались в постановление о начале проведения опытно-конструкторских работ. Необходимость подготовки к серийному производству на столь ранней стадии объяснялась тем, что в условиях плановой экономики было необходимо предусмотреть выделение ресурсов на производство вооружений как минимум за несколько лет до его начала.

В результате, благодаря заблаговременному планированию, промышленность была готова начать производство системы сразу после принятия системы на вооружение. План закупок техники также утверждался на ранних стадиях разработки системы и существенно его изменить после принятия системы на вооружение было очень сложно, так как промышленность была заинтересована в производстве, обеспечивающем загрузку созданных мощностей.

У Министерства обороны после подписания акта приемки системы Государственной комиссией не было формальных рычагов влияния на ситуацию с ее производством и развертыванием. Отказаться от подписания акта приемки было очень сложно, если вообще возможно. В результате, представители

Вооруженных сил как правило вносили в акт комиссии перечень замечаний. Недостатки, перечисленные в этом перечне, следовало устранить до принятия системы на вооружение или в эксплуатацию. Другой возможностью (как правило, сопровождавшей составление перечня замечаний), была рекомендация о приеме системы в опытную эксплуатацию без постановки ее на вооружение. Предполагалось, что вопрос о постановке на вооружение может быть решен после устранения отмеченных недостатков. В ряде случаев это действительно происходило, но сохранялась и возможность того, что статус системы оставался неизменным.

Такого рода организация работ по всей видимости являлась единственно возможной в условиях централизованного планирования. В то же время, нельзя не видеть, что она лишала процесс разработки вооружений значительной доли гибкости и тем самым не всегда способствовала эффективному расходованию ресурсов.

В основных своих чертах описанная система существовала и до 60-х годов, но именно во второй половине 60-х и начале 70-х годов процесс принятия решений в области разработки вооружений был окончательно формализован и во многом освобожден от влияния субъективных факторов. Во многом этот процесс был связан с укреплением внутриведомственных структур, призванных производить оценку различного рода работ и проектов. Значительную роль сыграло укрепление оборонных министерств и увеличение объема осуществляемых ими работ, которое способствовало появлению у них собственных интересов, не обязательно совпадающих с интересами входящих в их состав научно-исследовательских и конструкторских организаций. Характерно, что проблема возникновения у министерств собственных интересов и возрастающая сложность их координации осознавались уже в то время и справедливо считались одним из факторов, усложняющих процесс разработки систем противоракетной обороны.[42, с. 173]

Существенную роль в том, каким образом осуществлялся процесс создания систем ПРО, играло то обстоятельство, что он заметно отличался от процесса разработки большинства других вооружений, так как создаваемые системы как правило носили единичный характер. Основной проблемой в ходе их разработки, в отличие от, например, ракетной или авиационной техники, была не организация сравнительно масштабного производства однотипных образцов техники, а обеспечение надежной работы сложных уникальных систем. Это означало, что строительство объектов системы должно было начинаться на очень ранних стадиях ее разработки. Как можно было видеть, именно так осуществлялось сооружение объектов системы А-35 – работы под Москвой были начаты в 1962 г., т.е. задолго до того как был определен состав и принципы построения системы.

В целом, подход представителей промышленности к вопросу о системе А-35 был исключительно прагматичным. В 1971 г. ее представители настаивали на принятии системы на вооружение несмотря на то, что к тому времени в министерстве радиопромышленности уже сложилось устойчивое отрицательное мнение о возможностях этой системы. Заинтересованность Минрадиопрома в ее принятии на вооружение была обусловлена тем, что в этом случае ответственность за эксплуатацию системы переходила к военным и устранение недоработок осуществлялось бы в рабочем порядке. В случае же возврата системы на доработку, ответственность за устранение замеченных недоработок возлагалась на промышленность, которая к тому же должна была производить его за счет собственных ресурсов. Кроме этого, у Министерства радиопромышленности существовала и определенная заинтересованность в продолжении работ по созданию объектов системы, так как основные мощности по выпуску комплектующих различных компонентов системы А-35 уже были созданы и продолжение существующего производства было предпочтительнее освоения новой техники, которое могло бы потребоваться в случае начала реализации нового проекта.

В то же время, руководство радиопромышленности не было заинтересовано в уменьшении полного объема работ, выполняемых предприятиями министерства. Скорее, наоборот, основной интерес ведомства состоял в поиске новых проектов, реализация которых позволила бы получить доступ к различного рода ресурсам, необходимым для их выполнения.[51; 61] Именно ориентация на реализацию такого рода проектов сыграла, по-видимому, решающую роль в изменении отношения руководства министерства радиопромышленности к работам в области противоракетной обороны, которое произошло в начале 70-х годов.

Как уже отмечалось, к 1970 г. в ведении Минрадиопрома наряду с системами ПРО и ПВО оказались работы в области создания систем раннего предупреждения, противокосмической обороны и контроля космического пространства. Координация этих работ осложнялась большим количеством вовлеченных в работу предприятий и организаций. Отсутствие четкого механизма управления и координации работ, в свою очередь, препятствовало интеграции систем ПРО, ПРН и ККП, которая уже в то время представлялась необходимой. В этой ситуации руководство Минрадиопрома осуществило реорганизацию, в ходе которой практически все конструкторские и научно-исследовательские организации, а также опытные и серийные заводы были объединены в Центральном научно-производственном объединении “Вымпел”.

Помимо концентрации управления отраслью, проведенная реорганизация позволила решить задачу перераспределения ресурсов министерства. Как уже отмечалось, в ходе рассмотрения различных проектов создания системы противоракетной обороны, проведенном в предшествующие годы, все проекты были отвергнуты. В результате, в конце 60-х годов сложилась ситуация, в которой предприятия Министерства радиопромышленности, в случае если они будут ориентированы на производство компонентов противоракетных систем, могли остаться не обеспеченными заказами. Проекта системы ПРО, ко-

торый мог бы обеспечить загрузку производственных мощностей, не существовало. Более того, в руководстве министерства к тому времени сформировалось понимание того, что такой проект не может появиться в ближайшем будущем. Проведенная в 1970 г. реорганизация позволила с одной стороны, централизовать структуру управления отраслью, а с другой – перераспределить ресурсы отрасли на создание систем раннего предупреждения, которым в конце 60-х–начале 70-х годов начали уделять большое внимание.[14; 42, с. 216]

2.3.2. Вооруженные силы

По мере проведения работ по созданию первого полигонного образца противоракетной системы и по разработке проекта системы ПРО Москвы, проводившихся в конце 50-х-начале 60-х годов, представители Вооруженных сил стали активно привлекаться к решению вопросов о составе и возможностях системы. Эта тенденция стала логическим развитием процесса участия военных в определении характеристик новых систем вооружений в качестве заказчика, который был начат в середине 50-х годов.

В области противоракетной обороны, создание проекта первой полигонной системы ПРО – системы А – было осуществлено практически без участия военных. Но разработка тактико-технического задания на систему ПРО Москвы уже была поручена Министерству обороны, которое приступило к этой работе в 1958 г.[20, с. 42] Результаты этой работы, с одной стороны свидетельствовали об увеличении роли военных в выработке требований к новой системе. В то же время, они продемонстрировали, что мнение разработчиков по-прежнему является решающим при рассмотрении ключевых технических вопросов.[20, с. 42]

Дальнейшему развитию участия военных в формировании требований к системам противоракетной обороны и к оценке их эффективности стало образование в структуре Войск ПВО НИИ, призванного выполнять эту работу.

В июле 1960 г. в структуре Главного управления вооружений Войск ПВО (4-е ГУМО) был создан Специальный вычислительный центр (СВЦ-4), в задачу которого входило «проведение испытаний, оценка характеристик и моделирование системы ПРО А-35». Позднее, в декабре 1961 г., СВЦ-4 был преобразован в Специальный научно-исследовательский институт №45 Министерства обороны (СНИИ-45).[42, с. 413] В задачу нового НИИ входило прежде всего научно-техническое обеспечение испытаний систем противоракетной обороны и приемки в эксплуатацию радиотехнических и стрельбовых средств системы ПРО А-35.

Образование СНИИ-45 стало очень важным шагом в создании механизма принятия решений в области противоракетной обороны. Военные получили в свое распоряжение институт, который позволял им проводить независимую от промышленности экспертизу предлагаемых решений, вырабатывать собственную позицию по вопросам применения противоракетной обороны и аргументировано отстаивать эту позицию.

Другим важным шагом в направлении формирования военных структур, способных внести вклад в оценку возможностей и перспектив противоракетной обороны, стало создание в ноябре 1961 г. в структуре 4-го ГУМО управления по контролю за строительными работами на объектах системы А-35.[42, с. 97] Кроме контроля за проведением работ новое управление было призвано осуществлять комплектование частей и обучение расчетов по мере введения объектов в эксплуатацию. Впоследствии на основе опыта этого управления в Войсках ПВО было организовано Управление по вводу средств ракетно-космической обороны, которое сохранилось в составе войск ракетно-космической обороны по сегодняшний день.[56, с. 184]

Создание управления по вводу можно рассматривать как возвращение к практике времен спецкомитетов и главных управлений, которые объединяли в себе как разработчиков систем и промышленность так и военных, призванных осуществлять их эксплуатацию. Основная идея такой организации за-

ключалась в том, что сложность и уникальный характер создаваемой техники требовали непосредственного взаимодействия военных, которые должны были эксплуатировать систему, с создававшими ее разработчиками уже на самых начальных этапах развертывания. По мере совершенствования вооружений происходил переход к их серийному производству, что в итоге устранило необходимость в такого рода организации разработок и ввода в эксплуатацию. В области ПРО ситуация сложилась несколько иная, поскольку средства, входившие в состав систем, представляли собой очень сложные уникальные комплексы, созданные как правило в единственном экземпляре. Представляется, что именно поэтому в области ПРО (а в дальнейшем – и в области создания систем раннего предупреждения и противоспутниковой обороны) сохранился порядок, при котором подготовка к эксплуатации систем начиналась уже на самых начальных этапах развертывания.

Создание в вооруженных силах институтов, призванных обеспечивать испытания и приемку систем ПРО, помимо создания независимого канала оценки возможностей и перспектив противоракетных технологий создавало структуры, которые были непосредственно заинтересованы в развитии систем ПРО. Объективно это способствовало увеличению поддержки планов развертывания противоракетных систем, даже в тех случаях когда военные были не удовлетворены характеристиками конкретных комплексов, предлагаемых разработчиками.

2.3.3. Обеспечение переговорного процесса

Начало советско-американских переговоров об ограничении вооружений потребовало создания межведомственного органа, который должен был решать вопросы выработки переговорной позиции и оценки выдвигаемых в ходе переговоров предложений. Первоначальные советские предложения были выработаны в Генеральном штабе с участием Министерства иностранных дел и затем были рассмотрены и утверждены Центральным комитетом КПСС

и, по всей видимости, Политбюро ЦК.[165, с. 9] Поскольку подготовка к началу переговоров заняла значительное время, существовала возможность тщательного согласования предложений во всех заинтересованных ведомствах. После начала переговоров ситуация изменилась и потребовала создания механизма, который бы позволял более оперативно рассматривать предложения и принимать решения.

С этой целью в ноябре 1969 г. была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по наблюдению за переговорами, связанными с ограничением стратегических вооружений, в Хельсинки. Возглавил комиссию секретарь ЦК по вопросам оборонной промышленности Д. Ф. Устинов. В состав комиссии также вошли министр иностранных дел А. А. Громыко, министр обороны А. А. Гречко, председатель Военно-промышленной комиссии Л. В. Смирнов, председатель КГБ Ю. В. Андропов и президент Академии наук СССР М. В. Келдыш.[165, с. 16] Впоследствии комиссия превратилась в орган, известный как «большая пятерка».[165, с. 20] «Пятерка» несла ответственность за определение стратегии переговоров, но практическая работа по анализу переговорных позиций и подготовке решений комиссии осуществлялась Генеральным штабом и Министерством иностранных дел.[165, с. 15]

Очень существенным обстоятельством в формировании механизмов выработки решений стало и то, что для обеспечения работы комиссии, как и для ведения собственно переговоров требовалось не только создание «пятерки» на уровне высшего политического руководства, но и организация совместной работы специалистов различных ведомств, которые выполняли основную работу по подготовке и анализу переговорных предложений. И, наконец, необходимость организации переговоров привела к существенному расширению круга людей и организаций, принимающих участие в выработке политики в области стратегических вооружений. Несмотря на то, что основная работа по-прежнему осуществлялась Генеральным штабом, в процесс принятия решений было более активно вовлечено высшее политическое руководство, а

также ведомства, которые ранее не имели доступа к принятию решений в этой области, такие как Министерство иностранных дел.

Создание основ организационной инфраструктуры ведения переговоров отличало процесс ОСВ и ПРО от переговоров, затрагивавших ядерные вооружения, которые велись ранее (например, переговоры об ограничении ядерных испытаний). Как можно было видеть, это стало как результатом технической сложности переговоров, так и следствием того, что к моменту их проведения сложившиеся в Советском Союзе институты были уже достаточно хорошо оформлены для того, чтобы создать устойчивые механизмы взаимодействия.

Еще одним результатом переговоров стало создание постоянного совместного советско-американского органа, призванного урегулировать вопросы, касающиеся соблюдения достигнутых договоренностей. В соответствии с Договором по ПРО была создана Постоянная консультативная комиссия, в задачу которой входило обсуждение вопросов, связанных с реализацией договора и соблюдением его условий. Кроме этого, была предусмотрена возможность обсуждения вопросов ограничения стратегических вооружений.[69, ст. XIII] Было предусмотрено, что комиссия будет постоянно действующим органом, собирающимся как минимум два раза в год. Свою роль органа, призванного разрешать вопросы, возникающие в связи с выполнением Договора по ПРО, она выполняла в полной мере.

2.4. Содержание этапа

2.4.1. Проявление взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений

Период 60-х-начала 70-х годов является наиболее важным периодом в истории развития систем противоракетной обороны. Во-первых, именно в этот период межконтинентальные баллистические ракеты стали наиболее важной частью стратегических наступательных сил. Во-вторых, техническое совер-

шенствование средств радиолокации и зенитно-ракетной техники сделало принципиально возможным решение задачи перехвата баллистических ракет. И, наконец, совершенствование ядерного вооружения и многократное увеличение его разрушительной силы привели к тому, что к началу 60-х годов была проведена большая работа по рассмотрению проблем, которые могут возникнуть в связи с применением ядерного оружия в военном конфликте.

Как уже отмечалось, подходы к возможности применения ядерного оружия, которые существовали в США в конце 50-х годов, предполагали нанесение массированного ядерного удара по территории Советского Союза. Предполагалось, что угроза такого удара позволит сдержать Советский Союз от агрессивных действий. В то же время, ориентация на нанесение массированного ядерного удара не оставляла возможности для гибкости в управлении конфликтом и потенциально ограничивала возможности США в достижении целей конфликта. Особую важность вопрос о контроле за ходом конфликта стал приобретать по мере того, как Советский Союз создавал собственные ядерные силы, способные нанести удар по территории США. Несмотря на то, что мощность такого удара оставалась ограниченной, принципиальная возможность ответных действий Советского Союза с применением ядерного и термоядерного оружия не могла не оказать влияния на восприятие возможности ядерного конфликта Соединенными Штатами.

Анализ возможностей ядерного оружия и последствий его применения, а также вопросы стратегии применения ядерного оружия (равно как и более общие вопросы применения вооруженных сил) в США традиционно были предметом публичного обсуждения как в политической и военной так и в академической дискуссии. В результате детального обсуждения этих проблем к концу 50-х годов в США была сформирована традиция рассмотрения вопросов, связанных со стратегией применения ядерного и термоядерного оружия.[113; 140; 177] В результате дискуссии были очень подробно изучены

роль ядерного оружия в ходе возникновения конфликтов, возможность эскалации и деэскалации конфликтов, контроля за его ходом и прекращением.

Очень существенным обстоятельством стало и то, что традиция гражданского контроля за вооруженными силами, существующая в США, сделала возможным непосредственное использование исследований в области ядерного конфликта для выработки политики США в этой области. Р. Макнамара, ставший министром обороны США вскоре после смены администрации в 1961 г., способствовал тому, чтобы представления о ядерном оружии и разработанный для анализа его роли понятийный аппарат использовались в работе департамента обороны. В целом, были предприняты усилия, направленные на то, чтобы придать процессу выработки стратегии применения ядерного оружия систематический характер.

Следует отметить, что определенное изменение представлений о характере военных действий с применением ядерного оружия произошло и в Советском Союзе. В конце 50-х годов в заявлениях военного и политического руководства начало утверждаться представление о том, что будущий ядерный конфликт будет идти с опорой на ракетное оружие и будет быстротечным. Ориентация на ракетно-ядерный конфликт выразилась и в принятых на рубеже 50-х и 60-х годов решениях по реформированию оборонной промышленности и Вооруженных сил, которые привели к значительному снижению роли традиционных вооружений.[29, с. 139-142] Несомненно, прямой аналогии между процессами, происходившими в США и в Советском Союзе, проводить нельзя, как из-за существенных различий в возможностях стратегических сил, существовавших на тот момент, так и из-за различий в характере обсуждения вопросов применения ядерных сил. Тем не менее, показательно, что в обеих странах происходили процессы, свидетельствующие о существенном изменении представлений о роли ядерного оружия по сравнению с теми, которые существовали в 50-х годах и которые в значительной степени

предполагали отношение к ядерному оружию как к средству ведения боевых действий.

На смену представлениям 50-х годов приходило понимание о том, что первоочередной задачей, которую призвано играть ядерное оружие, является задача сдерживания. Как можно было видеть, представление о сдерживающем характере ядерного оружия существовало и раньше, но только к началу 60-х годов было достигнуто достаточное понимание вопросов стратегии применения ядерного оружия в ходе военного конфликта, позволившее выработать требования к стратегическим силам исходя именно из необходимости решения задачи сдерживания. Так, например, к середине 60-х годов в США были разработаны и реализованы планы, предусматривавшие ориентацию на противосиловую удар. Были также разработаны другие варианты гибкого применения ядерных сил, которые, в теории, допускали нанесение ограниченного ядерного удара для сдерживания конкретных угроз.[105, с. 38]

Подробный анализ эволюции ядерной стратегии США не входит в задачу этой работы. Для наших целей важны несколько обстоятельств. Первое – на протяжении практически всего рассматриваемого периода США обладали существенным преимуществом перед Советским Союзом, которое было получено в первую очередь в результате программы создания наступательных вооружений, осуществленной в первой половине 60-х годов. Второе важное обстоятельство – на протяжении первой половины 60-х годов США не предпринимали практических шагов по созданию собственной системы противоракетной обороны. И, наконец, на протяжении всего этого периода существовали сильные различия возможностей стратегических сил Советского Союза и США. Анализ этих обстоятельств позволяет проследить за формированием представления о характере стратегических взаимоотношений между Советским Союзом и США, которые существовали в обеих странах, в контексте их представлений о роли стратегической обороны.

Представляется, что позицию Соединенных Штатов на протяжении 60-х годов следует рассматривать с точки зрения их стремления к приобретению односторонней возможности гарантированного уничтожения (assured destruction) Советского Союза с помощью различных методов – наращивания наступательного потенциала или создания оборонительных систем. В этом контексте действия Советского Союза фактически были последовательно направлены на лишение США возможности одностороннего гарантированного уничтожения и создание ситуации взаимного гарантированного уничтожения (mutual assured destruction, MAD).

Как было показано, в первой половине 60-х годов США осуществили масштабную программу развертывания баллистических ракет наземного и морского базирования, которая обеспечила им существенное преимущество над Советским Союзом. К концу 1965 г. в составе стратегических сил США находились 800 межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования Минитмен I, подводные лодки класса Поларис, которые несли около 380 ракет морского базирования, а также около 800 стратегических бомбардировщиков. Кроме этого, был начат процесс развертывания более совершенных ракет Минитмен II, в результате которого количество развернутых ракет этого класса планировалось довести до 1000 единиц. В Советском Союзе к тому моменту было развернуто около 200 межконтинентальных ракет, которые по своим характеристикам значительно уступали ракетам Минитмен.

Разрыв в количественном составе стратегических сил и невысокая степень боеготовности советских систем стратегических вооружений позволяли США ставить задачу нанесения первого разоружающего удара по советским стратегическим силам. Одновременно было справедливо и обратное – требования к составу стратегических сил США формировались исходя из необходимости нанесения такого удара.[163] Эта цель была в основном достигнута к середине 60-х годов и планы развития стратегических сил США не предпо-

лагали увеличения количества стратегических носителей по сравнению с тем уровнем, который был обеспечен к этому времени. Министерство обороны США настаивало на том, что дальнейшее увеличение количества стратегических носителей является нецелесообразным, так как не может гарантировать полного уничтожения всех стратегических сил Советского Союза.[105, с. 150]

Ограничение масштабов планируемого развертывания стратегических сил США, произошедшее в середине 60-х годов, на практике означало признание за Советским Союзом потенциала сдерживания в отношении США и отказ от попыток обеспечить возможность одностороннего «гарантированного уничтожения» за счет наращивания наступательного потенциала. Следует специально отметить, что решение об ограничении программы США произошло до начала реализации Советским Союзом программы массированного развертывания баллистических ракет, осуществленной в 1966-1969 гг., то есть когда Соединенные Штаты могли теоретически ставить задачу практически полного уничтожения советского наступательного потенциала за счет наращивания своих наступательных сил.

Оценивая решение США в контексте вопросов противоракетной обороны, следует отметить, что наличие у Советского Союза программы противоракетной обороны не повлияло на принятое решение сколько-нибудь серьезным образом. Отчасти это было связано с тем, что к тому времени в США уже были разработаны средства преодоления ПРО и было достигнуто понимание возможности оснащения баллистических ракет разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Развертывание РГЧ ИН и средств преодоления обороны рассматривалось в качестве одного из возможных вариантов ответных действий в случае если Советский Союз начнет наращивание своего наступательного потенциала или приступит к развертыванию системы противоракетной обороны. Увеличения количества стратегических носителей не планировалось.[91, doc. 173]

Как было показано, США вели работы в области противоракетной обороны начиная с 50-х годов, но несмотря на это, в практической плоскости вопрос о развертывании системы ПРО на протяжении первой половины 60-х годов не ставился. Отчасти это было связано с сомнениями в отношении готовности технологии, а отчасти – с начавшим складываться в начале 60-х годов мнением о потенциально дестабилизирующей роли противоракетной обороны.[128, с. 128] Тем не менее, к середине 60-х годов аргументы в пользу создания такой системы начали получать в США все большую поддержку. Эта поддержка была обусловлена различными факторами, среди которых были большая готовность технологии, перспектива возникновения угрозы со стороны Китая, а также обеспокоенность по поводу растущего советского наступательного потенциала.[166, с. 336-337]

В условиях, когда США признали невозможным уход от взаимного гарантированного уничтожения за счет продолжения наращивания превосходства в наступательных потенциалах, построение системы противоракетной обороны выглядело способом лишить Советский Союз возможности угрожать территории США или, как минимум, минимизировать ущерб, который советские стратегические силы способны нанести, до «приемлемого уровня» и тем самым лишить Советский Союз возможности «гарантированного уничтожения» Соединенных Штатов.[166, с. 336-337] Кроме этого, США не скрывали того, что их программа противоракетной обороны может быть использована как средство давления на Советский Союз с целью заставить его пойти на переговоры об ограничении вооружений и прекратить собственную противоракетную программу.[124]

Последнее обстоятельство стало особенно актуально после того, как Советский Союз приступил в 1966 г. к массированному развертыванию новых межконтинентальных баллистических ракет. Эта программа в итоге оказала наиболее сильное влияние на политику США в области как наступательных так и оборонительных вооружений. В области наступательных вооружений,

масштабное развертывание новых ракет предопределило начало осуществления Соединенными Штатами программы оснащения баллистических ракет РГЧ ИН (работы по созданию системы ПРО Москвы также оказали большое влияние на эту программу). В области противоракетной обороны, сомнения в отношении способности системы ПРО осуществить защиту территории США существовавшие до начала развертывания Советским Союзом баллистических ракет нового поколения, только укрепились. В итоге, наращивание советского наступательного потенциала окончательно утвердило мнение о недостижимости получения возможности одностороннего гарантированного уничтожения.

Оценивая позицию США в отношении ограничения наступательных и оборонительных систем вооружений, следует отметить, что усилия, направленные на ограничение систем противоракетной обороны и предотвращение гонки наступательных вооружений, стали основой политики США только после того, как Советский Союз на практике продемонстрировал, что он в состоянии осуществить масштабное развертывание наступательных средств. До этого момента аргументам сторонников ограничения противоракетных систем не удавалось получить поддержку, необходимую для того, чтобы воплотить предложения сторонников ограничения в конкретные политические шаги.

Отношение Советского Союза к вопросу о взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений в силу совершенно другого статуса его стратегических сил не во всем совпадало с позицией США. Как можно было видеть, основным фактором, определявшим политику США в области противоракетной обороны, было стремление минимизировать ущерб, который способны были нанести Соединенным Штатам стратегические силы Советского Союза. Такой подход, в свою очередь, находился в полном соответствии с традицией «минимизации ущерба», которая являлась существенным компонентом существовавшей в США стратегии применения ядерного оружия.

Советский Союз не обладал возможностью ставить перед своими стратегическими силами задачи минимизации ущерба даже в том случае если бы имелась возможность нанесения упреждающего удара. Дисбаланс в количестве стратегических носителей и сравнительно невысокая точность баллистических ракет не позволяли Советскому Союзу осуществить противосиловой удар.[16, с. 73] Как результат, наращивание США своего ядерного потенциала в ответ на развертывание Советским Союзом своих ракет или в ответ на создание системы противоракетной обороны с точки зрения Советского Союза не приводило к качественному изменению ситуации (в отличие от США, для которых увеличение советского потенциала означало качественное изменение характера угрозы).

В целом, несмотря на определенную обеспокоенность по поводу возможностей американских противоракетных систем и понимание технологического превосходства, которым США обладали в этой области в конце 60-х годов, в Советском Союзе не воспринимали развертывание противоракетной обороны в качестве основной угрозы своим стратегическим силам. Соответственно, в Советском Союзе не видели непосредственной необходимости отвечать на развертывание ПРО наращиванием количества развернутых ракет сверх того, что было сделано в 1966–1969 гг. Советский Союз в гораздо большей степени ориентировался на уровень наступательных вооружений США.

Таким образом, как можно видеть, несмотря на то, что взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений была осознана уже на достаточно ранних стадиях формирования стратегических взаимоотношений Советского Союза и Соединенных Штатов, трансформация этого понимания в конкретные политические шаги по началу переговоров об ограничении систем противоракетной обороны заняла достаточно продолжительное время. В то же время, как можно видеть из анализа программ ПРО, осуществлявшихся в США и в Советском Союзе, есть все основания полагать, что масштаб программ противоракетной обороны в любом случае был бы ог-

раничен, так как к моменту начала переговоров в обеих странах было достигнуто понимание технической невозможности осуществления защиты территории страны от массированного ракетно-ядерного удара.

2.4.2. Значение Договора по ПРО

Как можно было видеть, заключение в 1972 г. советско-американских соглашений об ограничении систем противоракетной обороны и стратегических наступательных вооружений стало результатом сложного процесса развития стратегических взаимоотношений между Советским Союзом и США и взаимного влияния процессов развертывания наступательных и создания оборонительных систем. Одним из наиболее существенных результатов этих процессов, оказавшим решающее влияние на заключение договоренностей об ограничении противоракетных систем и во многом определившее характер взаимоотношений США и Советского Союза, стало возникновение положения взаимного гарантированного уничтожения.

Состояние взаимного гарантированного уничтожения в стратегических взаимоотношениях Советского Союза и США означало, что стратегические силы каждой стороны могли нанести неприемлемый ущерб противнику в любых условиях, т.е. даже после того как они подверглись воздействию его стратегических сил. Поскольку размер ущерба, который стороны сочли бы неприемлемым, мог зависеть от конкретных обстоятельств конфликта, стратегические силы ориентировались на нанесение некоторого заданного ущерба, уровень которого должен был быть сочтен неприемлемым в любых условиях. Невозможность точного определения уровня неприемлемого ущерба приводило к определенному произволу в оценках и тенденции к их завышению. Так, например, для оценки уровня ущерба в 60-х годах был предложен критерий, который предполагал оценивать как заведомо неприемлемый ущерб потерю определенной части промышленного потенциала страны (до 70%) и населения (до 30%). [16, с. 78]

При оценке стратегического противостояния в терминах неприемлемого ущерба, в отсутствие запрета на создание систем противоракетной обороны, стороны должны были бы принимать во внимание возможности этих систем (существующих или перспективных), что неизбежно должно было привести к необходимости увеличения количества наступательных средств – для того, чтобы скомпенсировать потери, которые могут понести наступательные средства при преодолении противоракетной обороны и обеспечить неснижение уровня ущерба, который наступательные силы могут нанести. Увеличение же количества наступательных средств в этой ситуации неизбежно приводит к необходимости наращивания потенциала оборонительной системы, которое, в свою очередь, вызывает новый виток гонки вооружений. В этой ситуации, наличие запрета на развертывание систем противоракетной обеспечивает стабильность стратегического баланса, так как лишает стороны мотивов для наращивания наступательного потенциала и делает невозможной приобретение односторонних преимуществ за счет создания оборонительных систем.

Как можно было видеть из рассмотрения программ создания оборонительных и наступательных систем Советского Союза и США, именно эта логика оказала наиболее сильное влияние на формирование позиций сторон в отношении их противоракетных систем и сделала возможным заключение Договора по ПРО.

Существует и отличная от этой трактовка смысла достигнутых в 1972 г. соглашений, которая впоследствии не без определенного успеха использовалась для критики этого соглашения как минимум дважды – в начале 80-х годов в связи с обсуждением планов Стратегической оборонной инициативы, и затем – в конце 90-х–начале 2000-х годов, в ходе обсуждения планов по развертыванию Национальной ПРО США.

Речь идет о представлении, согласно которому, подписав Договор по ПРО, Советский Союз и США добровольно согласились с тем, что их отно-

шения будут строиться на основе «взаимного гарантированного уничтожения». Подразумевается, что в этом случае в основе отношений лежит добровольное согласие каждой из сторон с собственной уязвимостью, которая якобы является единственной гарантией от возникновения ядерного конфликта. Именно «опора» на «взаимное гарантированное уничтожение» как на основополагающий принцип отношений и подвергалась основной критике.[170]

Анализ развития стратегических сил США и Советского Союза и их систем противоракетной обороны показывает, что такое представление не имеет под собой оснований. Ни Соединенные Штаты ни, тем более, Советский Союз не выбирали и не могли добровольно выбрать ВГУ в качестве основы своих отношений. Логика обладания ядерным оружием вынуждала каждую из сторон стремиться к приобретению возможности нанесения противнику определенного ущерба, то есть возможности гарантированного его уничтожения. В то же время, *взаимность* гарантированного уничтожения была результатом действий противоположной стороны и не могла быть результатом сознательного выбора.

Действительно, как было продемонстрировано выше, Соединенные Штаты приложили все возможные усилия для того, чтобы лишить Советский Союз возможности нанести им неприемлемый ущерб – от создания наступательного потенциала, призванного нанести обезоруживающий удар по советским стратегическим силам, до разработки системы ПРО. Развитие ситуации в 60-х годах отчетливо продемонстрировало, что если бы существовала возможность избежать ситуации *взаимного* гарантированного уничтожения, то США ей обязательно воспользовались бы. Отказ США от этих попыток был напрямую обусловлен невозможностью такой односторонний отказ реализовать.

Со стороны Советского Союза ограничение программы ПРО также было связано с достижением понимания невозможности обеспечения обороны страны. Поскольку Советский Союз не ставил перед собой задачу достиже-

ния одностороннего преимущества перед США, его согласие ограничение систем противоракетной обороны было связано в первую очередь с осознанием технической невозможности создания такой системы. Другим существенным фактором, обеспечившим согласие Советского Союза на ограничение систем ПРО, стало осознание необходимости первоочередной ориентации на сдерживающий потенциал ядерного оружия.

Подводя итог, можно сказать, что сложившаяся в рассматриваемый период ситуация взаимного гарантированного уничтожения в полной мере отражала намерение Советского Союза и США поддерживать состав своих наступательных сил на уровне, который позволял им нанести противнику неприемлемый ущерб в любых условиях. Сложившаяся ситуация отражала намерение и, что более важно, способность противостоящих сторон осуществить все необходимые политические, технические и другие меры для того, чтобы политика сдерживания была убедительной.

Такая ситуация неизбежно характеризовалась возможностью взаимного гарантированного уничтожения, но говорить о том, что стороны добровольно согласились с таким положением дел можно было бы только в том случае, если бы существовала возможность отказа от взаимного гарантированного уничтожения (а точнее, от его взаимности). Как было показано выше, факты свидетельствуют, что такой возможности не существовало. Решение об отказе от попыток создания ПРО было не добровольным согласием на уязвимость для противника, а признанием реально существовавшей невозможности этой уязвимости избежать. Решение о подписании Договора по ПРО было принято не столько для того, чтобы запретить создание таких систем, сколько для того, чтобы кодифицировать сложившееся *de facto* положение при котором обе стороны отказались от попыток их создания.

Другим исключительно важным результатом заключения Договора об ограничении систем противоракетной обороны, стало утверждение принципа стабильности в стратегических отношениях США и Советского Союза.

Принципы, заложенные в основу Договора по ПРО с самого начала предполагали не столько закрепление положения, сложившегося на момент заключения договора, сколько создание условий, которые исключили бы возможность получения любой из сторон преимуществ в будущем.

Работоспособность Договора по ПРО была обеспечена за счет того, что в нем были приняты меры, обеспечивающие каждой из сторон возможность своевременного принятия ответных мер в случае нарушения договора или прекращения его действия. Каждая из сторон получила возможность при ходе планирования стратегических сил исходить из того, что противоположная сторона не планирует создания системы ПРО, которая смогла бы являться фактором, требующим учета при определении количественного и качественного состава наступательных сил.

Привнесение фактора стабильности в отношения в области стратегических вооружений и институционализация стратегических взаимоотношений Советского Союза и США, которые произошли в конце 60-х–начале 70-х годов в связи с переговорами об ограничении вооружений, стали наиболее важными факторами международной обстановки на протяжении последующих десятилетий.

2.4.3. Роль советских институтов в выработке политики в отношении противоракетной обороны

Как было отмечено выше, изменения в составе и возможностях стратегических ядерных сил, начало которым было положено в начале 60-х годов появлением на вооружении межконтинентальных баллистических ракет, потребовали серьезной переоценки подходов к вопросам стратегии использования стратегических сил. Серьезному пересмотру подверглись и представления о возможностях систем ПРО и их роли в ядерной стратегии.

В отличие от США, в Советском Союзе вопросы применения ядерного оружия практически никогда не были предметом публичного обсуждения, что, конечно, усложняло процесс выработки решений в этой области. В то же

время, как можно было видеть, в конце 50-х годов в Советском Союзе уже существовала институциональная структура, в рамках которой могла быть выработана оценка перспектив тех или иных систем и обсуждаться вопросы их применения. Так, в Вооруженных силах были созданы независимые исследовательские институты и организационные структуры, в задачу которых входило участие в разработке систем ПРО и их приемка. К началу 60-х годов эти структуры уже обладали достаточным уровнем экспертизы для того, чтобы проводить независимую оценку проектов промышленности.

Процесс институционализации интересов происходил и в промышленности. Проведившиеся реорганизации способствовали тому, что конструкторские организации промышленности укрепляли свою независимость и приобретали вес, позволявший им преследовать и отстаивать собственные интересы. Конкуренция между разработчиками стала играть очень существенную роль в процессе создания новых наукоемких систем вооружений, таких как ракетная техника или системы противоракетной обороны.

В целом, и создание независимых институтов в вооруженных силах и появление реальной конкуренции среди разработчиков техники стали наиболее важными положительными факторами, которые определяли развитие оборонного комплекса в рассматриваемый период рубежа 50-х и 60-х годов, и которые позволили обеспечить более высокий уровень обсуждения технических решений. В то же время, политический механизм принятия решений не позволил в полной мере использовать возможности, предоставлявшиеся этими новыми механизмами. Окончательное решение о разработке проектов по-прежнему принималось политическим руководством и могло не учитывать существования множества технических проблем, которые существовали в предложениях разработчиков.

Примером того, как недостаточная открытость процесса обсуждения и отсутствие формального механизма, который позволил бы учитывать максимально широкий круг экспертных мнений, являются решения по системе

противоракетной обороне «Таран» и решение о возобновлении работ по созданию системы А-35. В момент принятия решения по системе «Таран» существовало понимание технических проблем этого проекта, но отсутствовал надежный механизм учета мнения технических и военных специалистов, которые выражали сомнения в его осуществимости. Аналогично, в случае с системой А-35, оценка изменившейся ситуации была произведена в основном правильно и, более того, из этой оценки был сделан справедливый вывод о неадекватности средств ПРО, рассчитанных на поражение единичных целей. Но практические шаги, предпринятые советским руководством, способствовали тому, что реальное решение вопроса о роли средств противоракетной обороны было просто отложено на несколько лет. В результате, Советский Союз упустил возможность серьезного пересмотра своей политики в области ПРО, которую предоставляла ситуация.

Вместе с тем, как можно было видеть, развитие оборонной промышленности и структур, обеспечивавших эксплуатацию стратегических систем вооружений в Вооруженных силах, объективно способствовали созданию и укреплению формальных институтов, ответственных за выработку решений в области стратегических вооружений и противоракетной обороны. Кроме этого, научно-исследовательские и конструкторские организации промышленности, а также министерства оборонной промышленности приобрели возможность более активно отстаивать собственные интересы. Итогом этих преобразований стало постепенное придание процессу разработки вооружений большей гибкости и, как результат, повышение качества решений и сложности задач, которые могли решаться оборонной промышленностью.

Другим важным фактором, способствовавшим приданию процессу выработки решений более системного и гибкого характера, стало начало советско-американских переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений, которое способствовало тому, что к принятию решений были привлечены гражданские специалисты Министерства иностранных дел. По-

мимо расширения круга участников процесса выработки решений, привлечение специалистов МИД позволяло обеспечить более полный, чем ранее, доступ к процессам выработки политики США в стратегической области, а значит воспользоваться результатами разработок в области взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений.

И, наконец, существенную роль в том, что Советский Союз и США смогли выработать общий подход к вопросам взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, сыграли неофициальные контакты ученых. Несмотря на известные ограничения таких контактов, есть все основания полагать, что результаты этих обсуждений впоследствии оказали влияние на ход обсуждения проблем противоракетной обороны.[128]

Наряду с развитием институтов, которые обладали возможностью независимой оценки разрабатываемых решений, в частности, в промышленности и в Вооруженных силах, период 60-х-начала 70-х годов характеризуется развитием структуры взаимодействия этих институтов, которые позволяли использовать их экспертизу в процессе выработки решений. Так, например, в этот период произошло укрепление Военно-промышленной комиссии при Президиуме СМ СССР, которая стала выполнять ключевую роль в процессе согласования вопросов, возникающих в процессе разработки новых вооружений.[61] Дополнительную и очень важную возможность для обсуждения вопросов, связанных со стратегическими силами и согласования позиций различных ведомств, предоставляла Комиссия Политбюро по ведению советско-американских переговоров («пятерка»).

В то же время, некоторые черты сложившейся в Советском Союзе системы выработки решений существенно снижали ее эффективность. Так, например, на примере работы по созданию системы А-35 можно было видеть, что существовавшие принципы организации работ по созданию систем противоракетной обороны не смогли обеспечить своевременного прекращения программы. Скорее, было справедливо обратное – интересы разработчиков и

промышленности способствовали тому, что работа над системой продолжалась даже после того, как была ясна ее бесперспективность. Другим примером, свидетельствующим о несовершенстве механизма выработки решений, была неспособность прекратить разработку одного из двух конкурирующих проектов создания ракетных комплексов, разрабатывавшихся в конце 60-х годов.

Основной вывод, который может быть сделан из анализа работы советских институтов, принимавших участие в выработке решений как в области противоракетной обороны так и в области наступательных стратегических вооружений, заключается в том, что расширение числа участников процесса, обладающих независимой экспертизой и независимыми интересами, а также институционализация их интересов и механизмов их взаимодействия неизменно способствовали повышению качества принимаемых решений. Так, именно совершенствование процесса выработки решений способствовало тому, что в конце 60-х-начале 70-х годов в Советском Союзе была проведена в целом правильная оценка роли противоракетной обороны и возможностей создаваемых систем. Результатом этой переоценки стало заключение Договора по ПРО, который во многом определил содержание стратегических взаимоотношений Советского Союза и США в течение следующих десятилетий.

Глава 3. Программа СОИ и угроза стратегической стабильности (1972-1990 гг.)

3.1. Совершенствование наступательных арсеналов

После подписания в начале 70-х годов соглашений об ограничении вооружений развитие стратегических сил шло в направлении совершенствования характеристик ядерного оружия, объективно способствовавших усилению его применимости для ведения боевых действий. Прежде всего это касалось совершенствования точностных характеристик систем доставки, а также создания систем раннего предупреждения и боевого управления, позволявших надежно реализовать варианты применения ядерного оружия в ответно-встречном или ответном ударе. Одним из наиболее существенных результатов программы модернизации, осуществленной Советским Союзом в 70-х годах, стало достижение паритета с США не только по количеству боезарядов, но и по основным качественным характеристикам стратегического арсенала.

Основными программами 70-х годов стало оснащение РВСН ракетными комплексами третьего поколения – УР-100Н (СС-19), МР УР-100 (СС-17) и Р-36М (СС-18). Развертывание этих ракет было начато в 1974 г. и было в основном завершено к 1980 г. Поскольку ракеты нового поколения были оснащены РГЧ ИН, количество боезарядов на межконтинентальных баллистических ракетах наземного базирования увеличилось с примерно 1400 в начале 1974 г. до почти 5000 – в 1980 г.[44, с. 122] В дополнение к развитию наземной компоненты стратегических сил, Советский Союз в 70-х годах осуществил модернизацию флота стратегических подводных ракетноносцев – к концу 70-х годов в составе флота находились 62 современных подводных лодки, на которых были размещены около 1000 баллистических ракет морского базирования.[44, с. 210] Количество стратегических бомбардировщиков на протяжении этого периода оставалось неизменным.

Очень важным результатом программы модернизации 70-х годов стало создание Советским Союзом инфраструктуры, позволяющей ему рассчитывать на реализацию самых различных вариантов ведения боевых действий – от упреждающего удара до ответно-встречного и ответного удара. Способность советских стратегических сил к нанесению упреждающего удара стала результатом оснащения ракет РГЧ ИН и существенным улучшением точности доставки боевых блоков. Комбинация этих факторов обеспечила более, чем 50-кратное увеличение противосилового потенциала советских МБР наземного базирования.[16, с. 75] Возможность ответного удара была обеспечена за счет реализации принятых в конце 60-х-начале 70-х годов решений о размещении ракет наземного базирования в высокозащищенных шахтных пусковых установках. Возможность ответно-встречного удара, то есть удара в процессе воздействия средств противника или до начала этого воздействия обеспечивалась мерами по созданию системы предупреждения о ракетном нападении а также системы боевого управления и связи.[154; 61]

Программа модернизации стратегических сил оказала существенное влияние и на программы ПРО. Как будет показано ниже, создание системы А-35 было фактически прекращено и усилия были направлены на работу над новой системой противоракетной обороны – А-135. Изменился и подход к задачам, которые ставились перед противоракетной обороной. Вместо безусловного отражения нападения, система ПРО была призвана обеспечить оборону политического руководства и центральных пунктов управления.[14] В целом, такой подход к определению задач противоракетной обороны укладывался в рамки сформулированных в конце 60-х–начале 70-х годов принципов использования стратегических сил, предполагавших ориентацию на нанесение ответного удара

Программа модернизации, осуществлявшаяся в 70-х годах в США, была направлена прежде всего на усиление противосиловых возможностей их стратегических сил. В 1970 г. началось развертывание ракет Минитмен III,

оснащенных тремя боевыми блоками индивидуального наведения, обладавшими очень высокой точностью. В 1972 г. была начата разработка новой баллистической ракеты наземного базирования МХ, которая изначально разрабатывалась как ракета для поражения высокозащищенных шахтных пусковых установок. Примерно в это же время США начали разработку новой баллистической ракеты морского базирования. Несколько позже США начали разработку крылатой ракеты воздушного базирования, которая могла значительно расширить возможности бомбардировочной авиации.

В ходе осуществления своей программы модернизации стратегических сил США вновь, как и в 60-х годах, столкнулись с невозможностью обеспечить себе одностороннее преимущество за счет наращивания наступательного потенциала. Количество ядерных боезарядов, находящихся на вооружении обеих сторон, и повышение выживаемости советских средств доставки не позволяли надеяться на то, что в случае нанесения упреждающего удара Соединенным Штатам удастся лишить Советский Союз потенциала ответного удара или даже сохранить преимущество, которое позволяло бы рассчитывать на сохранение контроля за ходом конфликта. Кроме этого, преимущество Советского Союза в суммарном забрасываемом весе баллистических ракет потенциально давало ему превосходство в противосиловых возможностях стратегических сил.

С точки зрения США, ситуация потенциальной уязвимости стратегических сил представляла собой новое развитие и, как результат, вызвала серьезную дискуссию о различных вариантах развертывания новых систем. Сохранение потенциала сдерживания требовало обеспечения неуязвимости стратегических сил, которая была необходимой для гарантии нанесения ответного удара. Одной из наиболее сложных задач было обеспечение неуязвимости ракет наземного базирования. По мере роста противосиловых возможностей советских стратегических сил этот вопрос приобрел особую значимость. Согласно широко распространенному в США представлению, Со-

ветский Союз в случае первого удара приобретал возможность уничтожения с помощью части своих ракет наземного базирования всех МБР США и, как результат, мог получить одностороннее преимущество во втором ударе (т.н. «окно уязвимости»).

Характерно, что несмотря на озабоченность по поводу уязвимости баллистических ракет наземного базирования, вопросам обеспечения их выживаемости за счет создания средств противоракетной обороны не придавалось первостепенной важности. Более того, созданная США система противоракетной обороны «Сэйфгард», цель которой заключалась в защите от ракетного нападения одного из районов базирования МБР США, была деактивирована через пять месяцев после ее постановки на дежурство, состоявшейся в октябре 1975 г. Ограниченное количество перехватчиков и ограниченные возможности системы по борьбе со средствами преодоления обороны делали ее эксплуатацию бессмысленной.

Вопрос о возможном развертывании новой системы ПРО, которая ставила бы целью защиту районов базирования баллистических ракет, обсуждался также несколько лет спустя в связи с вопросом о выборе способа базирования новой баллистической ракеты МХ. Комбинация противосиловых возможностей этой ракеты и высокой концентрации боевых блоков на ней делали ее очень привлекательной целью для первого удара. Как результат, для развертывания ракеты требовалось обеспечить ее неуязвимость по отношению к возможному удару советских стратегических сил. Среди различных вариантов обеспечения выживаемости ракет МХ США рассматривали и возможность защиты районов базирования ракет с помощью средств противоракетной обороны. В целом, результаты проведенных оценок показали, что создание противоракетной обороны позволяло улучшить показатели живучести, но коренным образом изменить ситуацию не могло.[93, с. 20]

Совершенствование стратегических сил и особенно практически ничем не контролируемое наращивание количества боевых блоков на стратегических

носителях вынудили Советский Союз и США искать возможности для ограничения темпов наращивания наступательных вооружений. В 1974 г. были достигнуты Владивостокские договоренности, которые дали начало переговорам по заключению Договора ОСВ-2. Переговоры были завершены в 1979 г. подписанием договора, но добиться его вступления в силу Советскому Союзу и США не удалось. Более того, обе стороны добились сохранения всех осуществлявшихся или планировавшихся программ модернизации стратегических сил.

Программа модернизации стратегических сил США была направлена на создание систем, которые воспринимались в Советском Союзе как свидетельство намерения США приобрести потенциал первого удара – программа развертывания ракет МХ, оснащение части ракет Минитмен III боевыми блоками с боезарядами повышенной мощности, создание новой высокоточной ракеты Трайдент, развертывание крылатых ракет. В Советском Союзе не без оснований воспринимали эти программы как попытку США вновь приобрести одностороннюю возможность уничтожения советского стратегического потенциала и, как результат, ослабить или свести на нет их сдерживающий потенциал.[62, с. 82; 17, с. 314]

С точки зрения Советского Союза, шаги, предпринимавшиеся США, свидетельствовали о том, что примерный паритет возможностей стратегических сил, который стал результатом проведенной в 70-х годах программы модернизации, может быть поставлен под сомнение. Фактически, США стремились к сохранению и укреплению одностороннего превосходства над Советским Союзом – на этот раз не столько по количеству стратегических носителей, сколько по их возможностям, в том числе по возможности ведения противосиловых действий.

В Советском Союзе попытки создания таких систем не без оснований воспринимались как угроза потенциалу ответного удара его стратегических сил. Желание сохранить этот потенциал побудило Советский Союз присту-

пить к разработке мобильных ракетных комплексов, живучесть которых обеспечивалась бы за счет неопределенности их положения.[16, с. 85] Работа по созданию подвижных комплексов грунтового и железнодорожного базирования была начата в 1977-1979 гг.[16, с. 85; 44, с. 120] Одновременно с обеспечением живучести ракетных комплексов, нанесение ответного удара в условиях воздействия стратегических сил США требовало обеспечения устойчивости всех систем, обеспечивающих операции стратегических сил, в частности, системы боевого управления и связи, а также системы раннего предупреждения о ракетном нападении. Значительные усилия, вложенные в создание этих систем, а также в обеспечение живучести ракетных комплексов, заставляли Советский Союз очень внимательно относиться ко всем программам США, которые могли бы сделать возможным нанесение удара по ключевым объектам системы боевого управления советскими стратегическими силами, или открыть возможность построения нетрадиционных систем ПРО, способных ослабить потенциал ответного удара.

Среди программ, которые пользовались вниманием Советского Союза, были программы создания космических средств, осуществлявшиеся в США в 70-х годах. В Советском Союзе было известно о ведущихся в США работах в области перспективных противоракетных систем, которые были рассчитаны на перехват в космосе. В США также шли работы в области оружия направленного действия.[14; 51] При этом, как будет показано ниже, такие работы велись и в Советском Союзе, что давало советским разработчикам лучшее представление о возможностях таких систем и, как следует отметить, делало их стороной, заинтересованной в продолжении таких работ и подчеркивании их перспектив.

Наиболее серьезным событием в стратегических взаимоотношениях Советского Союза и США, произошедшим в рассматриваемый период, стало появление программы создания Стратегической оборонной инициативы (СОИ), о которой было объявлено в марте 1983 г. Технические и политиче-

ские аспекты программы СОИ, а также история советско-американских переговоров, в которых обсуждались различные аспекты этой проблемы, подробно проанализированы в литературе.[62; 5; 52; 145; 102 и др.] Программа ставила задачу создания системы противоракетной обороны, которая обеспечила бы защиту территории Соединенных Штатов от массированного ракетного удара. Для решения этой задачи предполагалось широко использовать компоненты космического базирования и технологии перехвата баллистических ракет, основанные на применении оружия направленного действия.

С точки зрения Советского Союза, создание такой системы – в случае если бы она действительно была создана – неизбежно означало существенное ослабление потенциала ответного удара как за счет снижения живучести советских стратегических носителей так и за счет снижения их способности доставить боезаряды к цели. Кроме этого, существовали опасения по поводу того, что развитие космических средств (как ударных так и информационных) сможет в перспективе поставить под угрозу и живучесть мобильных комплексов наземного базирования. Следует учитывать также, что реализация программы СОИ не предполагала сворачивания усилий США по наращиванию противосилового потенциала своих стратегических сил.

Несмотря на серьезную обеспокоенность в отношении планов США по созданию новой системы противоракетной обороны, непосредственная ответная реакция Советского Союза была в основном ограничена политическими шагами. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что основные программы в области модернизации наступательных вооружений – такие как создание ракет РТ-23/РТ-23УТТХ (СС-24), Р-36МУТТХ (СС-18), комплексов «Тополь» (СС-25), ракетоносцев проектов 941 (Typhoon) и 667БДРМ (Delta IV) – к началу 80-х годов находились в завершающей стадии разработки и не могли быть скорректированы. На отношение к ответным мерам повлияло и то, что необходимости в реализации каких-то дополнительных мер противодействия не было, так как основные меры преодоления ПРО были

реализованы в ходе обычного процесса разработки новых систем. Технические решения, которые учитывали необходимость противостояния противоракетной обороне типа СОИ предполагалось реализовать уже на следующем этапе модернизации стратегических сил, в ходе нормального процесса смены поколений, который должен был начаться в начале 90-х годов.[22]

3.2. Развитие систем ПРО после заключения Договора по ПРО

3.2.1. Система ПРО Москвы

Подписание Договора по ПРО не означало остановки работ в области противоракетной обороны в ни в Соединенных Штатах ни в Советском Союзе. В ходе переговоров обе стороны приложили усилия для того, чтобы иметь возможность продолжить существовавшие в то время разработки. В частности, в августе 1971 г. были начаты испытания стрельбовых комплексов системы А-35 под Москвой. В то же время, уже было принято решение об ограничении работ по этой системе уже сооруженными комплексами, в составе которых находилось 64 противоракеты.[42, с. 190]

Примерно в это же время, в конце 1971 г., была завершена разработка эскизного проекта системы ПРО нового поколения А-135. Характерно, что при разработке проекта не учитывались параметры будущего договора об ограничении систем противоракетной обороны, которые к тому моменту уже были в основном согласованы (кроме этого, эти предложения не учитывались и в советской переговорной позиции). Так, предлагаемая система должна была включать в свой состав радиолокационные средства, расположенные на расстояниях до 600 км и стрельбовые комплексы на расстоянии около 300 км от Москвы, что было напрямую запрещено Договором по ПРО.[42, с. 242] Отчасти это объясняется тем, что работы по созданию нового варианта противоракетной системы, которые велись в тот момент, не были поддержаны правительственным постановлением, а велись в рамках министерства радиопромышленности в соответствии с приказом министра.[14] Соответственно, они

не имели того статуса, который позволил бы разработчикам быть полностью в курсе переговоров об ограничении ПРО и тем более оказывать влияние на переговорную позицию.

После подписания Договора по ПРО, предложения по созданию системы ПРО нового поколения были пересмотрены. Система была перестроена так, чтобы включать в свой состав не более 100 противоракет, расположенных в непосредственной близости от Москвы. Основной задачей, которую были призваны решать средства системы, была борьба со средствами преодоления ПРО. С этой целью при перепроектировании системы в состав были введены противоракеты двух типов – ближнего и дальнего перехвата. В связи с этим было также изменено задание на создание радиолокационной станции системы. Модернизированный вариант РЛС, которая выполняла одновременно задачи обнаружения целей и сопровождения целей и перехватчиков, получил обозначение «Дон-2Н».[42, с. 243]

В 1973 г. А. Г. Басистов был назначен руководителем работ по созданию системы А-135, проект которой был еще раз пересмотрен. Основным радиолокационным средством системы должна была стать РЛС «Дон-2Н», разрабатываемая в РТИ под руководством В. К. Слоки. При этом в составе системы предполагалось использовать РЛС дальнего обнаружения системы А-35 «Дунай-3» и «Дунай-3У», расположенные в Кубинке и Чехове соответственно, а также РЛС канала цели РТЦ-35. На четырех стартовых позициях ракет системы А-35 предполагалось разместить по восемь ракет дальнего перехвата А-925 (всего 32 ракеты). Кроме этого, предполагалось создать четыре стартовых позиции с шестнадцатью противоракетами ближнего перехвата ПРС-1 для обороны Москвы и одну позицию с четырьмя такими противоракетами – для обороны РЛС «Дон-2Н».[42, с. 244]

Несмотря на появление нового проекта, работы по созданию системы А-135 по-прежнему велись в рамках министерства радиопромышленности и не становились предметом правительственных постановлений, которые могли

бы задать проведение опытно-конструкторских работ. Изменение этого статуса произошло лишь в 1975 г., когда было принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР о начале строительства полигонного образца стрельбового комплекса «Амур» системы А-135, в состав которого входила и РЛС «Дон-2Н».[14]

В 1978 г. работы по созданию системы А-135 получили новый импульс. В июле 1978 г. было принято правительственное постановление о начале сооружения объектов системы под Москвой согласно ранее предложенному плану. Это означало, в частности, необходимость демонтажа существовавших к тому моменту шахтных пусковых установок системы А-35, которая была принята на вооружение всего лишь годом раньше. Одновременно, была задана работа над разработкой перспективных систем ПРО – системы ПРО Москвы А-235 и системы обороны территории А-1035.[42, с. 245; 14] Основной объем работ по развертыванию системы А-135 приходился на многофункциональную РЛС «Дон-2Н», сооружение которой было начато под Москвой в 1979 г. Строительные работы были закончены к 1981 г., но монтаж оборудования занял еще несколько лет и продолжался до 1986 г. К этому времени был завершено сооружение и остальных объектов системы.[42, с. 323]

Вскоре после завершения сооружения объектов под Москвой на полигоне Сары-Шаган проводились государственные испытания полигонного комплекса. Они проводились в период с марта по октябрь 1987 г. и выявили множество недоработок системы. Министерство обороны настояло на возврате системы на доработку для устранения отмеченных недостатков. Серии конструкторских испытаний, призванных продемонстрировать выполнение этой работы, были проведены в 1988 и 1989 гг., но целиком удовлетворить требованиям заказчика не удалось.[42, с. 324] В конечном итоге, государственные испытания полигонного комплекса «Амур» системы А-135 были проведены в 1989 г. и завершились в декабре 1989 г.[42, с. 325] Постановление

СМ СССР о постановке системы «в опытную совместную эксплуатацию» было принято в декабре 1990 г., а опытное дежурство началось в феврале 1991 г.[42, с. 325]

Доработка системы продолжилась и после начала опытного дежурства, так как на боевое дежурство она была поставлена только в декабре 1995 г.¹[42, с. 325] Последние испытательные пуски ракет были проведены 2 октября 2002 г. (противоракета дальнего перехвата 51Т6) и 2 ноября 1999 г. (противоракета ближнего перехвата 53Т6).²

3.2.2. Другие работы в области противоракетной обороны

Как показывает история создания системы ПРО Москвы, в течение довольно долгого периода времени после подписания Договора по ПРО в 1972 г., работы в области противоракетной обороны были фактически приостановлены. До 1975 г. эти работы велись в основном в рамках Министерства радиопромышленности. Начиная с середины 70-х годов, интерес к работам в области ПРО возобновился и, насколько можно судить, привел к возникновению ряда предложений и проектов, которые шли достаточно далеко в идее создания обороны территории страны.

Проблема с изучением положения дел в области проектов противоракетной обороны, существовавших в 70-х–80-х годах заключается в очень ограниченном объеме информации об этих работах, которая существует в открытом доступе. Тем не менее, та информация, которая существует, позволяет составить представление о некоторых работах, которые велись в этой области, и дает возможность оценить общее их направление.

Характер перспективных работ в области ПРО определялся как минимум двумя факторами. Первый, наиболее важный, заключался в понимании ограниченности возможностей систем, построенных на «классическом» принципе

---

¹ Михаил Ходаренок, «Звездные игры», Независимое военное обозрение, 4 апреля 2003 г.

² Владислав Кузнецов, «Очередной технический ресурс находящихся на боевом дежурстве российских противоракет продлен на три года», ИТАР-ТАСС, 7 октября 2002 г.; Сергей Сокут, «Ударом на удар», Независимое военное обозрение, 12 ноября 1999 г.

перехвата на конечном участке траектории непосредственно перед входом в атмосферу и в атмосфере. Работы в направлении разработки систем, которые могли бы осуществлять перехват за пределами атмосферы, на баллистическом участке траектории, которые велись в США, служили дополнительным доказательством того, что построение систем на новых принципах возможно.[14] Кроме этого, уже в начале 70-х годов, при обсуждении будущего системы А-35 и перспективных работ в области ПРО, в Советском Союзе высказывались идеи о возможности создания систем противоракетной обороны на основе «других физических принципов», в частности, с использованием источников направленной энергии.[42, с. 213; 29, с. 223] Примечательно, что в ходе переговоров по ПРО именно советская сторона настаивала на отсутствии конкретных ограничений на «основанные на других физических принципах» системы ПРО.[62, с. 76-77]

Вторым немаловажным обстоятельством, определившим появление проектов перспективных систем ПРО, была логика функционирования советского оборонного комплекса, которая побуждала разработчиков к разработке новых масштабных проектов.[51]

Существует информация о нескольких проектах, которые ставили своей задачей создание перспективных средств противоракетной обороны. Один из таких проектов был предложен в 1979-1980 гг. В. Н. Челомеем. Насколько можно судить, в основе проекта лежала идея о создании системы ПРО с элементами космического базирования.[128, с. 235] Это предложение рассматривала специально созданная комиссия под руководством заместителя министра обороны по вооружению генерала В. М. Шабанова, которая выдала отрицательное заключение на проект.[128, с. 236; 29, с. 223]

Возможно, что предложение В. Н. Челомея было продолжением проекта, который был ранее предложен А. И. Савиным, возглавлявшим ЦНИИ «Комета» – головную организацию по созданию системы предупреждения о ракетном нападении и противоспутниковым системам (которые ЦНИИ «Комета»

вел совместно с ЦКБ машиностроения В. Н. Челомея). А. И. Савин упоминает о разработанном им в 1975 г. предложении о создании системы космического базирования, которая была бы ориентирована на поражение носителей противника как после их старта, так и непосредственно перед стартом. Так или иначе, это предложение также не было поддержано Министерством обороны и руководством промышленности.[51]

В министерстве общего машиностроения в середине 70-х годов были начаты работы по проработке проектов боевых космических станций. Головной организацией по проведению этих работ было назначено НПО «Энергия».[44, с. 362] Кроме этого, в различных организациях велись исследования в области создания систем, которые могли бы стать основой для оружия направленного действия – лазерного и пучкового.[44, с. 362; 51; 179]

В целом, по признанию специалистов, знакомых с работами в области противоракетных систем, работы по исследованию перспективных систем противоракетной обороны в Советском Союзе велись, но оставались в рамках научно-исследовательских разработок.[51] Определенное представление об уровне этих работ можно составить по описанию космического аппарата «Скиф-ДМ», запуск которого был произведен в мае 1987 г. в рамках первого полета космического носителя «Энергия».[21] В состав космического аппарата входили системы, которые были предназначены для отработки возможности работы в космосе газодинамического лазера, а также систем кинетического поражения мишеней. Экспериментальный характер размещенных на космическом аппарате систем свидетельствовал о том, что они были еще не готовы к производству, но в то же время, находились в достаточно высокой степени готовности.

Появление американской программы СОИ дало возможность советской промышленности выступить с инициативой об увеличении финансирования работ, которые велись в то время и предложить ряд новых проектов, объединенных идеей противодействия системе СОИ. Например, были выделены до-

полнительные ресурсы на программы в области противоракетной обороны и другие работы министерства радиопромышленности.[14] Так, например, решение о подготовке полета космического аппарата «Скиф-ДМ», на котором были размещены прототипы систем вооружений космического базирования, было принято отчасти в рамках «ответа» на программу СОИ. Первоначальный план запуска носителя «Энергия» предполагал использование габаритно-весового макета без каких-либо систем на борту, но в 1985 г. было принято решение о подготовке к полету аппарата «Скиф-ДМ».[21] Вполне возможно, что решение о подготовке запуска космического аппарата было одним из решений, принятых в момент серьезных сомнений в способности дипломатических мер добиться остановки наращивания наступательных вооружений и воспрепятствовать реализации программы СОИ.[27, с. 424-425]

Кроме этого, к 1986 г. были разработаны несколько проектов, которые предлагали развертывание работ как по созданию масштабных систем, аналогичных СОИ (и предполагавших сравнимый уровень финансирования), так и по разработке мер противодействия ей. Эти программы, предложенные министерствами общего машиностроения и радиопромышленности, были одобрены серией правительственных постановлений в 1986 г.[14] Масштаб работ, которые предполагалось провести в рамках этих программ, оценить очень сложно, так как их реализация была приостановлена вскоре после одобрения. Начиная с 1987 г., объем ресурсов, выделявшихся для их осуществления, заметным образом сократился.[14] Этот спад был в большой степени обусловлен осознанием практических сложностей осуществления программ противоракетной обороны с эффективностью, которая могла бы оправдать затраты на их создание. Не было определенности и с определением задач, которые могла бы решать система – заказчики требовали проведения оценки эффективности по способности системы осуществлять перехват всех боевых блоков, что по мнению разработчиков было нереально.[14] Окончательный итог

был подведен распадом Советского Союза, после которого практически все программы в этой области были прекращены.

3.3. Реакция Советского Союза на программу СОИ

Договор по ПРО от 1972 г. и протокол к нему, подписанный в 1974 г., составили основу режима ограничения систем противоракетной обороны, который позволял США и Советскому Союзу с большой степенью предсказуемости контролировать отсутствие работ по созданию ПРО. Тем не менее, вопросы противоракетной обороны не исчезли и не могли исчезнуть из советско-американских отношений.

Основное место в советско-американских отношениях середины-конца 70-х годов занимали переговоры об ограничении и сокращении стратегических вооружений, которые были продолжением процесса, начатого в ходе согласования позиций по Договору ОСВ-1. Основные положения нового договора были сформулированы во Владивостокских договоренностях ноября 1974 г. Согласно этим договоренностям основой нового соглашения должны были стать ограничение полного числа стратегических носителей ядерного оружия и ограничение количества носителей, способных нести разделяющиеся головные части индивидуального наведения.[34, с. 165; 44, с. 12] Прогресс на переговорах осложнялся постоянной их увязкой с другими проблемами двухсторонних отношений и к очередным президентским выборам достичь результата не удалось.[34, с. 209] После прихода к власти в США в 1977 г. новой администрации, обе стороны подтвердили свое намерение продолжить переговоры.[34, с. 217] После первоначального периода взаимопонимания и уточнения позиций,[34, с. 218, 220-221] переговоры были продолжены и завершились подписанием Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2) в июне 1979 г. Вопросы противоракетной обороны напрямую в ходе переговоров ОСВ-2 не обсуждались.

В целом, Договор ОСВ-2, хотя и ставил развитие стратегических сил сторон в определенные рамки, не смог существенно ограничить масштаб модернизации, проводимой в обеих странах. К моменту заключения договора и в Советском Союзе и в США был завершен переход к новому поколению ракетных комплексов, в составе которых находились ракеты с РГЧ ИН, а также развертывание баллистических ракет морского базирования и бомбардировщиков нового поколения. Предел количественного роста ядерных боезарядов был уже в основном достигнут. Тем не менее, Договор ОСВ-2 стал очень важным документом, так как он позволил Советскому Союзу и США обсудить целый ряд вопросов в области стратегических вооружений и достичь соглашения, которое имело стабилизирующий характер.

Насколько можно судить по конкретным инициативам, выдвигавшимся Советским Союзом в конце 70-х-начале 80-х годов, вопрос о размещении оружия в космосе, хотя и пользовался вниманием, не относился к числу приоритетных. В начале 80-х годов Советский Союз выступил с рядом политических инициатив, направленных на предотвращение развертывания в космосе систем ударных вооружений, для которых был выбран механизм ООН. Так, в августе 1981 г. Советский Союз внес в ООН проект договора о запрете на размещение оружия в космосе, косвенно подтверждая свою убежденность в военном характере американской программы. Годом позже, в августе 1982 г., предложение о заключении такого договора было вынесено на Конференцию по разоружению в Женеве.¹ О сравнительно невысоком внимании, которым пользовались вопросы космических вооружений свидетельствует и тот факт, что они не были включены в повестку дня переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений, которые были начаты в июле 1982 г.[62, с. 82]

Предметом переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений были в основном вопросы ограничения числа стратегических

носителей – межконтинентальных ракет наземного и морского базирования и стратегических бомбардировщиков.[62, с. 84] Как и на переговорах о средствах средней дальности, позиции сторон в отношении характера сокращений существенно различались и прогресса на переговорах практически не было.

Ситуация существенным образом изменилась после того, как в 23 марта 1983 года президент США объявил о намерении начать работы по созданию Стратегической оборонной инициативы (СОИ). Советский Союз выступил с публичным осуждением американской инициативы, но ее появление не сразу отразилось на изменении советской позиции на переговорах.[165, с. 166-167; 128, с. 241-242] Так, например, стенограмма посвященного переговорам с США заседания Политбюро, состоявшегося 31 мая 1983 г., т. е. вскоре после объявления об программе СОИ, свидетельствует о том, что идея о включении вопросов запрета на вывод оружия в космос не обсуждалась.[128, с. 241-242] Такая реакция на инициативу президента США, впрочем, была неудивительной, так как к тому моменты истинные масштабы предлагаемой программы и серьезность намерений США еще не были полностью ясны.

Первоначально, Советский Союз предлагал решать вопросы космоса отдельно от вопросов наступательных вооружений – в августе 1983 г. Генеральный секретарь ЦК Ю. В. Андропов заявил о том, что Советский Союз выступает за заключение соглашения, которое запретило бы испытания и разработку любых типов оружия в космосе, способного поражать цели на земле, в космосе или в атмосфере. Одновременно, был объявлен мораторий на испытания имевшейся у Советского Союза противоспутниковой системы.¹[165, с. 167]

Американской стороной это предложение принято не было. Вскоре после этой инициативы переговоры как по стратегическим вооружениям, так и по средствам средней дальности были прекращены по инициативе советской

---

¹ “Moscow Urges Treaties On Arms Control,” *The New York Times*, August 4, 1982, p. 5.

стороны в ответ на начавшееся осенью 1983 г. развертывание американских средств средней дальности в Европе.

После прекращения переговоров о стратегических вооружениях Советский Союз предпринял попытку начать переговоры, которые были бы полностью сконцентрированы на вопросах космических вооружений. Эта позиция была предложена в ряде заявлений, сделанных в начале 1984 г., а в июне 1984 г. было опубликовано официальное предложение о начале переговоров о запрещении разработки и размещения оружия в космосе. В предложении содержались конкретные сроки начала переговоров – сентябрь 1984 г. В ходе переговоров предлагалось достичь договоренности о запрете любого оружия космического базирования и, в частности, противоракетных и противоспутниковых систем (в том числе и противоспутниковых систем наземного базирования). В заявлении прямо говорилось о необходимости предотвратить создание оружия «любого типа базирования» и конкретно запретить «обычное, ядерное и лазерное» оружие.² В целом, предложение развивало ранее высказанную позицию и, судя по вниманию, которое уделялось противоракетным системам и оружию направленной энергии, было намеренно сформулировано так, чтобы предотвратить развертывание программы СОИ. Следует отметить, что в этот момент вопрос об увязке переговоров о космических вооружениях с переговорами о стратегических наступательных вооружениях Советским Союзом не ставился. Наоборот, когда США в ответ на предложение о начале переговоров заявили о том, что все вопросы нужно обсуждать в комплексе, Советский Союз обвинил США в стремлении уйти от переговоров.³[165, с. 168]

---

¹ Dusko Doder, "Andropov Urges Ban on Weapons To Attack Satellites; U.S. Senators Told Of Space Moratorium," *The Washington Post*, August 19, 1983, p. A1.

² Dusko Doder, "U.S.-Soviet Talks Set on Space Arms; Moscow's Proposal For Vienna Talks Is Accepted Here," *The Washington Post*, June 30, 1984, p. A1.

³ Dusko Doder, "U.S.-Soviet Talks Set on Space Arms; Moscow's Proposal For Vienna Talks Is Accepted Here," *The Washington Post*, June 30, 1984, p. A1.

После того, как предложение об отдельных переговорах по космическому вооружению не нашла поддержки, в Советском Союзе было решено предложить вести обсуждение всех вопросов в комплексе. Соответствующее решение было принято в октябре 1984 г. Более того, взаимосвязь наступательных и космических вооружений было решено сделать основным элементом советской переговорной позиции, поставив возможность сокращения наступательных вооружений в зависимость от прекращения программ в области космических вооружений.[27, с. 413-414]

Как можно видеть, жесткая увязка вопросов о наступательных и космических вооружениях появилась в советской позиции на переговорах с США спустя более чем полтора года после того, как США объявили о начале работ по созданию Стратегической оборонной инициативы. Насколько можно судить, принятие такой позиции было связано с различными факторами. Прежде всего, Советский Союз не мог не быть обеспокоен по поводу того, как развивается программа СОИ. В марте 1984 г. в США была создана Организация по осуществлению СОИ, на которую была возложена ответственность за реализацию программы. Несмотря на то, что никаких реальных результатов в рамках программы еще не было (и не могло быть) достигнуто, заявленные планы должны были вызвать определенную озабоченность.

Вторым обстоятельством стало достигнутое в Советском Союзе понимание необходимости возобновления переговоров о наступательных вооружениях и средствах средней дальности. Включение вопроса о космических вооружениях предоставляло возможность возврата на переговоры, прерванные по инициативе советской стороны, с минимальным ущербом для советской позиции.[27, с. 413-414] И, наконец, последнее по порядку, но не по важности: объединение вопросов космических вооружений отражало реально существовавшую между ними взаимосвязь. Как обсуждалось выше, создание оборонительной системы класса СОИ даже в ограниченном масштабе могло

сказаться на возможностях советских стратегических сил по нанесению ответного удара и, следовательно, на уровнях наступательных вооружений.

Официальное предложение о возобновлении переговоров было направлено США в конце ноября 1984 г. Тогда же была достигнута договоренность о проведении в январе 1985 г. встречи министров иностранных дел, на которой предполагалось обсудить относящиеся к переговорам вопросы.[27, с. 414-415] С советской стороны для встречи министров было подготовлено два варианта предложений по директивам делегациям. Первый вариант предполагал запрещение создания, испытаний и развертывания ударных космических вооружений и уничтожение существующих. В этом случае Советский Союз был готов на радикальное сокращение стратегических вооружений и отказ от создания новых. Вторым вариантом (в случае отказа США от первого) – приостановление испытаний и развертывания вооружений в космосе при одновременной приостановке программ создания новых ядерных вооружений.[27, с. 415-416] Конкретных договоренностей по этим вопросам в ходе встречи министров достигнуто не было, но было решено, что переговоры начнутся в марте 1985 г. и будут вестись одновременно по трем направлениям – ударные космические вооружения, стратегические наступательные вооружения и средства средней дальности. Советская делегация на переговорах получила недвусмысленные инструкции, в которых говорилось о невозможности достижения договоренности по наступательным вооружениям без соглашения по ударным космическим вооружениям.[27, с. 417; 165, с. 87, 170]

Позиция советской делегации в отношении космических вооружений состояла в следующем: предлагалось запретить научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области ударных космических вооружений (УКВ), а также их испытания и развертывание. Под УКВ понимались средства ПРО космического базирования, а также системы вооружений, предназначенные для поражения целей на земле и в атмосфере. Предлагалось также ус-

тановить запрет на создание любых противоспутниковых систем.[62, с. 91-93; 165, с. 88, 171]

Особого внимания заслуживает вопрос о той части советской позиции, в которой говорится о запрете на исследования в области космических вооружений, так как этот вопрос впоследствии стал одним из источников разногласий между Советским Союзом и США. Общепринятое толкование разграничения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ было основано на заявлении, сделанном главой делегации США на переговорах по ПРО послом Дж. Смитом, во время слушаний в конгрессе США в ходе ратификации договора по ПРО. Согласно этому определению, запрет на разработку систем ПРО, содержащийся в Договоре по ПРО, относится к стадии, которая следует за научно-исследовательскими работами и подразумевает выход работ за пределы исследовательских лабораторий. Этот вопрос никогда не был предметом взаимной договоренности между Советским Союзом и США, но советская сторона также придерживалась этого определения.[23] Несмотря на наличие такого понимания, на переговорах было предложено наложить запрет именно на исследования, а не на разработку космических вооружений.[27, с. 423, 430-431; 165, с. 171]

Поскольку вопрос о запрете на испытания представлял определенную проблему на переговорах, было предпринято несколько попыток пересмотреть позицию в этом вопросе или изменить его таким образом, чтобы сделать более приемлемым. В частности, представители министерства обороны предлагали отказаться от этой позиции при обсуждении вопроса в августе 1985 г., но против изменения позиции выступил МИД.[27, с. 437] После этого публично была предложена идея о взаимном открытии лабораторий, которое было призвано служить проверке запрета. Осенью 1985 г. были даже согласованы и представлены американской стороне списки лабораторий и разрешенной деятельности.[165, с. 173] В январе 1986 г. было предложено выработать согласованное определение понятий «лаборатория» и «прототип», а

также разрешенной деятельности и, в случае если такое соглашение будет достигнуто, снять возражения против проведения исследований.[165, с. 176-177] То есть формально позиция о запрете на исследовательские работы в области космических вооружений оставалась неизменной.

Соединенные Штаты не соглашались с предложением об установлении ограничений на СОИ и тем более на НИР. Максимум, на что США были готовы пойти – это заключение соглашения о невыходе из Договора по ПРО в течение определенного времени в случае если будет достигнута договоренность о сокращении стратегических вооружений и, возможно, на ограничение противоспутниковых систем.[27, с. 426] В целом, США старались не упускать возможность использовать программу СОИ в качестве средства для получения уступок от Советского Союза в области наступательных вооружений.

Одновременно, в США была выработана позиция, которая отчасти стала противовесом советским предложениям об ограничении исследований. Эта позиция получила известность как «расширенное толкование» Договора по ПРО. Впервые озвученное в октябре 1985 г., расширенное толкование заключалось в том, что запрет на создание противоракетных систем, основанных на иных физических принципах (то есть, отличных от систем ПРО с РЛС и перехватчиками), не может быть отнесен к разработке и испытаниям таких систем до тех пор пока не будут согласованы конкретные ограничения на такого рода системы.[165, с. 174] Такое толкование Договора по ПРО противоречило как тексту договора так и пониманию, которое существовало в момент его ратификации, и, соответственно, постоянно подвергалось критике с советской стороны.[34, с. 191-193] Более того, позиция в отношении расширенного толкования договора не пользовалась полной поддержкой в самой администрации США.[165, с. 174-175] Тем не менее, «расширенное толкование» было использовано для оказания давления на Советский Союз и было полно-

стью дезавуировано Соединенными Штатами только в 1993 г., уже после распада Советского Союза.

Следующим этапом в советско-американских переговорах стало появление предложения Советского Союза о полном ядерном разоружении, обнародованного 15 января 1986 г. В предложенном плане предлагались меры по поэтапной ликвидации к 2000 г. всего стратегического и тактического оружия, а также средств средней дальности. Все эти предложения были представлены как единый пакет, причем существенной частью пакета было соглашение о космических вооружениях.

Инициатива Советского Союза не привела к каким-либо изменениям на переговорах в Женеве, что вынудило Советский Союз искать новые пути к разблокированию переговоров. В конце мая 1986 г. советская делегация в Женеве представила США новый пакет предложений, в котором позиции по вопросам космических вооружений были конкретизированы. Предлагалось заключить отдельные соглашения о запрете на противоспутниковые системы и о запрете на космические системы, способные атаковать цели в воздухе и на земле. В части противоракетных систем предлагалось принять обязательство о невыходе из Договора по ПРО в течение определенного периода – от 10 до 20 лет.[165, с. 175]¹ Насколько можно понять, в этих предложениях Советский Союз снял свое требование о недопущении исследовательских работ в области космических вооружений. В то же время все исследования предлагалось строго ограничить рамками лабораторий, в соответствии с традиционным или «узким» толкованием Договора по ПРО. Администрация США настаивала на «широком» толковании положений Договора по ПРО и практически полностью игнорировала предложения об ударных космических вооружениях. США готовы были принять предложение о невыходе из Договора

---

¹ Walter Pincus, "Weinberger Assails Soviet Proposal on 1972 ABM Treaty," *The Washington Post*, June 5, 1986, p. A28.

по ПРО с тем условием, что после окончания оговоренного периода стороны будут свободны выйти из этого договора.¹

Именно с этими позициями стороны подошли ко встрече в верхах, которая состоялась в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г. В ходе встречи сторонам удалось достичь соглашения по очень широкому кругу вопросов, в частности о сокращении средств средней дальности и поэтапном сокращении всех баллистических ракет, а в перспективе и, возможно, всех ядерных вооружений. Основным вопросом, по которому не удалось достичь соглашения, стал вопрос об ограничении работ в области противоракетной обороны рамками лабораторий в течение 10 лет, на протяжении которых предполагалось осуществить сокращения наступательных вооружений.[67] Поскольку Советский Союз настаивал на том, что вопрос о соблюдении Договора по ПРО должен рассматриваться в увязке со всеми остальными предложениями, встреча закончилась безрезультатно.²

Вопрос об ограничении работ в области СОИ рамками лабораторий может выглядеть весьма незначительным, особенно с учетом того, что его неразрешенность не позволила достичь соглашений о существенных сокращениях наступательных вооружений. Но этот вопрос имел особую важность для советской стороны, так как сконцентрировал в себе очень широкий круг проблем – от намерения США придерживаться традиционного «узкого» толкования Договора по ПРО (а значит и придерживаться положений самого договора) до желания США добиваться одностороннего преимущества, которое олицетворяла программа СОИ.

После встречи в Рейкьявике стало ясно, что достичь быстрой договоренности о космических вооружениях не удастся. В связи с этим советское руководство приняло решение о выделении вопроса о средствах средней дальности

---

¹ Leslie H. Gelb, "Reagan Reported To Say U.S. Needs 'Star Wars' Tests," *The New York Times*, July 24, 1986, p. A1.

² Don Oberdorfer, "At Reykjavik, Soviets Were Prepared and U.S. Improvised," *The Washington Post*, February 16, 1987, p. A1.

сти из «пакета» предложений, обсуждавшихся в Рейкьявике. Примечательно, что объявление об отделении вопросов о средствах средней дальности от вопросов ПРО сопровождалось призывом к США пойти навстречу советской позиции по космическим вооружениям в ответ на советский компромисс. Формальное предложение о средствах средней дальности было представлено американской стороне на переговорах в Женеве 2 марта 1987 г.¹

Советский Союз также продолжал попытки достичь договоренности о разрешенной деятельности. Летом 1987 г. был разработан проект «Соглашения об укреплении режима Договора по ПРО и предотвращении гонки вооружений в космосе», в котором предлагалось установить десятилетний срок невыхода из Договора по ПРО, ограничить деятельность по созданию космических систем ПРО стенами лабораторий и установить запрет на развертывание в космосе или на испытания, направленные на такое развертывание, устройств, характеристики которых превосходят согласованные пределы. Был разработан список таких устройств и ограничений на их характеристики, причем этому списку уделялось очень большое внимание. Советская сторона рассчитывала на то, что предметом обсуждения будут конкретные положения этого списка, но США отвергли всю идею целиком.[165, с. 177; 34, с. 387]¹

Попытки достичь договоренности состоялись в ходе встреч министров иностранных дел в сентябре и в октябре 1987 г., но они оказались безуспешными. Соединенные Штаты отказывались взять на себя какие-либо обязательства по ограничению деятельности в области создания космических систем, будь то в виде обязательства придерживаться узкой интерпретации Договора по ПРО или в виде согласованного списка разрешенной деятельности.

После того, как в декабре 1987 г. был подписан Договор о ракетах средней и меньшей дальности, центральным вопросом в отношении взаимосвязи оборонительных и наступательных вооружений стал вопрос о том может ли

---

¹ Robert J. McCartney, "Soviet Plan On Missiles Presented," *The Washington Post*, March 3, 1987, p. A1.

быть подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений без сопровождающего его договора, регулирующего вопросы противоракетной обороны.

Примерно в это же время советские представители начинают все чаще подчеркивать, что Советский Союз не заинтересован в осуществлении программы, аналогичной СОИ, а найдет «ассиметричный ответ» на американскую программу. Основные усилия в области Договора по ПРО (вопрос о космических вооружениях практически целиком свелся к вопросу о Договоре по ПРО) были направлены на то, чтобы подтвердить обязательства сторон, вытекающие из этого договора и его традиционной «узкой» интерпретации.² В связи с этим Советским Союзом был введен в оборот термин «Договор по ПРО в том виде, как он был подписан в 1972 г.», содержанию которого на советской стороне придавалось очень большое значение.[34, с. 384; 165, с. 179]

Попытки заключить отдельное соглашение о невыходе из Договора по ПРО продолжались и на протяжении 1988 г. В январе 1988 г. Советский Союз внес на рассмотрение делегаций в Женеве проект «Соглашения о соблюдении Договора по ПРО и невыходе из него на протяжении согласованного периода времени». США представили проект «Договора о мерах по обеспечению перехода на базе сотрудничества к будущей обороне против стратегических баллистических ракет». Некоторое время спустя, советская сторона предложила проект протокола о мерах доверия и обеспечения предсказуемости в области соблюдения Договора по ПРО. Дискуссия по этим вопросам длилась до середины 1989 г.[165, с. 179]

Поскольку усилия по подписанию соглашения по ПРО не приводили к желаемому результату, советское руководство предприняло попытку использовать для достижения этой цели конфликт вокруг сооружаемой в Краснояр-

---

¹ R. Jeffrey Smith, Don Oberdorfer, "U.S., Soviets Agree on Missile Treaty Outline; Summit Tentatively Planned; Negotiations Set on Nuclear Tests," *The Washington Post*, September 18, 1987, p. A1.

² Celestine Bohlen, "Gorbachev Indicates Flexibility on SDI; Research Tied to 'Strict' ABM Interpretation," *The Washington Post*, December 1, 1987, p. A1

ске РЛС системы предупреждения о ракетном нападении. В феврале 1988 г. Советский Союз делает заявление о том, что он готов вывезти оборудование с этой РЛС если обе стороны заключат соглашение о том, что они будут соблюдать обязательства по Договору по ПРО «как он был подписан в 1972 г.» и США прекратят модернизацию своих РЛС в Британии и Гренландии.[165, с. 105] Несколько позже условие в отношении американских РЛС было снято, но это не помогло добиться желаемого результата.[165, с. 105-106] В итоге в сентябре 1989 г. Советский Союз согласился на безусловную ликвидацию РЛС в Красноярске как нарушающую положения Договора по ПРО.

В 1988-1989 г. в советско-американских переговорах возникла пауза, обусловленная президентскими выборами в США и последовавшим за ними пересмотром политики в отношении Советского Союза, который предприняла новая американская администрация. Вскоре после возобновления переговоров, в сентябре 1989 г. на встрече министров иностранных дел в Вайоминге было объявлено о том, что Советский Союз готов подписать Договор о сокращении наступательных вооружений без соответствующего соглашения по ПРО. Предполагалось, что в ходе подписания Договора СНВ советская сторона предложит сделать согласованное заявление о взаимосвязи этого договора с Договором по ПРО, а в случае отказа американской стороны – сделает одностороннее заявление. Такое заявление действительно было сделано при подписании Договора СНВ в Москве в июле 1991 г. В то же время, вместо заявления на уровне руководителя государства, оно было сделано главой рабочей делегации, что несомненно, снижало его статус.[71; 34, с. 384]

Подписание Договора СНВ-1 стало одним из последних событий советско-американского диалога по вопросам разоружения. После распада Советского Союза, преемником его ядерного статуса стала Россия и последующий диалог в области разоружения уже велся между Россией и США, с привлечением других бывших советских республик.

3.4. Содержание этапа и основные выводы

3.4.1. Взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений в дискуссии по поводу СОИ

Как можно видеть из описания программ развития наступательных и оборонительных вооружений, осуществлявшихся в 70-х годах и начале 80-х годов, содержание этого этапа стратегических взаимоотношений Советского Союза и США во многом определялось процессом качественного совершенствования стратегических сил, который пришел на смену количественному наращиванию наступательных потенциалов, характерному для 50-х и 60-х годов. Основное внимание уделялось вопросам повышения точности средств доставки, живучести стратегических носителей, способности стратегических сил обеспечить максимальную гибкость в случае ядерного конфликта и контроль за ходом такого конфликта и условиями его прекращения.

Усилия по приданию стратегическим силам возможности вести боевые действия отражали довольно сложный процесс изменения отношения к ядерному оружию, который происходил в США и в Советском Союзе. С одной стороны, основной задачей ядерного оружия оставалось сдерживание агрессивных действий противника с помощью угрозы нанесения удара в ответ на такие действия. С другой стороны, возможности стратегических сил заметно превышали уровень, необходимый для нанесения противнику неприемлемого ущерба. Так, например, согласно сегодняшним оценкам, ответный удар средствами только одной подводной лодки США по городам Советского Союза привел бы к гибели свыше 50 миллионов человек.[142]

Как уже отмечалось, очевидное противоречие между все возрастающими требованиями к характеристикам стратегических сил и их разрушительными возможностями, многократно превосходящими потребности сдерживания, было решено в рамках представления о том, что качественное развитие стратегических сил необходимо для обеспечения убедительности сдерживания. Предполагалось, что убедительность сдерживания может быть продемонст-

рирована только за счет создания систем вооружений, которые способны обеспечить ведение всего возможного спектра военных действий с применением ядерного оружия – от ограниченного ядерного конфликта до полномасштабного (и неоднократного) обмена ядерными ударами.

Противоречие, которое заключалось в таком подходе к роли ядерного оружия, заключалось в том, что непрерывное совершенствование характеристик стратегических носителей привносило элемент нестабильности в стратегические взаимоотношения Советского Союза и США. Как можно было видеть на примере дискуссии о вариантах развертывания ракеты МХ, которая велась в США, меры, которые могли увеличить живучесть ракеты, неизбежно вынуждали бы Советский Союз предпринимать ответные меры по наращиванию своего наступательного потенциала. Аналогичным образом, решение Советского Союза о начале работы над мобильными ракетными комплексами наземного базирования воспринималось в США как дестабилизирующий шаг, который мог предоставить возможность обхода ограничений договоров ОСВ.

Следует отметить, что в ходе реализации программы модернизации стратегических сил, осуществленной в 70-х годах, в полной мере проявилось стабилизирующая роль Договора по ПРО, который ограничивал масштаб систем противоракетной обороны. Возможность создания систем противоракетной обороны рассматривалась в ходе оценки различных вариантов развертывания стратегических сил и в процессе выработки требований к новым системам. Рассматривались также варианты создания различных систем противоракетной обороны – в США прорабатывался вопрос о создании системы ПРО для защиты шахт баллистических ракет, а также возможность осуществления перехвата в космосе. В Советском Союзе также велись работы в области создания различных противоракетных систем, в том числе и с элементами космического базирования. Поскольку практическая реализация этих систем требовала бы выхода из Договора по ПРО, наличие договора одновременно слу-

жило достаточно сильным фактором, сдерживающим развитие программ в области ПРО, и предоставляло достаточные гарантии того, что ни одна из сторон не сможет развернуть противоракетную оборону не дав другой стороне возможности принять необходимые ответные меры. Нет никаких сомнений в том, что в случае отсутствия Договора по ПРО модернизация стратегических сил оказалась бы более масштабной, нежели реально проведенная в 70-х годах.

В целом, по оценкам советских специалистов, состояние, которого достигли стратегические силы Советского Союза и США к концу 70-х годов, можно было охарактеризовать как стабильное. По совокупности возможностей стратегические силы примерно соответствовали друг другу и отставание в одних областях (как, например, в точности доставки боевых блоков и их удельной мощности) примерно компенсировалось преимуществом в других (например, большой суммарный забрасываемый вес ракет). Договор ОСВ-2, подписанный в 1979 г., в целом стал отражением достигнутого к этому моменту паритета.[16, с. 88] Более того, с точки зрения Советского Союза, ситуацию можно было охарактеризовать как стратегическое равновесие, что подразумевало не только примерное количественное и качественное равенство текущих стратегических арсеналов сторон, но отсутствие у них возможности добиться одностороннего преимущества в долгосрочной перспективе.

Проблема заключалась в том, что в Соединенных Штатах сложившуюся к концу 70-х годов ситуацию, наоборот, считали неприемлемой, во многом именно по той причине, что она свидетельствовала о достижении стратегического равновесия. Такое понимание отражалось в жесткой критике Договора ОСВ-2, а также в решениях по модернизации вооруженных сил (как ядерных так и обычных), принятых Соединенными Штатами в конце 70-х-начале 80-х годов. В то же время, наращивание наступательных арсеналов имело свои пределы и в начале 80-х годов администрации США пришлось столкнуться с очень серьезной критикой как внутри страны, так и со стороны союзников по

поводу своих действий в области военного строительства и взаимоотношений с Советским Союзом, которая сделала увеличение наступательного потенциала политически невыполнимой задачей. Фактически, США вновь столкнулись с невозможностью обеспечения одностороннего преимущества перед Советским Союзом, так же как это произошло в середине 60-х годов. Одним из немногих новых факторов в ситуации начала 80-х годов было то обстоятельство, что преимущество означало не только и не столько превосходство в количестве боезарядов, сколько превосходство в их качественных характеристиках и боевых возможностях стратегических сил.

Невозможность достижения одностороннего преимущества была обусловлена в первую очередь тем, что сложившееся к началу 80-х годов положение довольно точно описывалось в терминах стратегического равновесия так, как оно понималось в Советском Союзе – как комбинация текущего паритета и невозможности изменить сложившийся баланс сил в одностороннем порядке.

При рассмотрении положения начала 80-х годов с точки зрения желания США избежать состояния стратегического равновесия, появление идеи о создании противоракетной обороны выглядит вполне закономерным шагом. Столкнувшись с невозможностью обеспечить стратегическое преимущество за счет наращивания возможностей наступательного вооружения, США предприняли попытку обеспечить его за счет создания оборонительной системы. В действительности, конечно, эта причина была лишь одной из многих причин, приведших к началу работ над программой Стратегической оборонной инициативы, но именно эта сторона программы СОИ оказала наибольшее влияние на взаимоотношения Советского Союза и США на протяжении 80-х годов.

Как можно было видеть, первоначальная реакция Советского Союза на объявление о начале программы СОИ была достаточно сдержанной. Более того, как можно было видеть, возможность технического осуществления этой

программы с самого начала вызывала сомнения у советских специалистов. Несмотря на это, вопрос о намерении США начать работу по созданию СОИ приобрел исключительную важность в стратегических взаимоотношениях Советского Союза и США.

Представляется, что среди причин, которые обусловили довольно сильную политическую реакцию Советского Союза на возможность реализации программы СОИ, была обеспокоенность по поводу того, что эта программа может поставить под угрозу стратегическую стабильность. При этом, неспособность СОИ повлиять на стратегический баланс в краткосрочной перспективе не вызывала сомнений – это можно видеть из рассмотрения советской позиции на переговорах, которая исходила из того, что в случае отказа США от ограничения работ в области систем космического базирования Советский Союз будет вынужден наращивать свой наступательный потенциал. Такая возможность у Советского Союза существовала. Эта позиция в итоге была сформулирована как возможность осуществления «ассиметричных мер» в ответ на создание программы СОИ.

Продолжавшиеся усилия Советского Союза по ограничению программы СОИ свидетельствуют о том, что более серьезной проблемой, чем текущий стратегический баланс, считалась угроза того, что развитие космических вооружений приведет к изменению примерного равенства возможностей по его изменению. В этом случае также, основной проблемой считались не столько возможности конкретных систем или технологий, предлагавшихся в рамках СОИ, сколько неопределенность в возможных новых путях развития наступательных и оборонительных вооружений, которые могли открыться в результате начала работ в области СОИ.

Существенным отличием ситуации в области противоракетной обороны, сложившейся в начале 80-х, от ситуации 60-х годов было наличие Договора по ПРО, а также других договоров в области стратегических вооружений, которые предоставляли правовую возможность для сдерживания создания сис-

тем противоракетной обороны и космических вооружений. Соответственно, вопрос о сохранении стратегической стабильности превратился в вопрос о сохранении Договора по ПРО – как во внутренней дискуссии, которая велась в Соединенных Штатах, так и в советско-американских отношениях.

Подводя итог периоду 70-х-80-х годов, следует отметить, что взаимосвязь между оборонительными и наступательными вооружениями в полной мере проявила себя как очень значительный фактор стратегических взаимоотношений между Советским Союзом и США. Эта взаимосвязь проявилась на новом качественном уровне развития систем вооружений и, что не менее важно, на новом уровне развития институтов (как внутренних так и межгосударственных и переговорных), которые принимали участие в формировании политики в области противоракетной обороны. Решающим фактором стало наличие договорной базы отношений, которая позволяла придать взаимоотношениям предсказуемый и стабильный характер. Основным результатом действия всех этих факторов стало отсутствие необходимости в проведении масштабированного наращивания стратегических сил, аналогичного произведенному Советским Союзом и США в 60-х годах, для осознания технической невозможности создания системы СОИ. Принципиальная возможность принятия Советским Союзом ответных мер оказалась достаточным фактором для того, чтобы в США сформировалась сильная оппозиция программе СОИ, которая в итоге привела к тому, что характер программы был существенно пересмотрен и она после 1989 г. была переориентирована на более ограниченные задачи. (При этом следует отметить, что Советский Союз в итоге затратил значительные усилия на отражение угрозы, которую могла представлять система СОИ.)

Дальнейшее развитие событий в области противоракетной обороны происходило уже в коренным образом изменившихся условиях. Стратегические взаимоотношения России и США, сформированные после распада Советского Союза, существенным образом отличались от советско-американских от-

ношений. В то же время, вопросы стратегической стабильности и, следовательно, вопросы противоракетной обороны, оставались существенной частью этих отношений и, как будет показано ниже, в значительной мере повлияли на их развитие.

3.4.2. Роль советских институтов в выработке политики в отношении СОВ

На протяжении 70-х годов шел процесс укрепления всех институтов, связанных с выработкой решений в области стратегических сил. К этому времени в промышленности, на уровне правительства, а также в Вооруженных силах были созданы структуры, которые были призваны обеспечивать долгосрочное планирование разработки вооружений, разработку требований к системам вооружений, сопровождение их испытаний и приемку на вооружение. Кроме этого, к началу 70-х годов было завершено формирование структуры обеспечения проектов, осуществлявшихся оборонной промышленностью, необходимыми материальными и организационными ресурсами.

Создание продуманной и разветвленной системы, позволявшей профессионально вести обсуждение вопросов и выработать решения как для целей переговорного процесса, так и в рамках программ модернизации стратегических сил, стало одним из основных результатов процессов, происходивших в 70-х годах. Своя система принятия решений была создана и в США. И хотя принципы построения механизма принятия решений и степень открытости обсуждения вопросов в США кардинальным образом отличались от тех, что были реализованы в Советском Союзе, существовала и объединяющая эти системы черта. Сложность вопросов, относящихся к стратегическим вооружениям, обусловленная технической сложностью этих систем вооружений, а также масштабом последствий, которые могли быть связаны с их применением, обусловили создание в промышленности, в вооруженных силах, в научной и политической среде обеих странах большого количества институтов,

которые совместными усилиями обеспечивали создание и эксплуатацию стратегического оружия.

По мере своего укрепления, которое в основном пришлось на рассматриваемый период 70-х–начала 80-х годов, эти институты начинали опираться в основном на свои собственные интересы в той мере, в какой они считали их совпадающими с интересами государства и страны. Такая институционализация интересов представляет собой нормальное явление и при должной организации процесса взаимодействия всех участников процесса позволяет использовать их частные интересы для достижения согласованной цели. В то же время, она представляет определенную опасность, так как отсутствие возможности координировать различные интересы может привести к потере способности управлять развитием ситуации. Именно с этой точки зрения следует проанализировать развитие ситуации в области противоракетной обороны в начале–середине 80-х годов.

В целом, созданная в Советском Союзе структура управления оборонной промышленностью и новыми разработками сделала возможным системный подход к определению направлений развития стратегических сил. Как уже отмечалось, именно в начале 70-х годов были приняты решения по полномасштабному развертыванию работ по системе раннего предупреждения и по созданию системы боевого управления и связи, которые были необходимы для полной реализации потенциала ракетных комплексов нового поколения. Существенной чертой 70-х годов стало существенное усложнение задач, стоящих перед оборонной промышленностью и вооруженными силами. Результатом стала большая ориентация на решения, принимаемые на основе научной проработки проблем и снижение роли субъективных факторов в принятии решений.[61]

В то же время, к концу 70-х годов проявились тенденции, которые свидетельствовали о том, что механизм управления разработками в оборонной промышленности не всегда способен обеспечить эффективный контроль за

министерствами оборонной промышленности и конкретными разработчиками и привести масштабы их работ в соответствие с возможностями и потребностями вооруженных сил. Это проявилось, в частности, в том, что довольно часто решения принимались без учета реальных потребностей вооруженных сил. Кроме этого, в 70-х годах закрепилось положение, при котором однажды начатые опытно-конструкторские разработки как правило доводились до серийного производства даже в тех случаях, когда вооруженные силы возражали против принятия той или иной системы на вооружение или требовали проведения значительного объема доработок. Оборонные министерства и конкретные разработчики, заинтересованные в принятии их техники на вооружение, как правило добивались как минимум принятия систем в опытную эксплуатацию. Поскольку вооруженные силы не распоряжались ресурсами, направляемыми на разработку вооружений, их возможность влиять на решения о постановке систем на вооружение была ограничена.

Еще одним проявлением сложностей, которые испытывала система управления разработками в оборонной промышленности, стало существование множества параллельных проектов. Такой параллелизм, возможно, был оправдан в 50-х и 60-х годах, когда происходило формирование отрасли, но в 70-х годах он, скорее, свидетельствовал о недостаточно эффективной работе механизма принятия решений в этой области. Так, например, в начале 80-х годов в Советском Союзе шла одновременная работа над проектами как минимум трех мобильных ракетных комплексов наземного базирования.[17, с. 328]

Аналогичная ситуация сложилась и в областях ответственности министерства радиопромышленности. Так, например, при выборе базовой РЛС системы предупреждения о ракетном нападении, было принято решение о развертывании РЛС обоих представленных на рассмотрение типов – «Дарьял» и «Волга».[44, с. 367] Такое решение вело к необходимости организации серийного производства компонентов обеих РЛС, что вряд ли могло быть

оправдано с точки зрения эффективного использования ресурсов. В то же время, такое положение отвечало интересам разработчиков и отрасли в целом.

Другим очень важным организующим процессом, происходившим в 70-х годах, стало установление практически постоянного советско-американского диалога по проблемам ограничения вооружений и превращение этого диалога в важную составную часть советско-американских отношений. В области наступательных вооружений, ведение диалога с Соединенными Штатами требовало постоянного привлечения к рассмотрению возникающих проблем представителей различных ведомств, прежде всего министерства иностранных дел. Техническая сложность переговоров с США требовала также формирования института военных и гражданских экспертов, способных эффективно решать связанные с переговорами вопросы. В министерстве иностранных дел поддержку переговоров осуществлял отдел США и Канады и курировал первый заместитель министра иностранных дел. После 1985 г. в МИД было создано специальное Управление по ограничению вооружений и разоружению.[165, с. 116] В Генеральном штабе после окончания переговоров по Договору ОСВ-2 на основе группы специалистов, работавших над договором, было создано Международное договорно-правовое управление, которое несло ответственность за сопровождение последующих переговоров об ограничении и сокращении вооружений.[63]

Представляется, что значительное влияние на формирование в Советском Союзе механизма обсуждения вопросов, связанных с процессом разоружения и, отчасти, с определением направлений развития стратегических сил, оказали процессы, происходящие в США. Вопросы ограничения стратегических вооружений и переговоров с Советским Союзом занимали очень существенное место в публичной политике США и, как следствие, привели к тому, что в обсуждение этих вопросов были включены политики, представляющие законодательную власть, гражданские эксперты, научные организации, а также

самые различные общественные организации. Ведущаяся в США публичная дискуссия на темы, связанные со стратегическими вооружениями, неизбежно влияла и на обсуждение этих вопросов в Советском Союзе – как непосредственно, через формирование мнения советских партнеров, получавших информацию по различным каналам, так и опосредованно – через формирование представлений об этих вопросах в научной общественности и общественном мнении.

Например, очень заметную роль в процессе выработки представлений о вопросах, связанных со стратегическими вооружениями, играли контакты между учеными, которые ставили целью донесение представлений, существующих в американской научной (и политической) среде, до советских ученых и политического и военного руководства.[128] Это обстоятельство было тем более важно, что в Советском Союзе с середины 80-х годов гражданские специалисты принимали все более активное участие в формировании политики.[165, с. 116; 128]

Координация усилий различных ведомств в процессе решения вопросов, связанных с советско-американскими переговорами, осуществлялась с помощью создания специального института – так называемой «пятерки», в рамках которой были созданы условия для межведомственного обсуждения вопросов как на уровне экспертов, так и на уровне руководителей ведомств.[165] Этот механизм был создан в конце 60-х годов вскоре после начала советско-американских переговоров и существовал практически до распада Советского Союза в 1991 г. В целом, он зарекомендовал себя как очень эффективный механизм решения переговорных вопросов и согласования позиций различных ведомств. В то же время, «пятерка» была создана с совершенно определенной целью обеспечения переговорного процесса и не использовалась для решения вопросов, напрямую с переговорами не связанных.[60]

Как можно было видеть из описания механизма принятия решений в области разработки новых вооружений, описанного ранее, согласование вопросов в ходе этого процесса шло в основном в рамках взаимодействия промышленности и вооруженных сил. Как результат, при принятии окончательного решения, даже если оно принималось на уровне правительства или Политбюро, у ведомств, не вовлеченных непосредственно в процесс разработки вооружений, практически не было возможности повлиять на принятие решения или даже судить о его характере. В частности, не было такой возможности у министерства иностранных дел, которое несло ответственность за ведение переговоров. Более того, согласно установившейся в Советском Союзе практике, дипломаты, участвовавшие в переговорах, как правило не посвящались в технические детали разрабатывавшихся предложений и им не сообщались характеристики систем вооружений, которые были предметом переговоров. Техническая сторона вопросов полностью находилась в ведении представителей Вооруженных сил.[27, с. 456; 63]

Этот же принцип работал и в обратном направлении. Несмотря на участие в «пятерке» представителей Военно-промышленной комиссии, разработчики не обязательно были в курсе вопросов, обсуждавшихся на переговорах, и связанных с этим проблем. Во всяком случае, не существовало установленного постоянно действующего механизма доведения результатов переговоров до разработчиков или согласования с ними политических инициатив. Учитывая исключительно важную роль, которую играли разработчики – научно-исследовательские и конструкторские организации – в процессе создания военной техники, отсутствие механизма их участия в переговорном процессе не могло не сказаться на качестве принимаемых решений.

Можно привести несколько примеров, в той или иной степени характеризующих отсутствие надежного согласования между позицией на переговорах и решениями в области разработок систем вооружений. Так, например, об этом свидетельствует позиция в отношении систем космического базирова-

ния и противоспутниковой обороны. При решении вопроса о прекращении испытаний системы противоспутниковой обороны в 1983 г. разработчиков системы не поставили в известность о принимаемом решении.[51] Наиболее же показательным примером рассогласования позиций стало решение о строительстве РЛС системы предупреждения о ракетном нападении в Красноярске, которое формально нарушало положения Договора по ПРО. Этот вопрос был передан в ведение «пятерки» только после того, как США поставили вопрос о нарушении положений договора.[165, с. 95-102]

Чтобы подвести итог этой части обсуждения, следует отметить, что механизм согласования решений, предлагавшийся «пятеркой», вступал в действие как правило уже после того, как военным или политическим руководством принималось принципиальное решение по тому или иному вопросу. Практически все ключевые решения, касавшиеся ограничения вооружений и создания новых систем, принимались независимо от этого механизма.

Формирование и эволюция советской позиции в отношении вопросов противоракетной обороны в переговорах начала 80-х годов очень хорошо иллюстрирует проблемы, которые были характерны для существовавшей системы принятия решений. Как можно было видеть, первоначально, увязка вопросов ударных космических вооружений и наступательных вооружений воспринималась советской стороной как тактический ход, призванный дать Советскому Союзу возможность дополнительного давления на США в ходе переговоров. Тем не менее, вопрос о космических вооружениях и, более того, относительно частный (хотя и важный) вопрос об интерпретации Договора по ПРО, очень быстро превратились в центральные вопросы переговоров. Конечно, нельзя не учитывать того, что вопрос о традиционном толковании Договора по ПРО, помимо чисто технического, имел и исключительно важное политическое значение. Тем не менее, к 1986 г., когда этот вопрос стал существенной частью советской позиции, в распоряжении советского руководства находились все необходимые свидетельства того, что осуществление

программы СОИ в том виде, в каком она была задумана, произведено не будет.

Представляется, что в ситуации с интерпретацией Договора по ПРО (и, более широко, с реакцией на программу СОИ) требовалось принятие четкого политического решения, которое должно было определить позицию в отношении космических программ США с учетом их действительной значимости. Но механизм выработки решений оказался не в состоянии привести к выработке такой позиции, отчасти из-за того, что он не был приспособлен для этой задачи, а отчасти потому, что участники процесса выработки решений не обязательно были заинтересованы в определении однозначной позиции в отношении программы СОИ.

В целом, можно утверждать, что Советскому Союзу удалось выполнить поставленную задачу – настоять на незыблемости Договора по ПРО и его традиционной интерпретации и воспрепятствовать осуществлению программы СОИ. Но нельзя не заметить, что гораздо большую роль в этом процессе сыграли объективные обстоятельства – техническая неосуществимость программы СОИ, а также снижение уровня противостояния между Советским Союзом и США, которое сделало создание системы типа СОИ неактуальным.

Нельзя не отметить, что в долгосрочной перспективе задача сохранения Договора по ПРО выполнена не была. Дискуссия, начатая в США в 80-х годах, была возобновлена вновь в 90-х годах, хотя и в другом виде – как политически так и технически, и ее результатом стал односторонний выход США из Договора по ПРО.

Глава 4. Вопросы противоракетной обороны после окончания холодной войны (1990-2003 гг.)

4.1. Формирование стратегических взаимоотношений России и США

Ключевым событием, определившим развитие ситуации в области стратегических ядерных вооружений и противоракетной обороны, стал распад Советского Союза и становление России как государства-преемника ядерного статуса Советского Союза и партнера США в стратегических взаимоотношениях, сформировавшихся между двумя государствами к тому моменту. Формирование стратегических взаимоотношений России и США было очень сложным и противоречивым процессом. С одной стороны, в отношениях двух стран не было той степени конфронтации, которая характеризовала отношения Советского Союза и США, что давало возможность для осуществления далеко идущих мер в области сокращения стратегических ядерных вооружений. С другой стороны, Россия и США по-прежнему обладали гигантскими арсеналами ядерного оружия, которые были созданы для ядерного сдерживания друг друга. Кроме этого, несмотря на отсутствие прямой конфронтации и стремление к установлению партнерских отношений, интересы двух стран не могли совпадать полностью, что оставляло возможность для взаимного недоверия. Существование ядерных арсеналов и различные представления об их будущем и их роли серьезным образом влияли на эту ситуацию, значительно усложняя установление открытых и доверительных отношений. Значительную роль в определении характера взаимоотношений России и Соединенных Штатов сыграли и вопросы противоракетной обороны.

К моменту подписания Договора СНВ-1 в июле 1991 г. и последовавшего вскоре после этого распада Советского Союза отношение к противоракетной обороне как в США так и внутри Советского Союза, уже претерпело серьезные изменения. Технические сложности, с которыми столкнулась программа СОИ, а также улучшение советско-американских отношений побудили адми-

нистрацию США переориентировать свою программу противоракетной обороны с задачи противостояния массированному ракетному удару на задачу перехвата атаки ограниченного числа баллистических ракет, которая, как предполагалось, может стать результатом случайного или несанкционированного пуска. Программа СОИ была переориентирована на новые задачи и предполагаемая система ПРО получила название Джи-ПАЛС (GPALS, Global Protection Against Limited Strikes).

Прогресс, достигнутый Советским Союзом и США в достижении конкретных шагов в области сокращения ядерных вооружений, а также общее улучшение отношений между двумя странами в конце 80-х годов, способствовали тому, что как в Советском Союзе так и в США стал подниматься вопрос о возможности сотрудничества в работе по созданию систем противоракетной обороны. Заинтересованность в сотрудничестве проявляли прежде всего советские ученые и представители промышленности, но существовал и более широкий интерес, обусловленный тем, что сотрудничество могло стать символом новых взаимоотношений между странами. Официальная советская позиция в отношении ПРО при этом оставалась неизменной – противоракетная оборона считалась фактором, способным подорвать стратегическую стабильность и поставить под вопрос процесс разоружения.

Первое официальное заявление, в котором эта позиция была пересмотрена, было сделано в выступлении президента СССР от 5 октября 1991 г., в котором давался ответ на объявленные ранее односторонние инициативы США в области ядерного разоружения. С советской стороны было заявлено, что «мы готовы обсуждать американские предложения по неядерной системе противоракетной обороны. Мы предлагаем американской стороне также обсудить возможность совместной системы предупреждения о ракетном ударе с элементами наземного и космического базирования».¹ Это предложение не получило продолжения в советско-американском диалоге, так как оно было

сделано незадолго до распада Советского Союза, но сформулированная в нем позиция в отношении противоракетной обороны была подтверждена новым руководством России уже в январе 1992 г. В выступлении на Генеральной ассамблее ООН президент России заявил, что Россия готова участвовать в разработке, создании и эксплуатации Глобальной системы защиты (ГСЗ), которая создавалась бы вместо Стратегической оборонной инициативы. Одновременно было объявлено и о том, что Россия считает Договор по ПРО важным фактором стабильности.

К лету 1992 г. российская сторона представила свои предложения по Глобальной системе защиты, которая мыслилась как объединение усилий США и России в создании совместной системы, предназначенной для отражения общих угроз и предполагавшей совместную работу научных и конструкторских организаций обеих стран. Предложения России нашли отражение в результатах первой российско-американской встречи в верхах, в ходе которой было подписано совместное заявление о Глобальной системе защиты. В заявлении, кроме всего прочего, говорилось о необходимости начать безотлагательную работу по выработке концепции ГСЗ. Частью этой работы должны были стать предложения о «возможных изменениях к существующим договорам и соглашениям, необходимых для реализации Глобальной системы защиты».[72] Можно предположить, что одним из договоров, которые предполагалось изменить, был Договор по ПРО. Впоследствии ссылка на это заявление была включена в текст Договора СНВ-2, подписанного в январе 1993 г.

После июньской встречи вопросы стратегических вооружений и Глобальной системы защиты стали предметом обсуждения в так называемой комиссии Росс-Мамедов, которая успела обсудить предложения по изменению Договора по ПРО, в которых шла речь о возможности изменения количества перехватчиков, разрешенных к развертыванию.[147] После прихода к власти

---

¹ “Gorbachev's Remarks on Arms Cuts,” *The New York Times*, October 6, 1991, p. 12.

новой администрации комиссия прекратила свою работу и нового органа по ее образцу создано не было. Консультации по поводу Глобальной системы защиты были прекращены.

Другой частью усилий России и США по формированию новых стратегических взаимоотношений стал диалог по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений. Консультации по заключению Договора СНВ-2, который предполагал более глубокие по сравнению с СНВ-1 сокращения наступательных вооружений. Основные положения нового договора были сформулированы во время встречи на высшем уровне в июне 1992 г., а его подписание состоялось 3 января 1993 г. Договор предполагал сокращение суммарного количества стратегических боезарядов до уровня в 3000-3500 единиц, а также ликвидацию всех баллистических ракет наземного базирования, оснащенных РГЧ ИН. Предполагалось, что условия нового договора будут выполнены к 1 января 2003 г.[44, с. 22]

Особенности положений Договора СНВ-2, задержка с вступлением в силу Договора СНВ-1, а также сложности, которые на протяжении нескольких последующих лет испытывала Россия в обеспечении финансирования своих стратегических сил, привели к тому, что способность своевременного выполнения Россией условий договора оказалась под сомнением. Основная проблема, которую представляли собой условия Договора СНВ-2, заключалась в том, что для выполнения его условий России было необходимо ликвидировать все ракеты с РГЧ ИН.[44, с. 25] В результате, чтобы привести свои стратегические силы в соответствие с условиями Договора СНВ-2, Россия должна была на протяжении срока действия договора ввести в состав РВСН свыше 600 новых баллистических ракет. Такие темпы производства новых комплексов требовали существенных затрат и были явно нереалистичны.[1]

Дополнительную сложность представляло собой и то, что условия Договора СНВ-2 были сформулированы таким образом, что давали США потенциальную возможность быстрого наращивания своих стратегических сил до

уровня примерно в 5000 боезарядов. У России такая возможность практически полностью отсутствовала.

Очень важным фактором, повлиявшим на оценку ситуации в России, было и то обстоятельство, что количественный дисбаланс сопровождался серьезным ростом противосиловых возможностей стратегических сил США. Как результат, США потенциально могли приобрести возможность нанесения первого обезоруживающего удара.[16, с. 104] В этой ситуации Россия была особенно заинтересована в наличии надежных ограничений на развитие систем противоракетной обороны, что, соответственно, вело к тому, что российская позиция на протяжении дискуссии о Договоре СНВ-2 исходила из необходимости установления таких ограничений.

Наиболее заметным шагом в попытке исправить положение, сложившееся вокруг неравенства возможностей, предоставляемых Договором СНВ-2 России и США, стали договоренности марта 1997 г., достигнутые во время встречи на высшем уровне в Хельсинки. В части стратегических вооружений, основными положениями хельсинкской договоренности были обязательство сразу же после вступления в силу Договора СНВ-2 начать переговоры о новом договоре. Новый договор должен был предусматривать снижение потолка стратегических вооружений до уровня в 2000–2500 боезарядов. При этом новый договор фактически должен был заменить собой СНВ-2, так как предусмотренные им сокращения предполагалось завершить в тот же срок, что и сокращения по «продленному СНВ-2», т.е. к концу 2007 г. Эти изменения давали России возможность несколько смягчить требования к темпам модернизации ее стратегических сил.[8; 1]

Последующие планы по модернизации стратегических сил России в основном соответствовали достигнутому в Хельсинки договоренностям. В июле 1998 г. вопрос о программе модернизации рассматривался Советом безопасности России. Принятые решения предусматривали опору на развитие Ракетных войск стратегического назначения. Предполагалось, что темпы произ-

водства новых ракет Тополь-М будут доведены до 50 единиц в год, так что к 2010 г. Россия могла бы иметь на вооружении до 500 новых ракет в дополнение к существующим. Принятые решения в целом обеспечивали поддержание количественного состава стратегических сил на уровне в 1500-2000 боезарядов.[157, с. 577]

Несмотря на то, что такое количество боезарядов было значительно меньше допускавшегося Договором СНВ-2, в целом принятые решения давали возможность добиваться сохранения примерного паритета с США. Для этого было необходимо добиваться заключения Договора СНВ-3, который снизил бы предусматривал сокращения стратегических сил США до такого же уровня. Кроме этого, предлагалось добиться разрешения на оснащение ракет комплекса Тополь-М (СС-27) РГЧ ИН. При этом сохранение РВСН как основного компонента российских стратегических сил позволило бы служить бы гарантией сохранения Россией своего потенциала сдерживания.[1]

Эти идеи не были реализованы в полной мере. Идея создания объединенного командования стратегическими силами встретила очень сильное сопротивление со стороны Генерального штаба, которому удалось добиться отказа от планов создания командования. Более того, в 2000 г. Генеральным штабом были выдвинуты предложения о радикальном сокращении состава Ракетных войск стратегического назначения и направления ресурсов на финансирование других составляющих стратегических сил и сил общего назначения.[3] Несмотря на то, что эти предложения не были приняты политическим руководством в полной мере, в марте-апреле 2001 г. были приняты решения, которые привели к тому, что было заметно снижено финансирование производства новых ракетных комплексов РВСН, а статус Ракетных войск стратегического назначения был понижен до уровня рода Вооруженных сил.[157, с. 570]

Результатом принятых решений стало существенное ухудшение позиции России на переговорах с США в отношении дальнейших сокращений страте-

гических сил. Фактически, Россия в одностороннем порядке приняла меры по уменьшению количественного состава своего стратегического арсенала до уровня не более, чем в 1500 боезарядов и тем самым лишила США заинтересованности в переговорах о двусторонних сокращениях стратегических сил.[2] Кроме этого, как будет показано ниже, принятые решения непосредственным образом сказались на способности России добиваться сохранения Договора по ПРО.

Итогом шагов, сделанных Россией в области стратегических наступательных вооружений в 2000-2001 гг., а также политики администрации США, пришедшей к власти в 2001 г., стало прекращение диалога по достижению Договора СНВ-3. Новая администрация США объявила о намерении производить сокращения стратегических вооружений в одностороннем порядке.

В 2001-начале 2002 г. Россия предприняла попытку возобновления договорных отношений с США в области стратегических наступательных вооружений, выступив с инициативой о заключении нового договора взамен СНВ-2 и СНВ-3. Результатом переговоров стало подписание в мае 2002 г. Договора об ограничении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Подписав договор, Россия и США обязались довести количество стратегических ядерных боезарядов до 1700-2200 единиц к 31 декабря 2012 г. В то же время, подписанный договор не содержит определения точного определения предмета договора, а также процедур проверки осуществляемых сокращений.[25] Как результат, Договор СНП не смог решить проблемы дисбаланса в возможностях стратегических сил России и США.

Основным положительным итогом заключение Договора СНП стала возможность сохранить на вооружении ракетные комплексы с РГЧ ИН, которые находятся сегодня в составе стратегических сил России. Как результат, Россия сможет обеспечить поддержание количественного состава стратегических сил на уровне, предусмотренном Договором СНП, за счет тяжелых ракет Р-36М2 (СС-18) и ракет УР-100НУТТХ (СС-19), оснащенных РГЧ ИН.

При этом темпы развертывания новых ракетных комплексов Тополь-М, а также темпы разработки ракеты для нового подводного ракетносца оказались заметно снижены.

Подводя итог, можно отметить, что дисбаланс в возможностях стратегических наступательных сил России и США, который сложился к настоящему времени и который будет существовать на протяжении ближайших лет, многократно увеличил важность вопроса о сохранении режима ограничения систем противоракетной обороны. Но, как будет рассмотрено ниже, решить задачу сохранения Договора по ПРО России не удалось и договор прекратил свое действие после того, как США вышли из него в одностороннем порядке.

4.2. Вопросы противоракетной обороны в российско-американских отношениях

4.2.1. Переговоры о разграничении систем стратегической и нестратегической обороны

Вопросы противоракетной обороны в советско-американских отношениях традиционно рассматривались в контексте вопроса о стратегической стабильности во взаимоотношениях ядерных держав. Именно этой причине одним из вопросов, который обсуждался в рамках консультаций в комиссии по стратегической стабильности (комиссия Росс-Мамедов) были именно вопрос о сотрудничестве по созданию Глобальной системы защиты. Но, как уже отмечалось, после смены администрации США в 1993 г., консультации в этой комиссии были остановлены. Новая администрация не продемонстрировала заинтересованности в сотрудничестве с Россией и в целом придерживалась традиционного взгляда на стабильность стратегических взаимоотношений, основанного на балансе стратегических сил и ограничении противоракетных систем, а не на сотрудничестве в области ПРО. Среди первых шагов новой администрации США были заявления о приверженности процессу сокращения наступательных вооружений и поддержке договоров СНВ-1 и СНВ-2. Кроме этого, США заявили о своей безусловной поддержке Договора по ПРО

и, впервые после 1986 г. – о приверженности традиционной, «узкой» интерпретации этого договора. Программа работ в области ПРО в США была переориентирована на создание систем, предназначенных для перехвата ракет средней и малой дальности.[137, с. 23] Консультации по всем вопросам, связанным с противоракетной обороной, были перенесены в Постоянную консультативную комиссию.

Первым вопросом, который пришлось решать Постоянной консультативной комиссии после распада Советского Союза, был вопрос о преемственности обязательств по Договору по ПРО. В 1992 г. было принято согласованное решение о направлении всем бывшим советским республикам предложений определить свою позицию в отношении Договора по ПРО. Результатом стало участие в Постоянной консультативной комиссии наряду с Россией и США представителей Беларуси, Казахстана и Украины.[33] С их участием была начата работа над документом, который регулировал бы вопросы преемственности. По свидетельству участников переговоров в ПКК, каждая из сторон надеялась использовать новых членов комиссии для получения дополнительных возможностей для маневра.[33; 162]

Основным вопросом, который пришлось решать Постоянной консультативной комиссии на протяжении следующих нескольких лет, стал вопрос о разграничении систем стратегической и нестратегической противоракетной обороны. Появление этой проблемы было связано с тем, что одна из осуществлявшихся в США программ – разработка перехватчика ТНААД – в ходе рассмотрения комиссией Департамента обороны была признана не в полной мере соответствующей Договору по ПРО.

Для того, чтобы разрешить испытания системы ТНААД и аналогичных ей систем, США осенью 1993 г. внесли в ПКК предложение о разграничении систем стратегической и нестратегической ПРО. Суть предложения США сводилась к тому, что любая система, которая не была испытана против стратегической баллистической ракеты (определяемой как ракета, максимальная

скорость которой не превышает 5 км/с), могла бы считаться нестратегической и, следовательно, не нарушающей положения Договора по ПРО.[107] Российская сторона предложила в дополнение к этому ограничить максимальную скорость перехватчика, который может использоваться в системе, а также наложить ограничения еще на ряд параметров, такие как потенциал используемой РЛС, количество перехватчиков и их размещение.

Сложность технических вопросов, связанных с разграничением систем ПРО, привела к тому, что переговоры очень быстро зашли в тупик. К концу 1996 г. было совершенно ясно, что удовлетворительного технического решения вопроса не существует. Такого набора технических ограничений, который, с одной стороны, разрешал бы создание систем ПРО, способных противостоять нестратегическим ракетам, а с другой – не позволял бы в дальнейшем использовать нестратегические системы или созданную для их обеспечения их деятельности информационную инфраструктуру для создания стратегической ПРО, попросту не существовало.

Попытки найти взаимоприемлемое решение проблемы неоднократно предпринимались на самых различных уровнях, включая встречи на высшем уровне в сентябре 1994 г. и в мае 1995 г. Достижение договоренности затруднялось тем, что вопрос о разграничении в России тесно увязывался с будущим Договора по ПРО и с ратификацией подписанного в 1993 г. Договора СНВ-2, так как нерешенность вопроса о разграничении вызывала сомнения в отношении будущего режима ограничения систем противоракетной обороны, следовательно, в отношении возможности сокращения вооружений. Договоренность о решении вопросов как Договора по ПРО так и Договора СНВ-2 была достигнута в марте 1997 г., когда в ходе встречи в верхах в Хельсинки был подписан пакет соглашений, который предусматривал, среди прочего, принципиальное решение вопроса разграничении систем ПРО.[73] К моменту встречи в Хельсинки и в России и в США техническое содержание дискуссии о разграничении систем ПРО отступило на второй план и первосте-

пенное значение приобрели политические аспекты договоренности. Американская администрация была заинтересована в достижении соглашения прежде всего потому, что оно должно было предоставить возможность осуществления противоракетных программ и в то же время позволило бы избежать дискуссии о судьбе Договора по ПРО и возможности пересмотра его положений.[162]

Российская сторона, во всяком случае на первых порах, относилась к соглашению о разграничении как к техническому соглашению, аналогичному предыдущим документам ПКК. Основную задачу соглашения в России видели в установлении таких ограничений, которые бы не позволили использовать нестратегические системы для обхода ограничений Договора по ПРО. Такое отношение к переговорам означало, что в российской позиции упор был сделан на ограничение технических параметров нестратегических систем.

Среди факторов, которые оказали существенное влияние на российскую позицию, стала не прекращавшаяся в США дискуссия о целесообразности создания систем стратегической противоракетной обороны и о возможном в связи с этим отказе от Договора по ПРО. Нельзя было не учитывать того, что сторонники создания противоракетной обороны в США предлагали не останавливаться на создании нестратегических систем обороны и приступить к разработке систем, способных осуществлять перехват стратегических баллистических ракет. Во многом под влиянием этой дискуссии в российской позиции на переговорах о разграничении систем ПРО всячески подчеркивалось, что заключение соглашения не только решит практическую проблему разграничения, но и подтвердит приверженность России и США соблюдению принципов Договора по ПРО.

Основу договоренности о разграничении стратегических и нестратегических систем противоракетной обороны составили два согласованных заявления, в которых содержались критерии разграничения. Первое согласованное

заявление устанавливало, что любая система, которая использует в своем составе перехватчик со скоростью не выше 3 км/с, является нестратегической если только она не была испытана против стратегической баллистической ракеты. Во втором согласованном заявлении утверждалось, что стороны не будут создавать системы ПРО, способные угрожать стратегическим силам друг друга. Что касается конкретных параметров, то единственным существенным требованием стал запрет на развертывание перехватчиков космического базирования.[74] Согласованные заявления были дополнены соглашением об установлении мер доверия, которое предусматривало довольно серьезную степень открытости нестратегических противоракетных программ, но не ставило препятствий на пути их создания.[76]

Соглашения о разграничении были очень важным документом, который отчасти позволил России добиться от США признания необходимости сохранения Договора по ПРО и в дальнейшем был использован Россией в ее усилиях по сохранению договора. С другой стороны, серьезным недостатком документов о разграничении, подписанных в Нью-Йорке в сентябре 1997 г., стало отсутствие ограничений на инфраструктуру, призванную обеспечить работу противоракетных систем.

4.2.2. Противоракетная оборона и Договор СНВ-2

Заключение соглашения о разграничении стало существенной частью процесса обеспечения вступления в силу Договора СНВ-2. Уже при внесении первоначального варианта Договора СНВ-2 на рассмотрение Государственной Думы в 1995 г., президент России в сопроводительном письме отмечал, что СНВ-2 может действовать только в условиях соблюдения Договора по ПРО. Эта связь была усилена в ходе подготовки закона о ратификации Договора СНВ-2, который учитывал существование подписанного в сентябре 1997 г. в Нью-Йорке протокола о продлении сроков его выполнения.

Несмотря на то, что даже критики Договора СНВ-2 признавали, что с учетом нью-йоркского протокола и договоренностей о разграничении Договор СНВ-2 может быть ратифицирован, подготовка к внесению этого договора в Думу заняла больше года. Проект закона о ратификации был подготовлен только в декабре 1998 г.[77] Соглашениям о разграничении систем противоракетной обороны в процессе вступления Договора СНВ-2 в силу отводилась исключительно важная роль. В соответствии с проектом закона, вступление в силу Договора СНВ-2 было невозможно без одобрения сенатом США протоколов к Договору по ПРО, подписанных в Нью-Йорке (статья 9 закона). Кроме этого, в статье 2 закона прямо указывалось на то, что в нарушение США положений Договора по ПРО или выход из него будет рассматриваться Россией как обстоятельства, дающие ей право на выход из СНВ-2.[79]

Таким образом, к концу 1998 г. позиция России в отношении Договора по ПРО и связанных с ним соглашений была окончательно оформлена в виде юридического документа. И несмотря на то, что закон о ратификации СНВ-2 был окончательно одобрен только в 2000 г., положения проекта этого закона, подготовленного в 1998 г., практически целиком вошли в окончательный текст закона. Позиция России в отношении взаимосвязи Договора СНВ-2, соглашений о разграничении и Договора по ПРО в дальнейшем принципиальных изменений не претерпела.

Этого нельзя сказать о позиции США. Несмотря на то, что российская сторона неоднократно давала понять, что не пойдет на модификацию Договора по ПРО, США в январе 1999 г. официально предложили России рассмотреть вопрос об изменении его положений. Предлагаемые изменения должны были сделать возможным развертывание первой очереди Национальной системы противоракетной обороны и в дальнейшем сделать возможным наращивание возможностей этой системы. Реакция России на намерение США изменить положения Договора по ПРО была крайне отрицательной. В

то же время, реальные возможности России по воздействию на позицию США были весьма ограничены.

США предпринимали попытки добиться уступок с российской стороны за счет использования заинтересованности России в начале конкретных переговоров по Договору СНВ-3. Соединенные Штаты предложили на консультациях по СНВ-3 рассмотреть и возможность внесения поправок в Договор по ПРО. В 1999 г. действительно состоялось несколько раундов консультаций, в ходе которых рассматривались вопросы СНВ-3 и ПРО. Очевидно, что в ходе этих консультаций рассматривалась возможность «сделки», в которой Россия, дав согласие на изменение Договора по ПРО, получала бы более выгодные для себя условия СНВ-3. Однако все попытки достичь компромисса закончились безрезультатно. Такой исход, на самом деле, был совсем неудивителен. Знакомство с предложениями по СНВ-3 и ПРО, которые США и Россия обсуждали в 1999 г., показывает, что ни одно из них не могло стать основой для разумного компромисса. Во многом ответственность за это должна быть возложена на США, которые, будучи не в состоянии сформулировать точные требования к создаваемой ими системе ПРО, рассчитывали на получение от России максимальных уступок.

Попытки достижения компромисса в вопросах ПРО и СНВ были прерваны проходившими в России в декабре 1999 г. парламентскими выборами. Политические перемены, связанные с изменением состава парламента, а затем и с отставкой Б. Н. Ельцина с поста президента, резко изменили характер и формат переговоров о ПРО и СНВ. Новое российское руководство приняло решение о скорейшей ратификации Договора СНВ-2 и отказе от попыток связать ратификацию с вопросом о внесении изменений в Договор по ПРО. Новый состав Государственной Думы проголосовал за закон о ратификации СНВ-2 на своем заседании 14 апреля 2000 г. Как и ожидалось, среди аргументов в пользу ратификации упоминалось то, что Россия оставляет за собой право выйти из СНВ-2, а также из других соглашений о разоружении, таких

как СНВ-1 и РСМД, в случае если США нарушат положения Договора по ПРО.¹

Несмотря недвусмысленное заявление России о ее приверженности Договору по ПРО, США не оставляли попыток добиться согласия на изменение положений этого договора. Одной из причин подобной настойчивости было давление, которое администрация США испытывала внутри страны со стороны сторонников скорейшего принятия решения о начале развертывания системы ПРО. Необходимость противостоять этому давлению побудила администрацию США перед встречей на высшем уровне в июне 2000 г. начать обсуждение «большой сделки», которая бы предусматривала заключение соглашения СНВ-3 с потолком сокращений около 1500 боезарядов в обмен на внесение изменений в Договор по ПРО необходимых США поправок. Несмотря на видимую заинтересованность сторон, эта идея не смогла быть реализована.² Во-первых, как уже отмечалось, в России полностью отказались от идеи модификации Договора по ПРО, а во-вторых, президент США не мог пойти на договоренность о глубоких сокращениях американского стратегического арсенала.

Попытка заключения компромиссного соглашения, которое учитывало бы позиции России и США в отношении стратегических наступательных вооружений и противоракетной обороны, предпринятая в июне 2000 г., стала последней реальной попыткой найти юридическое решение проблемы. Дальнейшие события в основном определялись усилиями администрации США по прекращению действия Договора по ПРО.

---

¹ «Наши ядерные силы уничтожат любого противника многократно и гарантированно. Полный текст открытой части выступления Владимира Путина 14 апреля в Госдуме», *Коммерсантъ-Daily*, 15 апреля 2000 г.

² Steven Mufson, "Summit Of Lesser Accords Looming; No Grand Bargain Seen on Atomic Arms For U.S., Russia," *The Washington Post*, June 2, 2000, p. 1.

4.2.3. Эволюция противоракетной программы США

Для того, чтобы понять мотивы, которыми руководствовались США в стремлении изменить Договор по ПРО, а впоследствии и выйти из него, необходимо проанализировать ход программы противоракетной обороны, которая осуществлялась в США на протяжении 90-х годов, и рассмотреть политический контекст, в котором осуществлялась эта программа.

Прежде всего, следует отметить, что в начале 90-х годов программа противоракетной обороны, которая была начата в рамках Стратегической оборонной инициативы, была переориентирована на решение задачи перехвата нестратегических ракет. Изменение характера программы стало результатом нескольких факторов – технических сложностей, с которыми столкнулась программа СОИ, улучшения советско-американских, а впоследствии и российско-американских отношений, а также осознания растущей ракетной угрозы со стороны третьих стран. Последняя была продемонстрирована во время войны в Персидском заливе в 1991 г., в ходе которой Ирак осуществил серию атак по вооруженным силам противостоящей ему коалиции и городам Израиля и Саудовской Аравии с применением баллистических ракет. Для противодействия ракетным атакам США развернули противоракетную систему «Пэтриот», участие которой в военных действиях позволило удержать Израиль от вступления в войну и, как следствие, оказало решающее влияние на ход конфликта. Даже несмотря на то, что реального перехвата баллистических ракет произвести не удалось, события войны 1991 г. продемонстрировали потенциальные возможности систем ПРО по противостоянию угрозе применения баллистических ракет.

Ориентация программы ПРО на нестратегические ракеты была обусловлена как тем обстоятельством, что перехват таких ракет представляет собой менее сложную задачу, чем перехват баллистических ракет межконтинентальной дальности, так и отсутствием у стран, которые представляли собой потенциальную угрозу для США, стратегических ракет.

Как было отмечено выше, эта ситуация привела к началу переговоров о разграничении систем стратегической и нестратегической систем противоракетной обороны, которые продолжались с 1994 по 1997 г. На протяжении этого времени представления о задачах противоракетной программы США претерпели существенные изменения. В США сформировалась очень сильная поддержка идее создания системы противоракетной обороны, которая была бы рассчитана на защиту территории США от межконтинентальных баллистических ракет. Кроме этого, возникло все большее понимание того, что системы нестратегической противоракетной обороны при определенных условиях могут быть использованы для создания стратегической обороны или базы для ее развертывания.[45]

Будучи не в состоянии ответить на критику со стороны сторонников системы национальной ПРО (НПРО) по поводу недостаточно высоких темпов разработки стратегической противоракетной системы, с одной стороны, и поставленная перед необходимостью учитывать жесткую оппозицию планам создания ПРО в России, администрация США была вынуждена искать компромиссные решения. Таким компромиссом стало принятое в марте 1996 г. решение о так называемой программе «3+3». Эта программа предусматривала проведение работ по созданию технологической базы стратегических противоракетных систем без нарушения положений Договора по ПРО. Спустя три года после принятия программы (согласно первоначальному плану – в 2000 г.) должно было быть принято решение о целесообразности развертывания системы и готовности технической базы. В случае положительного ответа на оба вопроса, предполагалось в течение последующих трех лет (т.е. к 2003 г.) развернуть стратегическую систему ПРО.¹

План «3+3» стал весьма наглядной демонстрацией того, что США уже больше не рассматривали нестратегические противоракетные системы в ка-

---

¹ Bradley Graham, "Pentagon Plan to Delay Antimissile Programs Draws Heated Opposition on Hill", *The Washington Post*, March 7, 1996, p. A12.

честве центрального компонента своей программы. Таким образом, уже в 1996 г. вопрос о разграничении стратегических и нестратегических систем ПРО не имел, с точки зрения США, большого практического значения. Заключение хельсинкских соглашений, а затем и подписание протоколов к Договору по ПРО, которые формально закрепили достигнутые договоренности, не изменило ситуации сколько-нибудь существенным образом.

Следующим существенным шагом в развитии ситуации в США стала переоценка характера ракетной угрозы. Отсутствие у стран третьего мира баллистических ракет, способных достигать территории США, было одним из наиболее сильных аргументов противников развертывания Национальной ПРО. Согласно оценкам разведывательных ведомств США, сделанным в 1995–1997 гг., появлению межконтинентальных ракет будет предшествовать период времени, достаточный для того, чтобы США могли развернуть способную им противостоять систему ПРО.[137] Выдвигая план «3+3», администрация США настаивала на том, что предусмотренной этим планом поддержание системы ПРО в постоянной трехлетней готовности к развертыванию даст достаточные гарантии того, что угроза ракетного нападения может быть отражена.

В 1998 г. сторонники создания стратегической обороны настояли на проведении независимой оценки данных разведки. Для проведения такой оценки была создана специальная комиссия конгресса, которая стала известной как комиссия Рамсфелда. Перед комиссией была поставлена задача оценить насколько надежно могут быть обнаружены программы создания межконтинентальных баллистических ракет в третьих странах.[98] Заключение комиссии сводилось к тому, что такие программы могут держаться в секрете до довольно поздней стадии, так время с момента обнаружения программы до момента когда страна может реально осуществить пуск баллистической ракеты, гораздо меньше, чем считалось ранее, и может составлять не более пяти лет. Заключение комиссии получило неожиданное подтверждение в августе 1998

г., когда Северная Корея осуществила испытание ракеты, которая потенциально имела межконтинентальную дальность. Такая последовательность событий предоставила сторонникам национальной ПРО очень серьезные аргументы в пользу ее ускоренного развертывания. В этой ситуации давление на администрацию США с целью заставить ее объявить о создании противоракетной обороны усилилось настолько, что решение о необходимости внесения изменений в Договор по ПРО было практически неизбежным.

В январе 1999 г. администрация Соединенных Штатов уведомила Россию, что она больше не является противником изменения Договора по ПРО и предлагает внести в него поправки, которые позволили бы США осуществить развертывание системы национальной ПРО. Предполагалось, что НПРО будет обладать возможностью защиты США от ограниченного ракетного удара со стороны третьих стран, таких как Северная Корея или Ирак.

В основе американского предложения по внесению изменений в Договор по ПРО лежали предложения, единственной целью которых было снятие формальных препятствий на пути развертывания первой очереди НПРО, запланированной на тот момент. При этом в проекте протокола, предложенного США, предусматривалось, что в марте 2001 г. стороны вернуться к рассмотрению поправок в Договор. В целом, даже сторонники модификации Договора по ПРО признавали, что предложения США не могли служить основой для договоренности об изменении Договора по ПРО даже если бы Россия проявила бы заинтересованность в таком изменении.[88]

Одним из ключевых моментов в ходе американской программы Национальной ПРО стала необходимость принятия решения о начале развертывания программы. Необходимость такого решения предусматривалось планом «3+3» (который к тому времени превратился в «3+5»). Согласно плану, разработанному к тому времени, система должна была быть создана на Аляске, так что решение о начале работ неизбежно должно было вступить в противоречие с положениями Договора по ПРО – если не немедленно, то через до-

вольно короткий промежуток времени. Возможное нарушение Договора по ПРО обусловило очень сильное давление на администрацию США со стороны России, союзников, а также противников развертывания противоракетной обороны внутри страны, с целью не допустить положительного решения вопроса о развертывании. В итоге, эти усилия были успешными и в сентябре 2000 г. президент США объявил о том, что решение о развертывании должно быть отложено. Решение о развертывании системы ПРО и возможном выходе из Договора по ПРО было оставлено на усмотрение следующей администрации США.

4.2.4. Выход США из Договора по ПРО

К моменту рассмотрения вопроса о возможности начала работ по созданию системы НПРО в 2000 г., в США в основном сложился консенсус в отношении необходимости создания противоракетной обороны. Разногласия, существовавшие в США, касались в основном темпов развертывания и необходимости достижения соглашения с Россией в отношении будущего Договора по ПРО. Позиция будущей республиканской администрации, сформулированная в ходе предвыборной кампании, заключалась в необходимости скорейшего развертывания системы противоракетной обороны и, в случае отсутствия согласия со стороны России, предусматривала возможность одностороннего выхода США из Договора по ПРО.

В первых своих публичных выступлениях после вступления в должность, президент США подтвердил свой подход к вопросам сокращения стратегических вооружений и созданию противоракетной обороны, сформулированный им в ходе предвыборной кампании. В соответствии с ним, США были намерены проводить сокращения своих наступательных вооружений в одностороннем порядке, независимо от договоренности с Россией. В области противоракетной обороны президент США подтвердил намерение создавать Национальную систему ПРО. В отношении Договора по ПРО, высказывания

представителей администрации сводились к тому, что он более не соответствует реалиям сегодняшнего дня, но прямого призыва к выходу из него не прозвучало.¹

Такой подход к процессу сокращения вооружений и к вопросам противоракетной обороны вступал в очевидное противоречие с российской позицией, которая заключалась в необходимости продолжения договорного процесса о сокращении вооружений и безусловном сохранении Договора по ПРО. Частью российской стратегии по обеспечению поддержки своей позиции в вопросах ПРО, стало заявление о готовности России сократить свои стратегические силы до уровня в 1500 боезарядов, а, возможно, и до более низкого уровня. Это заявление, сделанное 13 ноября 2000 г., связывало продолжение переговоров о сокращении наступательных вооружений с сохранением и укреплением Договора по ПРО. В заявлении был сделан призыв к сотрудничеству в области создания таких систем противоракетной обороны, которые укладывались бы в рамки Договора по ПРО (с учетом соглашений о разграничении 1997 г.). В качестве основы для такого сотрудничества называлась предложенная Россией Глобальная система контроля, которая должна была создаваться на основе российско-американского Центра обмена данными о пусках ракет, создание которого было предусмотрено заключенным в июне 2000 г. соглашением.[80]

Были предприняты и более серьезные шаги. В феврале 2001 г. высокопоставленный представитель Генерального штаба заявил, что в случае выхода США из Договора по ПРО Россия возобновит производство и осуществит развертывание баллистических ракет средней дальности, уничтоженных в соответствии с Договором РСМД. В то же время, необходимо учитывать, что именно в этот период, когда Россия нуждалась в поддержке своей позиции в диалоге с США, в России были приняты решения о существенном сокраще-

---

¹ Steven Lee Myers, "Bush Repeats Call for Arms Reduction and Missile Shield," *The New York Times*, January 27, 2001, p. 11.

нии ракетных войск стратегического назначения. Эти решения заметно ослабили российскую позицию и не могли не сказаться на отношении США к вопросам двустороннего сокращения стратегических наступательных средств и сохранения Договора по ПРО.

Программным заявлением президента США по вопросам ПРО стало его выступление, состоявшееся 1 мая 2001 г. Как и ожидалось, он подтвердил намерение США создавать систему противоракетной обороны территории страны. Кроме этого, президент дал понять, что США намерены избежать конфронтации в этом вопросе как со своими союзниками так и с Россией, Китаем, Индией и другими странами и готовы разъяснять свою позицию.[97] В России желание США начать консультации было воспринято положительно. Было заявлено о том, что Россия готова «вести диалог по всему спектру вопросов стратегической стабильности».¹

Практическим следствием отказа США от конфронтационного одностороннего подхода к вопросам ПРО и СНВ стало соглашение о проведении российско-американской встречи в верхах, которая состоялась в Любляне в июне 2001 г. Встреча, помимо всего прочего, продемонстрировала, что Россия, так же как и США, стремится избежать конфронтации по поводу ПРО. В частности, президент России заявил, что в принципе Договор по ПРО не исключает внесения в него изменений и они могут стать реальностью в случае если будет понятно ради чего они вносятся.[83] Тем не менее, вскоре после возвращения в Москву российский президент выступил с прямо противоположным заявлением, объявив, что в случае выхода США из Договора по ПРО Россия оснастит свои баллистические ракеты разделяющимися боеголовками.[81]

Тема ПРО получила свое развитие и на встрече президентов России и США в Генуе, во время очередной встречи руководителей стран «восьмерки»

---

¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России И.С.Иванова на пресс-конференции в МИД России 2 мая 2001 г.

в конце июля 2001 г. В совместном заявлении по итогам этой встречи было заявлено, что Россия и США начнут «интенсивные консультации по взаимосвязанным вопросам стратегических наступательных и оборонительных вооружений».[84] Существенным обстоятельством, отличавшим договоренность, достигнутую в Женеве, от предыдущих договоренностей такого типа, стало то обстоятельство, что говоря о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений, Россия и США не имели в виду компромисс по вопросам СНВ и ПРО по образцу того, который в свое время обсуждали предыдущие администрации России и США. Вместо этого, речь шла об установлении «новых стратегических отношений», которые должны были прийти на смену отношениям времен холодной войны. Соединенные Штаты довольно недвусмысленно давали понять, что не заинтересованы не только в сохранении Договора по ПРО, но и в заключении соглашений о сокращении стратегических наступательных вооружений. Российская же сторона фактически признавала, что договоренности о СНВ и ПРО, если они будут достигнуты, могут принять какую-то новую форму.

Консультации о выработке договоренности были начаты практически сразу после встречи в Женеве, но, как и следовало ожидать, США фактически предложили России согласиться с прекращением действия Договора по ПРО, а в области стратегических наступательных вооружений осуществлять параллельные сокращения в одностороннем порядке. При этом неоднократно подчеркивалось, что в случае если Россия не даст своего согласия на прекращение действия Договора по ПРО, США выйдут из него в одностороннем порядке. Назывался даже срок выхода из Договора – ноябрь 2001 г.

Представляется, что именно женевские договоренности стали тем решающим обстоятельством, которое устранило последние препятствия на пути выхода США из Договора по ПРО. Прежде всего, Россия отчетливо продемонстрировала, что конфронтационного ответа на прекращение действия договора не будет. Это обстоятельство практически полностью нейтрализо-

вало европейскую оппозицию планам США, так как основные возражения, которые имелись у европейских стран, были связаны не столько с действиями США, сколько с возможной реакцией на эти действия со стороны России. Аналогично, готовность России обсуждать вопросы ПРО лишило противников противоракетных программ в США одного из наиболее понятных и эффективных аргументов против выхода из договора. И, наконец, очевидный отказ России от конфронтации с США в вопросе о ПРО побудил Китай к смягчению собственной позиции.

События 11 сентября 2001 г. не оказали серьезного влияния на позиции России и США в отношении их диалога по вопросам ПРО и СНВ. Более того, идея о необходимости создания новых стратегических отношений получила еще большую поддержку. Ожидалось, что на своей встрече в США в ноябре 2001 г. президенты смогут достичь конкретной договоренности, которая бы позволила снять разногласия вокруг Договора по ПРО и способствовать продолжению диалога о сокращении стратегических вооружений. Однако компромиссные предложения не были до конца продуманными и договориться о чем либо в части Договора по ПРО во время встречи в верхах в ноябре 2001 г. не удалось. Для российской стороны основным итогом встречи стало согласие США на подписание соглашения, которое бы устанавливало уровни сокращения стратегических наступательных вооружений. Такое соглашение должно было быть подготовлено к очередной встрече в верхах, которая была намечена на весну 2002 г.

Таким образом, результаты ноябрьской встречи в верхах окончательно закрепили неконфронтационную тенденцию, которая обозначилась в ходе предыдущих встреч. В результате, США получили возможность наконец сделать тот шаг, который вызывал так много опасений. 13 декабря 2001 г. президент США заявил о том, что США официально уведомили Россию о своем намерении выйти из Договора по ПРО.[96] Таким образом, формально

США свободны от обязательств, накладываемых на них договором, начиная с 13 июня 2002 г.

Реакция России на заявление США была очень мягкой. Президент России в своем заявлении назвал выход из Договора по ПРО ошибкой, но воздержался от заявления о каких бы то ни было ответных мерах. Было подчеркнуто лишь, что необходимо продолжать диалог с тем, чтобы не допустить «правового вакуума», который образуется после окончания действия договора.[86] Задача недопущения «правового вакуума» была возложена на соглашение о новых рамках стратегических взаимоотношений, которое предлагалось подготовить к следующей российско-американской встрече в верхах. Как было показано, соглашение, которое стало результатом усилий России по продолжению диалога – Договор СНП – не смогло в полной мере решить вопрос об обеспечении стабильности российско-американских стратегических взаимоотношений. В начале переговоров российская сторона выражала надежду на то, что новое соглашение будет регулировать и вопросы противоракетной обороны, но добиться этого в ходе переговоров не удалось. Таким образом, в настоящее время в отношениях России и США нет соглашения, которое регулировало бы вопросы противоракетной обороны.

4.3. Перспективы сотрудничества в области ПРО

Прекращение действия Договора по ПРО не означает того, что вопросы противоракетной обороны перестали быть частью стратегических взаимоотношений России и США. Более того, с точки зрения России вопрос о перспективах развития противоракетной обороны приобретает все большую важность, так как от того, как будут развиваться события в этой области будет зависеть способность России поддерживать стратегический баланс в отношениях с США.

Среди различных вариантов развития событий в области создания систем ПРО, одним из наиболее привлекательных с точки зрения России является

налаживание сотрудничества с США и их союзниками в области создания противоракетной обороны.[1] Такое сотрудничество позволит России не только обеспечить укрепление партнерских связей с США, которые будут способствовать снижению уровня недоверия в отношениях между двумя странами, но и предоставит институциональную структуру для смягчения негативных последствий прекращения действия Договора по ПРО. Как будет показано ниже, объективная заинтересованность в сотрудничестве имеется у обеих сторон и основной вопрос состоит только в создании эффективных механизмов совместной работы.

Возможность сотрудничества в области создания систем противоракетной обороны в том или ином виде присутствовала в советско-американских, а затем и российско-американских взаимоотношениях начиная с конца 80-х годов. Начало обсуждению этого вопроса было положено при обсуждении программы Стратегической оборонной инициативы. В ответ на критику этой программы со стороны Советского Союза, США предлагали поделиться с ним технологиями, которые будут использованы в создании СОИ.[67] Советский Союз справедливо расценивал это предложение как пропагандистский ход и конкретных переговоров, которые свидетельствовали бы о возможности обсуждения этого вопроса, начато не было.

В то же время, определенный интерес к сотрудничеству существовал в обеих странах и по мере достижения прогресса в переговорах о разоружении и общего улучшения отношений ученые и представители промышленности высказывали интерес к участию советских предприятий в осуществлении программ в рамках создания систем противоракетной обороны.

В США идеи сотрудничества с Советским Союзом также имели определенную поддержку. Можно выделить несколько факторов, которые ее обеспечивали. В значительной мере поддержка была обусловлена желанием США обеспечить согласие Советского Союза на создание противоракетной обороны. С другой стороны, нельзя не учитывать заинтересованности США в

получении доступа к советским разработкам, которые могли в перспективе помочь преодолеть технические проблемы, с которыми сталкивалась программа СОИ, и снизить стоимость создания системы.

Существенным фактором стало и то, что по мере снижения уровня противостояния Советского Союза и США программа ПРО все больше ориентировалась на противостояние случайным и несанкционированным пускам, а впоследствии – на противостояние ракетной угрозе со стороны третьих стран. Положение Советского Союза вблизи нестабильных регионов мира и наличие у него технических средств слежения за запусками баллистических ракет в этих регионах, увеличивало ценность возможного вклада Советского Союза в создание совместной системы по противостоянию этим угрозам.

Несмотря на то, что принципиальная заинтересованность США в развитии сотрудничества не находила выхода в конкретных политических предложениях, она влияла на позицию советской стороны в отношении вопросов противоракетной обороны. Как уже отмечалось, Советский Союз настаивал на безусловном сохранении Договора по ПРО. Тем не менее, в октябре 1991 г., президент СССР заявил о готовности принять участие в работе по созданию противоракетной обороны, которую вели в тот момент США. Как обсуждалось выше, вопросы возможного сотрудничества в области ПРО впоследствии обсуждались новым российским руководством, но были прекращены после смены администрации США в 1993 г.

Прекращение правительственных контактов в области сотрудничества в создании противоракетной обороны не означало невозможности осуществления совместных проектов. Скорее, усилия сторон были перенесены на сотрудничество в других областях, представляющих взаимный интерес. Так, в 1993 г. было подписано соглашение об использовании российского оружейного урана для производства топлива для атомных электростанций США, в 1995 г. было достигнуто соглашение о сотрудничестве в работе по созданию Международной космической станции.[160].

Было также предпринято несколько попыток реализовать интерес к сотрудничеству в области разработки систем противоракетной обороны. Рассмотрение этих проектов позволяет составить представление о роли, которую сотрудничество в области противоракетной обороны может играть в стратегических взаимоотношениях России и США, а также дает фактический материал для оценки роли российских институтов в реализации проектов сотрудничества.

Одним из проектов, осуществляемых в интересах противоракетной обороны, является проект РАМОС (RAMOS – Russian and American Observation Satellites). Проект предполагает изготовление и совместную эксплуатацию двух спутников, на которых должны быть размещены сенсоры различных диапазонов, в том числе предназначенные для регистрации сигналов стартовых баллистических ракет. Схема организации проекта полностью отвечает модели сотрудничества, предполагающей равноправное участие российских разработчиков в исследованиях, которые ставят целью создание новой техники.

Следует отметить, что несмотря на признанную на политическом уровне важность проекта и заинтересованность участников в его осуществлении, программа неоднократно сталкивалась со сложностями в финансировании и в настоящее время находится под угрозой прекращения в связи с предлагаемым прекращением финансирования.

Другим проектом, продолжившим традицию модели сотрудничества, предполагающей совместную работу по отражению общей ракетной угрозы, стал проект создания Совместного центра обмена данными систем раннего предупреждения. Создание Центра впервые предполагает возможность обмена информацией, предоставляемой системами раннего предупреждения сторон. Несмотря на то, что первоначально предполагается, что объем обмена будет ограничен, техническая и организационная инфраструктура, которую предполагается создать в ходе реализации проекта, может быть использована

для построения гораздо более разветвленной структуры, способной составить основу Глобальной системы контроля.[1] К сожалению, так же, как и в случае проекта РАМОС, работа по созданию Центра обмена данными столкнулась с организационными проблемами и в настоящее время практически заморожена.

Проект создания Центра обмена данными, так же как и проект РАМОС, несмотря на свою важность для сотрудничества и формирования взаимоотношений России и США, являются сравнительно небольшими проектами, которые практически не были затронуты дискуссией о сохранении Договора по ПРО и не оказали на нее заметного влияния. Третий проект сотрудничества в области противоракетной обороны – идея о создании европейской системы ПРО, напротив, был заметной частью этой дискуссии и был призван сыграть существенную роль в решении вопроса о будущем Договора по ПРО. Вместе с тем, как будет показано, проблемы, с которыми столкнулась Россия при попытке реализации этого проекта, характерны и для других попыток сотрудничества в области ПРО.

Предложения о совместной работе в области создания нестратегических систем противоракетной обороны, которые могли бы осуществлять защиту территории России или европейских стран от баллистических ракет средней и малой дальности, неоднократно высказывались в России. Предполагалось, что такая работа может использовать разработки в области ПРО, которые имелись у российской промышленности, и будет отвечать на реальные ракетные угрозы, обусловленные близостью России и Европы к регионам, которые потенциально являлись источником таких угроз.[1]

Несмотря на заинтересованность России в такого рода проекте, официально предложение о сотрудничестве в области создания нестратегических систем ПРО было сделано только в июне 2000 г., в преддверии российско-американской встречи на высшем уровне и затем было адресовано непосред-

ственно европейским странам.¹² Инициатива России преподносилась как альтернатива американским планам создания национальной ПРО. Существенной чертой представленного Россией плана создания европейской ПРО была его этапность, которая предполагала, что на начальном этапе проекта будет проведено обсуждение существующих и потенциальных ракетных угроз, и лишь затем будет рассмотрен вопрос о необходимости создания системы противоракетной обороны и ее возможной архитектуре. Но несмотря на то, что Россия приложила заметные усилия для того, чтобы добиться согласия европейских стран на начало консультаций по обсуждению перспектив создания европейской системы, ее инициатива не нашла существенной поддержки.

Анализируя причины сложностей, с которыми сталкиваются проекты сотрудничества в области противоракетной обороны, следует отметить, что несмотря на существенные различия в деталях проектов, можно выделить общие причины, ответственные за проблемы в их осуществлении. Анализ проектов сотрудничества, осуществляемых Россией и США, показывает, что основным условием достижения успеха является наличие заинтересованности в совместной работе с обеих сторон. В случае рассмотренных проектов в области ПРО, это условие как правило, выполняется. Так, например, в случае Центра обмена данными, США несомненно заинтересованы в получении доступа к информации, предоставляемой российскими РЛС, ведущими наблюдение за районом Ближнего Востока и Китая. В случае европейской системы ПРО, Россия могла бы предоставить участникам проекта доступ к своим разработкам в области создания противоракет и радиолокационных средств, используемых как в системах тактической ПРО, которые существуют сегодня в России, так и в системе ПРО Москвы.

---

¹ “Tom Brokaw Discusses His Interview with Russian President Vladimir Putin,” *NBC Meet the Press*, June 4, 2000, NBC News Transcripts.

² Alessandra Stanley, “Putin Travels to Rome to Promote Russian Arms Control Alternative,” *The New York Times*, June 6, 2000, p. 1; Roger Cohen, “Putin Urges Using Russia For Defense Of Europe,” *The New York Times*, June 16, 2000, p. 3.

В то же время, наличие взаимной заинтересованности не является достаточным условием успеха программы сотрудничества. Для того, чтобы совместные проекты могли быть реализованы, необходимо, чтобы с обеих сторон в них были вовлечены организации и институты, которые совместимы друг с другом по характеру решаемых ими технических и организационных задач. Примеры успешного сотрудничества показывают, что такими институтами могут быть, например, Министерство атомной энергии с российской стороны и Департамент энергетики – с американской, министерства обороны двух стран или их космические агентства. В каждом из этих случаев совместимость институтов играет очень важную роль в успехе осуществляемых ими проектов сотрудничества.[160]

В случае проектов сотрудничества в области противоракетной обороны, таких институтов найти не удалось, что во многом определило сложности в реализации этих проектов. Так, например, проект РАМОС с американской стороны курирует Агентство по противоракетной обороне, а с российской – государственное предприятие Рособоронэкспорт. Различия в структуре участвующих в проекте организаций, их ответственности и роли в организации работ во многом определяют сложности, с которым сталкивается проект.

Аналогичная ситуация сложилась и с предложением о создании европейской системы нестратегической ПРО. С российской стороны основную долю ответственности за продвижение проекта взяло на себя Министерство обороны. В то же время, для обеспечения успеха проекта российским представителям пришлось взаимодействовать в основном с представителями бюрократических структур НАТО, которые не обязательно были в состоянии эффективно работать с российскими предложениями. Как результат, обсуждение перспектив совместной работы над системой противоракетной обороны было значительно затруднено.

В целом, как показывает рассмотрение проблем, возникающих в ходе конкретных совместных программ в области противоракетной обороны и

других областях, потенциал сотрудничества существует и его реализация может обеспечить существенный вклад в придание стратегическим взаимоотношениям России и США стабильности в условиях прекращения действия Договора по ПРО. В то же время, для того, чтобы реализовать этот потенциал, Россия и США должны будут приложить усилия по созданию конкретных механизмов и институтов сотрудничества.

4.4. Содержание этапа и основные выводы

4.4.1. Проявление взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений после окончания холодной войны

Распад Советского Союза в 1991 г. подвел черту под советско-американской конфронтацией, которая была определяющей чертой всего послевоенного периода. Как было показано, принцип ядерного сдерживания, который лежал в основе стратегических взаимоотношений Советского Союза и США, приводил к постоянному совершенствованию характеристик систем стратегических вооружений и диктовал количественное наращивание ядерных арсеналов. В то же время, Советскому Союзу и США удалось внести в свои взаимоотношения очень важный элемент стабильности, который сдерживал наращивание наступательных потенциалов сверх того, что было осуществлено. Очень важным элементом стратегической стабильности был режим ограничения систем противоракетной обороны, установленный Договором по ПРО.

Вопросы противоракетной обороны стали очень серьезным фактором в формировании стратегических взаимоотношений России и США. Как можно было видеть, несмотря на осуществление глубоких сокращений ядерных вооружений, Россия и США сохранили значительные стратегические арсеналы, что неизбежно ведет к сохранению опоры на ядерное сдерживание. В этой ситуации можно было ожидать, что стремление сохранить стратегическую стабильность в отношениях между Россией и США обеспечит сохранение

режима ограничения систем противоракетной обороны, как это неизменно происходило в прошлом при попытках сторон создать систему ПРО. В действительности этого не произошло и стремление США создать систему противоракетной обороны привело к тому, что США вышли из Договора по ПРО в одностороннем порядке.

Выход США из Договора по ПРО ставит вопрос о том в какой степени к сегодняшним условиям применимы представления о взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, которые лежали в основе договоренности об ограничении систем противоракетной обороны. Понимание того, как работает эта взаимосвязь в современных условиях очень важно для выработки российской позиции в отношении дальнейших действий США в области противоракетной обороны.

Проведенное выше рассмотрение событий, определявших формирование отношения к вопросам наступательных и оборонительных вооружений во взаимоотношениях России и США, дает основания утверждать, что прекращение действия Договора по ПРО стало результатом нескольких факторов. Решающую роль сыграло изменение отношений между Россией и США, которое привело к отходу от конфронтации советского периода и дало США возможность переориентировать программу противоракетной обороны на противостояние угрозам, не связанным с отражением удара российских стратегических сил. Вторым существенным фактором, обусловившим возможность выхода из Договора по ПРО, стал гипотетический характер угрозы, для противостояния которой создается система ПРО. И, наконец, России не удалось убедительным образом продемонстрировать возможность принятия ответных мер, которые могли бы нейтрализовать развертывание системы противоракетной обороны. Ниже каждый из этих факторов будет проанализирован отдельно.

Вопрос о действительной ориентации создаваемой в США системы противоракетной обороны в настоящее время нельзя считать решенным оконча-

тельно. Несмотря на то, что США настаивают на то, что система не направлена против стратегических сил России, возможности системы могут не исключать такой возможности в будущем. В то же время, можно с уверенностью утверждать, что значительная доля политической поддержки, которой пользовалась программа ПРО на протяжении последнего десятилетия внутри США, была обусловлена тем, что система была представлена как система, способная противостоять угрозе со стороны третьих стран. Более того, как можно было видеть, первоначальное представление о назначении системы ПРО, было ограничено ее использованием для перехвата нестратегических ракет в пределах театра военных действий.

Несмотря на первоначальную «нестратегическую» направленность американской программы, несложно было понять, что объем задач, которые ставились перед системой ПРО, делает неизбежным переход к тому, что перед системой будет поставлена задача противодействия стратегическим ракетам. Действительно, нестратегический характер программы определялся исключительно отсутствием у возможных противников по региональным конфликтам межконтинентальных ракет, способных достигать территории США. По мере пересмотра оценок возможности приобретения третьими странами межконтинентальных ракет в США неизбежно должна была возникнуть необходимость пересмотра программ создания ПРО в сторону придания им возможностей борьбы с этими ракетами.

Ключевым обстоятельством в дискуссии о необходимости расширения программы ПРО с целью создания систем, способных осуществлять перехват стратегических ракет, было признание администрацией США за противоракетными системами принципиальной возможности обеспечения защиты от баллистических ракет. Согласие с такой посылкой неизбежно вело к заключению о том, что системы ПРО должны быть способны обеспечить защиту и от межконтинентальных ракет. С точки зрения задачи, которая ставилась перед противоракетными системами, принципиальной разницы между ракета-

ми не существовало. Более того, в рамках принятой логики, межконтинентальные ракеты потенциально представляли собой гораздо большую опасность. В результате, согласившись с логикой создания систем ПРО в части нестратегических систем, администрация США (равно как и большинство оппонентов создания ПРО) лишила себя возможности возражать против распространения программ ПРО в область обороны от стратегических ракет.

В том виде, который приняла дискуссия о целесообразности сохранения Договора по ПРО, поражение сторонников договора было исключительно вопросом времени. Поскольку сторонники сохранения договора как правило не отрицали того, что системы противоракетной обороны могут играть существенную роль в обеспечении безопасности США, они в основном ссылались либо на то, что в настоящее время отсутствует угроза со стороны межконтинентальных ракет, либо на то, что выход из договора побудит Россию принять меры по наращиванию своего наступательного ядерного арсенала. Но в той ситуации, которая сложилась к концу 90-х годов ни один из этих аргументов мог стать в полной мере убедительным доводом в пользу отказа от создания стратегической системы ПРО.

Тот факт, что аргументом в поддержку идеи создания системы ПРО могло стать отсутствие реальной угрозы территории Соединенных Штатов объясняется тем, что анализ истории развития систем ПРО демонстрирует, что отсутствие конкретной угрозы является одним из факторов, делающих идею ПРО привлекательной. По мере материализации угрозы в ее конкретных проявлениях привлекательность противоракетной обороны как средства борьбы с ней неизменно снижается. Именно такая модель развития была характерна для периода создания первых систем ПРО в 60-х годах и для 80-х годов, в период дискуссии о развертывании системы СОИ.

В дополнение к этому, в 90-х годах отсутствие непосредственной угрозы со стороны третьих стран не могло являться серьезным аргументом против программы, которую планировали осуществить США. Во-первых, создание

системы ПРО по самым оптимистичным оценкам могло занять от 7 до 10 лет, в течение которых могут возникнуть новые угрозы. В связи с этим неудивительно, что выводы комиссии Рамсфелда, в которых говорилось о возможности тайного осуществления ракетной программы, оказали очень сильное влияние на исход дискуссии в отношении ПРО, которая велась в США. Во-вторых, одним из основных принципов, которые были положены в основу новой противоракетной программы, была необходимость предоставить защиту от любых угроз, которые смогут материализоваться в будущем. Идеология системы ПРО намеренно формулировалась как максимально открытая и, тем самым, способная противостоять максимально широкому спектру угроз, независимо от того можно ли сегодня предсказать их появление. Несомненно, при выработке технических требований к системе, США были вынуждены сузить спектр возможных угроз, ограничив его такими странами как Северная Корея, Иран и Ирак, но этот выбор был вынужденным и до определенной степени случайным. Исключение любой страны из этого списка (как это произошло с Ираком), хотя и привело бы к изменению технических требований к системе, не могло сказаться на принципиальной политической поддержке, которой пользовалась программа ПРО в США.

С другой стороны, если бы США пришлось иметь дело с реальной угрозой ракетного нападения, то есть если предположить, что третьи страны, против которых предполагается развернуть систему ПРО, обладали бы возможностью создания межконтинентальных баллистических ракет и рассматривали нанесение удара по территории США с помощью ракет или других средств как часть стратегии сдерживания их от агрессивных действий, то ситуация неизбежно изменилась бы. Нет сомнений в том, что в этом случае анализ возможной эффективности системы ПРО показал бы неэффективность обороны. В случае когда речь идет о принципиальной возможности нанесения ущерба территории США, противоракетная оборона не может пол-

ностью лишить противника возможности нанесения такого удара, а следовательно, не может лишить его возможности сдерживания.

Вопрос о влиянии российской позиции на ход программы создания противоракетной обороны США довольно сложен. Это связано прежде всего с тем, что США никогда не признавали того, что создаваемая ими система ПРО может быть направлена против России. Более того, динамика развития программы и изменение целей, которые ставились перед ней, и представлений о ее роли, в целом поддерживают утверждение о том, что противостояние стратегическим силам России не является задачей создаваемой в США системы противоракетной обороны. С другой стороны, не вызывает сомнений то обстоятельство, что эта система, будучи создана, сможет либо представлять непосредственную угрозу для стратегических сил России, либо стать основой для развертывания более масштабной системы, которая сможет оказать существенное влияние на способность российских стратегических сил осуществлять эффективное сдерживание.

Полностью разделить эти аспекты роли системы ПРО США в российско-американских отношениях невозможно. В то же время, можно отметить, что предполагаемая ориентация программы ПРО на третьи страны сыграла существенную роль в том, что классические аргументы о взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений в отношениях России и США не смогли существенным образом изменить планы США и сдержать их от выхода из Договора по ПРО. В представлении значительной части сторонников развертывания системы ПРО, эта система в силу своего ограниченного масштаба не должна была существенным образом повлиять на баланс сил в отношениях США и России. Более того, даже в случае если Россия имела возможность в ответ на развертывание противоракетной обороны остановить сокращение своих стратегических наступательных вооружений или приступить к наращиванию своего наступательного потенциала, это вряд ли смогло бы стать существенным аргументом в определении будущего программы

ПРО. Это связано с тем, что существующие возможности российских стратегических сил по нанесению ущерба США даже в самых неблагоприятных для России условиях будут превышать уровень ущерба, который США могут признать приемлемым.

Точно определить уровень неприемлемого ущерба невозможно, но как можно было видеть из обсуждения характера угрозы со стороны третьих стран, таким уровнем вполне может быть ущерб, нанесенный несколькими боезарядами, доставленными на территорию США. Вероятность того, что стратегические силы России будут в состоянии нанести такой ущерб, даже в условиях значительного сокращения количества носителей и развертывания системы противоракетной обороны, остается очень велика.

В то же время, было бы неверно утверждать, что возможности России по наращиванию своих стратегических сил не играли роли в определении позиции США в отношении Договора по ПРО и перспектив создания противоракетных систем. В случае если бы Россия реально продемонстрировала свою способность обеспечить такое наращивание в ответ на развертывание Соединенными Штатами системы стратегической противоракетной обороны, планы такого развертывания были бы пересмотрены и, вполне вероятно, что России удалось бы удержать США от выхода из Договора по ПРО или добиться компромиссного решения в отношении этого договора, которое учитывало бы интересы России в ограничении масштаба систем ПРО. Основная причина, по которой этого не удалось осуществить, заключается в том, что Россия не смогла убедительно продемонстрировать возможность принятия ответных мер и свою способность их осуществить. Отчасти это было связано с объективными обстоятельствами, но очень существенную роль сыграли и субъективные факторы, такие, например, как непродуманные решения в отношении Ракетных войск стратегического назначения, принятые в 2000 г., как раз в тот момент когда Россия нуждалась в поддержке своей позиции на переговорах с США.

Решение США о выходе из Договора по ПРО стало чувствительным внешнеполитическим поражением России. Нельзя не признать, что основная посылка российской позиции в отношении этого договора была полностью справедливой – он действительно являлся очень важной частью системы соглашений о контроле над вооружениями, которая создавалась в послевоенный период.

В настоящее время маловероятно, что прекращение действия Договора по ПРО приведет к полномасштабной гонке вооружений, аналогичной той, которую вели США и Советский Союз. В то же время, отсутствие ограничений на создание систем противоракетной обороны открывает возможность постоянного совершенствования системы ПРО США. Как можно было видеть из проведенного анализа, остановить такое совершенствование и привести к сворачиванию программы ПРО может только перспектива возникновения реальной угрозы США в виде страны, готовой затратить необходимые ресурсы и осуществить меры по противостоянию системе противоракетной обороны США. Перспектива возникновения такого противостояния не может не восприниматься в России с обеспокоенностью, так как оно будет означать возникновение государства, возможности стратегических сил которого могут быть сравнимы с возможностями стратегических сил России.

С точки зрения России, после окончания действия Договора по ПРО основной стратегией, способной предотвратить получение США одностороннего преимущества, подрывающего стратегический баланс, является демонстрация убедительной способности принять меры, нейтрализующие противоракетную оборону. Создание такой способности потребует усилий, направленных на обеспечение боеспособности стратегических сил, и, что гораздо более важно, поддержания экономической и технологической способности обеспечить осуществление необходимых ответных мер. Как можно было видеть из истории создания противоракетных программ, такая способность является наиболее серьезным фактором, сдерживающим попытки нарушить

стратегическую стабильность в одностороннем порядке, будь то за счет наращивания наступательных вооружений или создания противоракетных систем. В свою очередь, в современных условиях усилия по поддержанию стратегической стабильности не могут быть успешными без создания эффективно действующих государственных и общественных институтов, обеспечивающих выработку решений в области стратегических вооружений и военной политики в целом.

4.4.2. Роль российских институтов в выработке политики в отношении ПРО

Говоря об изменениях в структуре выработки и принятия решений, сформировавшейся после распада Советского Союза, и роли сложившихся в России институтов в определении политики в области стратегических вооружений и противоракетной обороны, необходимо отметить несколько важных обстоятельств. Во-первых, произошедшее радикальное изменение характера политического руководства страной не могло не привести к существенному изменению механизмов выработки и принятия решений. При этом за некоторыми исключениями основные институты, которые были составной частью этих механизмов – министерства обороны и иностранных дел, исследовательские организации промышленности и Вооруженных сил, научно-исследовательские институты, часть оборонных министерств – были в основном сохранены. И, наконец, механизм взаимодействия ведомств и различных институтов постоянно совершенствовался и претерпевал изменения.

Самым серьезным изменением, произошедшим в структуре выработки решений в области создания новых вооружений, стало изменение порядка финансирования их разработки и производства. В отличие от существовавшей в Советском Союзе практики, при которой средства на разработку и производство систем вооружений направлялись в промышленность, в России средства поступали в Министерство обороны, которое выступало заказчиком работ. Формально, контроль за бюджетом и в том числе за бюджетом Мини-

стерства обороны осуществлял парламент, но в действительности возможности парламента были очень ограничены, так как Министерство обороны не предоставляло подробной информации о статьях расходов бюджета.[1]

Изменения в управлении оборонной промышленностью, произошедшие после распада Советского Союза, привели к упразднению структуры министерств оборонной промышленности и Военно-промышленной комиссии при Президиуме Совета министров СССР, осуществлявшей координацию их деятельности в процессе разработки новых вооружений. Предприятия ядерно-промышленного комплекса были объединены в Министерстве по атомной энергии, часть предприятий космической отрасли (прежде всего участвующие в гражданской космической программе) были отданы в подчинение Российского космического агентства. Остальные предприятия были переданы в ведение Министерства промышленности. Впоследствии это министерство было упразднено, а оборонные предприятия передавались в ведение различных государственных структур – Государственного комитета по оборонной промышленности, Министерства оборонной промышленности и Министерства экономики.[44, с. 37] Для целей настоящей работы важным обстоятельством осуществлявшихся реорганизаций является сохранение относительной автономии основных научно-исследовательских и конструкторских предприятий оборонной промышленности и отсутствие министерской структуры в отраслях, участвовавших в создании техники в области противоракетной обороны, т.е. прежде всего тех, которые ранее находились в ведении Министерства радиопромышленности.

Другим важным институциональным изменением, произошедшим в результате распада Советского Союза, стало упразднение «пятерки» – межведомственной комиссии по ведению переговоров, которая обеспечивала взаимодействие различных ведомств в процессе выработки позиции на переговорах с США и тем самым предоставляла очень важную возможность для со-

гласования позиций ведомств в отношении перспектив развития стратегических сил, возникавших в связи с переговорами.

Результатом проведенной реорганизации, как можно видеть, стало сохранение институтов, представлявших собой основные элементы механизма выработки решений, и упразднение практически всех институтов, обеспечивавших согласование позиций участников процесса – Военно-промышленной комиссии, «пятерки», практически всех отраслевых министерств оборонной промышленности. Основная работа по выработке решений и их согласованию была сосредоточена в Вооруженных силах – Министерстве обороны и Генеральном штабе, и, в той степени, в которой это касалось международных отношений – в Министерстве иностранных дел. В части обеспечения переговорного процесса с США такое распределение обязанностей в целом соответствовало существовавшей в Советском Союзе практике, поскольку именно эти два ведомства осуществляли основной объем работы по выработке предложений. В то же время, в отличие от советского механизма, предприятия оборонной промышленности и других заинтересованных ведомств не имели институционально закрепленной возможности влиять на процесс выработки решений.

До определенной степени отсутствие формальных механизмов взаимодействия ведомств могло быть скомпенсировано возможностью публичного обсуждения вопросов, относящихся к стратегическим вооружениям, и парламентским контролем за процессом выработки и принятия решений. Но в сложившейся в России системе разделения властей парламент играет ограниченную роль, что не дает ему возможности осуществлять эффективный контроль за действиями правительства или выполнять функции органа, способствующего согласованию различных интересов. Кроме этого, как и в бюджетном процессе, роль парламента, равно как и других общественных институтов, ограничивалась недоступностью или ограниченностью инфор-

мации о планах развития стратегических сил и возможностях оборонной промышленности.[1]

Другой отличительной чертой процесса выработки решений, сложившегося в России, является очень высокая степень его централизации. В отсутствии отработанного механизма выработки решений и согласования интересов ведомств, очень высокая единоличная роль президента открывает возможность для принятия решений, которые могут не в полной мере учитывать интересы всех участвующих сторон.

В качестве примера негативной роли, которую может играть сосредоточение полномочий, можно привести уже упоминавшиеся решения в отношении Ракетных войск стратегического назначения, принятые в 2000 г. Неотработанность механизма выработки решений и его излишняя централизация привели к тому, что решение о сокращении РВСН и снижении их статуса было принято в момент, когда оно наиболее серьезным образом ослабило позицию России в переговорах по поводу сокращения стратегических сил и будущего Договора по ПРО.

Как можно видеть, создание механизма, который позволял бы проводить детальное согласование интересов различных ведомств, является необходимым условием осуществления эффективной политики в области стратегических вооружений. Те проблемы, с которыми Россия столкнулась в ходе диалога с США по поводу сокращения вооружений и противоракетных систем, во многом стали результатом отсутствия в России такого механизма. Во многих отношениях система выработки решений, существовавшая в Советском Союзе, несмотря на ее недостатки, была более эффективной и позволяла разрабатывать сложные решения, которые учитывали интересы множества ведомств и институтов, принимавших участие в их последующей реализации.

Другим исключительно важным требованием к механизму выработки решений, необходимость реализации которого следует из проведенного анализа, является открытость процесса и привлечение к разработке решений не-

зависимых экспертов. Открытость процесса как правило приводит к существенному повышению качества принимаемых решений и способствует учету различных мнений и интересов, которые могут быть не учтены при закрытом рассмотрении вопросов.

Как можно было видеть из обсуждения вопроса о сотрудничестве России и США в области противоракетной обороны, отсутствие институтов, которые могли бы обеспечить поддержку проектов сотрудничества, является одной из причин, по которой совместные проекты в области ПРО не могут быть реализованы в той мере, которая бы соответствовала реальной заинтересованности в сотрудничестве. Создание таких институтов и наделение их достаточными полномочиями для проведения совместных работ и координации усилий различных предприятий, является необходимым условием начала реального сотрудничества в области противоракетной обороны. Такое сотрудничество, как уже отмечалось, наряду с тем, что оно может внести как непосредственный вклад в обеспечение безопасности, способствуя созданию инфраструктуры для отражения ракетных угроз, может предоставить возможность укрепления партнерских отношений с США.

Подводя итог обсуждению роли российских институтов в решении вопросов, связанных с противоракетной обороной, необходимо отметить, что процесс становления этих институтов еще не завершен. Структура выработки и принятия решений, созданная в России, в основном опирается на институты, существовавшие в Советском Союзе, но лишена ряда ключевых механизмов, которые могли обеспечивать эффективность советской системы при решении сложных задач. Это в первую очередь относится к механизмам привлечения к обсуждению вопросов различных ведомств и учету их интересов в этом процессе. В частности, в настоящее время в России не существует механизмов, аналогичных «пятерке» для обсуждения позиций на переговорах, или Военно-промышленной комиссии для координации усилий различных ведомств в разработке новых вооружений. Одновременно, система, сложив-

шаяся в России, не использует преимущества парламентского и общественного участия в выработке решений, который способен значительно улучшить их качество. Как показывает рассмотрение вопроса о противоракетной обороне в том виде, как он развивался на протяжении нескольких десятилетий, обеспечение безопасности государства в современных условиях требует решения все более сложных задач по координации усилий различных институтов. Как можно было видеть, механизм выработки решений, существующий сегодня в России, отвечает этим требованиям не в полной мере и должен быть значительно усовершенствован.

Заключение

Анализ развития программ противоракетной обороны, проведенный в данной работе, показывает, что вопросы противоракетной обороны были исключительно важной частью стратегических взаимоотношений Советского Союза и США и остаются одним из существенных факторов российско-американского стратегического взаимодействия. В представлениях о роли противоракетной обороны находят свое отражение фундаментальные представления ведущих государств о подходах к обеспечению собственной безопасности, построению военно-политических отношений со своими партнерами и потенциальными противниками.

Сложность проблем, связанных с определением возможностей и потребностей в сфере ПРО, предъявляет исключительно высокие требования к институтам, участвующим в выработке решений в этой области в контексте общего курса в сфере стратегических вооружений. Именно поэтому в данной работе особое внимание уделено формированию институтов, обеспечивающих выработку и принятие решений, касающихся противоракетной обороны. Ниже приведены основные теоретические и практические выводы представленной работы.

Первое. Один из ключевых аспектов настоящей работы связан с оценкой взаимосвязи противоракетной обороны с доктриной «ядерного сдерживания» на основе признания объективной ситуации «взаимного гарантированного уничтожения». Анализ программ создания противоракетной обороны и стратегических наступательных вооружений убедительно демонстрирует *невозможность коренного изменения ситуации взаимного гарантированного уничтожения в одностороннем порядке и бесперспективность попыток устранить существующую ракетную угрозу или предотвратить возникновение новой такой угрозы путем создания системы ПРО*. Как было показано, поскольку речь идет о двусторонних отношениях, состояние взаимного га-

рантированного уничтожения обеспечивается обеими сторонами, и попытка одной из них избежать *взаимности* гарантированного уничтожения неизбежно вызывает усилия второй стороны по восстановлению этой взаимности.

Таким образом, проведенный анализ опровергает аргументы, оправдывающие развертывание системы стратегической противоракетной обороны США необходимостью отказа от взаимного гарантированного уничтожения. История создания систем противоракетной обороны в Советском Союзе и в США убедительно свидетельствует о том, что основную роль в решении о прекращении проектов в области противоракетной обороны или жестком ограничении их масштаба неизменно играла техническая сложность создания систем ПРО и понимание принципиальной невозможности этих систем обеспечить стратегическое преимущество в противостоянии с противником, который имеет возможность и намерение не допустить приобретения такого преимущества путем создания ПРО. И наоборот, создание систем противоракетной обороны неизменно получает политическую поддержку в условиях, когда происходит недооценка возможностей противника по восстановлению стратегического баланса, когда реальный противник отсутствует и подменяется гипотетическим или когда он оказывается не в состоянии продемонстрировать свои возможности с достаточной степенью убедительности.

Выход США из Договора по ПРО (после нескольких неудачных попыток в начале 80-х и конце 90-х годов) и переход к созданию такой системы для защиты национальной территории служит ярким тому свидетельством. Хотя планируемая в обозримый период противоракетная система не предназначена непосредственно для отражения российских ракет, весьма показательным, что официальным негативным мнением Москвы по этому поводу и ее предупреждением о дестабилизирующих последствиях такого шага сочли возможным в Вашингтоне пренебречь – и все это ради защиты от гипотетической ракетной угрозы «стран-изгоев». При этом, перспективы материализации такой угрозы остаются весьма неясными и еще важнее – очевидно, что в случае

ее возникновения были бы открыты другие, гораздо более эффективные пути ее нейтрализации на основе взаимодействия США и РФ, если бы оно не подрывалось дестабилизацией их стратегических взаимоотношений. Это тем более справедливо, что военно-техническая динамика развития системы ПРО США и эволюция баланса наступательных стратегических вооружений не в пользу РФ могут, в принципе, в более отдаленном будущем придать противоракетной системе потенциал парирования российских ракет, особенно в сценарии их ответного удара.

Второе. Практические рекомендации, вытекающих из сделанного вывода, состоят в следующем: *для того, чтобы исключить возможность использования создаваемой в настоящее время системы противоракетной обороны США для противодействия российским стратегическим силам, Россия должна убедительно продемонстрировать возможность восстановления стратегического баланса с США.* Такая возможность не обязательно предполагает реального наращивания наступательного потенциала по примеру того, которое было осуществлено в 60-х годах или отказа от сокращений наступательных вооружений как в начале 80-х годов. В современных условиях подобная возможность наиболее эффективно и убедительно может быть продемонстрирована ведением рациональной программы развития наступательных средств СЯС, способных при необходимости быстро, гибко и относительно экономично отреагировать на угрозу ПРО путем наращивания боеголовок и (или) носителей и (или) средств преодоления ПРО – но без ущерба для их живучести, боеготовности, сохранности и надежности систем боевого управления и СПРН.

Также, возможность восстановления стратегического баланса обеспечивается созданием научно-технических заделов и резервирования ресурса оборонно-промышленного комплекса, для реализации, в случае необходимости, качественно новых сложных проектов в области стратегических систем вооружений, а также создания профессиональных Вооруженных сил, способных

осуществлять эффективную эксплуатацию самой совершенной военной техники. Проведенный в работе анализ обстоятельств выхода США из Договора по ПРО, показывает, что именно неспособность России убедительно продемонстрировать возможность принятия мер в ответ на односторонние действия США сыграла значительную роль в отказе США от Договора по ПРО и в потере ими заинтересованности в соглашениях о дальнейших сокращениях наступательных стратегических вооружений. Такая заинтересованность ранее всегда была сдерживающим моментом для стремления США к развертыванию систем противоракетной обороны (в начале 70-х, начале 80-х и конце 90-х годов).

Здесь речь ни в коем случае не идет о преднамеренном увековечивании отношений ядерного сдерживания и взаимного гарантированного уничтожения между США и Россией. Окончание холодной войны предоставило шанс на радикальную трансформацию этих отношений, но само по себе еще не гарантировало этого в «автоматическом порядке». При наличии многих тысяч ядерных боеголовок на носителях, достигающих территории друг друга, державам не достаточно перестать быть врагами, чтобы упразднить отношения взаимного ядерного сдерживания. Для этого им надо либо стать союзниками против конкретного общего врага (в том числе и как объекта нацеливания ядерных сил) – либо сократить свои СЯС до предельно низких уровней (несколько сотен боеголовок) и согласовать проверяемые меры ненацеливания их друг на друга и (или) контролируемого глубокого понижения степени их боеготовности. Только в таких условиях широкое развертывание систем ПРО не повлечет дестабилизацию стратегических и ухудшение политических отношений государств, да и то – при условии или согласованного их развертывания или реализации совместных программ в этой области. В ином случае программы ПРО неизбежно подрывают стратегическую стабильность, даже если непосредственно направлены против третьих стран.

Третье. Другой практический вывод из проведенного анализа касается вероятности конфронтационного развития отношений между США и Китаем в случае если последний сочтет, что создание Соединенными Штатами системы противоракетной обороны угрожает нарушить стратегический баланс между двумя странами в том виде, к которому стремится Китай в осуществлении своих программ развития стратегических сил. Для того, чтобы добиться искомого баланса сил, Китай будет вынужден форсировать меры по созданию и совершенствованию своих стратегических наступательных вооружений, что не может не затронуть интересов безопасности России, поскольку впервые поставит под удар китайских СЯС европейскую «сердцевину» ее территории. Таким образом, *принятие мер по максимальному сдерживанию развития стратегической системы ПРО США и с этой точки зрения должно оставаться важным направлением российской внешней политики.*

Четвертое. На основе проведенного в работе анализа можно сделать вывод о том, что *взаимосвязь между наступательными и оборонительными вооружениями не проявляет себя автоматическим образом. Для реализации этой взаимосвязи необходима высокая степень развития институтов, участвующих в выработке решений в области создания и определения принципов применения стратегических наступательных и оборонительных средств.*

Как можно было видеть, взаимосвязь наступательных и оборонительных вооружений является фактором, который весьма чувствительно влияет на стабильность стратегических взаимоотношений. Историческая эволюция этих отношений Советского Союза и США продемонстрировала, что развитие оборонительных средств не ведет к усилению обороны в ущерб нападению. Равновесие непременно восстанавливается, но на более высоком уровне противостояния и, следовательно, при меньшей безопасности обеих сторон. Справедливость этого положения была продемонстрирована как в ходе осуществления программ развертывания стратегических сил в 60-х годах, так и в

ходе стратегической модернизации 70-х годов, каждая из которых заканчивалась значительным увеличением количества наступательных ядерных боезарядов и относительным ростом их потенциала разоружающего удара. В то же время, можно видеть, что совершенствование институтов принятия решений и повышение качества их представления о факторах, влияющих на стратегические взаимоотношения Советского Союза и США, которые происходили по мере развития стратегических сил, приводило к более глубокому пониманию механизма взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений.

Так, например, программа Стратегической оборонной инициативы США не вызвала наращивания количества боезарядов в составе советских стратегических сил, так как сформированный к тому моменту в Советском Союзе механизм выработки решений способствовал определению реального потенциала этой системы. Для осознания в США бесперспективности создания системы на базе СОИ в условиях противостояния с Советским Союзом последнему не потребовалось реально демонстрировать свои возможности по принятию ответных мер.

Пятое. С практической точки зрения, сделанный вывод позволяет заключить, что *в настоящее время существует возможность для минимизации негативных последствий прекращения действия режима ограничения противоракетной обороны, как следствия выхода США из Договора по ПРО.* Последовательное и целенаправленное использование потенциала существующих политических механизмов и институтов, как национальных (как в России, так и в США), так и международных, может позволить не допустить развертывания гонки оборонительных и наступательных вооружений между США и другими странами. При правильном использовании потенциала существующих институтов и осуществлении мер по поддержанию и совершенствованию стратегического арсенала, Россия может ставить цель сворачивания тех аспектов программы ПРО США, которые потенциально могут угрожать ее безопасности. В принципе, представляется вполне решаемой задача

достижения нового договорно-правового ограничения элементов систем ПРО, дестабилизирующих отношения США и РФ, – но при этом сохранения возможности создания обороны против третьих стран, единичных, провокационных или случайных пусков ракет.

Шестое. Результатом анализа развития систем ПРО и их роли в стратегических взаимоотношениях Советского Союза и США, а впоследствии и России и США, является заключение о том, что сложность систем противоракетной обороны, их высокая стоимость и роль, которую они играют в стратегическом балансе, предъявляет *исключительно высокие требования к институтам, которые осуществляют выработку и принятие решений в области противоракетной обороны, и механизмам взаимодействия этих институтов.*

Понимание сущности взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений и практического проявления этой взаимосвязи в планировании операций стратегических сил и перспектив их развития требует глубокой проработки вопросов ядерной стратегии. Как можно было видеть из проведенного анализа, в Советском Союзе в итоге был создан механизм принятия решений, который позволял осуществлять проработку вопросов применения ядерного оружия и, в том числе, противоракетной обороны. В то же время, нельзя не отметить, что достаточно эффективный советский механизм координации деятельности ведомств и оборонных отраслей не обеспечивал должной рациональности, экономичности и эффективности курса военной политики в целом и в долгосрочном плане. В частности, не удалось остановить дорогостоящие работы по созданию системы противоракетной обороны Москвы первого поколения, несмотря на наличие серьезных сомнений в ее эффективности не только против перспективных ракетных систем, но и против ракет предшествующих поколений. То же отставание как минимум на два поколения было характерно и для модернизированной ПРО

Москвы десятилетием позже (а также к программам в области ПВО и многим решениям по наступательным стратегическим системам).

Одной из основных причин недостаточной эффективности советских механизмов выработки решений был их закрытый характер, который не позволял в полной мере использовать существующий в стране интеллектуальный потенциал и значительно затруднял подробное обсуждение проблем и способов их решения. Характерно, что успех наиболее эффективных институтов, созданных в Советском Союзе, таких, например, как «пятерка», созданная для выработки позиции на советско-американских переговорах, или Военно-промышленная комиссия, осуществлявшая координацию действий предприятий оборонной промышленности, в большой степени был обусловлен их способностью осуществлять учет широкого спектра мнений и согласование различных точек зрения. Но в целом, как можно было видеть на примере конкретных решений разного времени, допуск к разработке военной политики только тех организаций, которые имели в этом процессе свой ведомственный или экономический интерес, зачастую приводил к решениям на основе межведомственных компромиссов, заслонявших более широкую панораму потребности страны в обеспечении максимально эффективной обороны с минимальными экономическими издержками.

К выводу о необходимости гораздо большей открытости процесса выработки решений приводит также и рассмотрение этого процесса в США, который предусматривает возможность учета критики, оценок и предложений независимых исследовательских центров и специалистов, как гражданских, так и военных, при значительной степени открытости военной политики, военного строительства и военного финансирования. Этим, в частности, обусловлено то, что наиболее важные концептуальные разработки в области ядерной стратегии, взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, договорно-правового сокращения и ограничения вооружений были сделаны в США. Безусловно, такая система тоже не гарантирует от ошибок, чему сви-

детельством является выход США из Договора по ПРО в 2002 г. Но она дает возможность вовремя привлечь внимание к таким ошибкам и исправить их без чрезмерных издержек, что показывает, в частности, история проталкивания и отказов США от создания многих поколений систем ПРО в 60-90-е годы.

Седьмое. Анализ российской политики в области противоракетной обороны и, конкретно, усилий России по сохранению Договора по ПРО, показывает, что система выработки и принятия решений, которая складывается в России, крайне недостаточно использует возможности, которые предоставляют ей существующие государственные и общественные институты. В частности, практически не используется механизм парламентского участия в выработке решений. Несмотря на то, что формально парламент имеет возможность влиять на некоторые решения в области стратегических вооружений с помощью бюджетного процесса и ратификации международных договоров, осуществление контроля на практике затруднено отсутствием адекватного доступа к информации о стратегических силах и расходах на их содержание. Кроме этого, не отработан механизм использования возможностей, которые предоставляет участие независимых экспертных организаций, гражданских и военных специалистов в обсуждении проблем стратегических вооружений и противоракетной обороны.

Другой существенной чертой сложившегося в России механизма выработки и принятия решений является его высокая централизация и неразработанность механизмов взаимодействия различных ведомств, принимающих участие в осуществлении политики в области стратегических вооружений. Эта система согласования интересов различных ведомств уступает по эффективности той, которая была создана в Советском Союзе, в том числе и по выработке позиций на переговорах о сокращении вооружений и согласования их с разработкой и производством систем оружия.

Сложность вопросов обеспечения безопасности государства, равно как и роли в этом стратегических вооружений, постоянно возрастает. В такой ситуации *обеспечение адекватной защиты интересов государства в области безопасности невозможно без создания эффективного открытого механизма выработки и принятия решений*, который обеспечит взаимодействие различных государственных и общественных институтов.

Восьмое. Заключительный вывод из проведенного анализа состоит в необходимости глубокой проработки внешней и военной политики, созданию институтов и групп интересов, способных обеспечить переход к неконфронтационному характеру стратегических взаимоотношений России и США. Как можно было видеть, совместная работа в области создания систем противоракетной обороны является одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества между Россией, США и их союзниками. В то же время, *реализация потенциала сотрудничества в области противоракетной обороны требует целенаправленной работы по формированию соответствующей внешней и военной политики как России, так и США и их союзников, обоюдного курса на последовательную интеграцию РФ с Западными структурами безопасности, по ее включению в качестве равноправного партнера в механизмы принятия решений по применению и развитию вооруженных сил и систем оружия*. Кроме того, нужны усилия по созданию механизмов, обеспечивающих взаимодействие организаций и групп интересов, заинтересованных в совместной работе.

В настоящее время такие механизмы и проекты существуют только в немногих областях российско-американского сотрудничества, да и то в отрыве от общего контекста внешней и военной политики держав. Использование этого опыта и перенос его на совместную работу в области противоракетной обороны позволит России обеспечить дополнительную возможность для укрепления собственной безопасности и упрочения партнерских отношений с США и Западом в целом.

Список сокращений

ВПК	Военно-промышленная комиссия при Президиуме Совета министров СССР
ГСЗ	Глобальная система защиты
ГУМО	Главное управление министерства обороны
КБ	конструкторское бюро
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
МОМ	Министерство общего машиностроения
МСМ	Министерство среднего машиностроения
НИИ	научно-исследовательский институт
НИР	научно-исследовательские работы
НПРО	Национальная противоракетная оборона
НТЦ	Научно-технический центр
ОКР	опытно-конструкторские работы
ОСВ	ограничение стратегических вооружений
ПКК	Постоянная консультативная комиссия
ПРО	противоракетная оборона
РВСН	Ракетные войска стратегического назначения
РГЧ ИН	разделяющиеся головные части с боевыми блоками индивидуального наведения
РЛС	радиолокационная станция
СКБ	специальное конструкторское бюро
СМ	Совет министров
СНВ	стратегические наступательные вооружения
СНП	стратегические наступательные потенциалы
СОИ	Стратегическая оборонная инициатива
СЯС	стратегические ядерные силы
ЦНПО	Центральное научно-производственное объединение

Список использованной литературы

1. Арбатов А. Г., *Безопасность: Российский выбор*. – М.: ЭПИцентр, 1999.
2. Арбатов А. Г., «Военная реформа в свете чужих ошибок» // *Независимое военное обозрение*, 23 мая 2003 г.
3. Арбатов А. Г., «Российско-американский саммит ничего не решит» // *Независимая газета*, 7 февраля 2002 г.
4. Арбатов А. Г., отв. ред., *Россия: в поисках стратегии безопасности Проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчества*. – М.: Наука, 1996.
5. Арбатов А. Г., *США и проблемы сокращения вооружений: ядерно-космический аспект*. – М.: Наука, 1988 г.
6. Арбатов А. Г., отв. ред., *Ядерные вооружения и безопасность России*. – М.: ИМЭМО, 1997
7. Арбатов А. Г., Барановский В. Г., Владимиров В. И. и др., *США и проблемы сокращения вооружений. Ядерно-космический аспект: 80-е годы*. – М.: Наука, 1988
8. Арбатов А. Г., Ромашкин П. Б., «Ратификации СНВ-2 нет альтернативы» // *Независимое военное обозрение*, 20 февраля 1998 г.
9. Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М., *Глазами маршала и дипломата: критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года*. – М.: Международные отношения, 1992.
10. Барановский В. Г., «Россия: конфликты и среда ее безопасности» // *Ежегодник СИПРИ, 1997. Вооружения, разоружения и международная безопасность*. – М.: Наука, 1997.
11. Белоус В. С., *Космическая рулетка Пентагона*. – М.: АПН, 1998.
12. Быков О. Н., *Национальная безопасность России*. – М.: ИМЭМО, 1997.
13. Быстрова И. В., *Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов)*. – М.: Институт российской истории РАН, 2000.
14. Виноградов Б. П., интервью 25 апреля 2002 г.
15. Волков Е. Б. и др., *МБР СССР (РФ) и США*. – М.: РВСН, 1996.
16. Волков Е. Б., Норенко А. Ю., *Ракетное противостояние*. – М.: СИП РИА, 2002.
17. Волков Л. И., *Жизнь моя... Вторая книга*. Издание 2-е, испр. – М.: СИП РИА, 2000.
18. Вотинцев Ю. В., «Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы» // *Военно-исторический журнал*, №8-10, 1993
19. Глубоков Е.С., Маслюков Ю.Д. «Планирование и финансирование военной промышленности СССР». – В кн.: *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. – М.: Военный парад, 1999.
20. Голубев О. В., Каменский Ю. А. и др., *Российская система противоракетной обороны*. – М.: Техноконсалт, 1994.
21. Губанов Б. И., «Триумф и трагедия «Энергии»», том 3: «Энергия»-«Буран». – Нижний Новгород: НИЭР, 1998.
22. Дворкин В. З., интервью 31 октября 2002 г.
23. Детинов Н. Н., интервью 16 мая 2002 г.
24. Дьяков А., Кадышев Т., Мясников Е., Подвиг П., «Ненужные обязательства» // *Известия*, 18 марта 2002 г.
25. Дьяков А., Кадышев Т., Мясников Е., Подвиг П., «Ратифицировать нельзя отклонить. Что делать с Договором о стратегических наступательных потенциалах России и США?» // *Независимое военное обозрение*, 20 сентября 2002 г.

26. Загладин Н. В., Мунтян М. А., «Теоретические подходы к внешнеполитической концепции РФ» // *Проблемы реформирования России и современный мир*: Сб. ст. – М.: Изд-во РАГС, 1996.
27. Квицинский Ю. А., *Время и случай*. – М.: Олма-пресс, 1999.
28. Кисунько Г., «Совершенно секретно: противоракета. Из воспоминаний генерального конструктора ПРО» // *Киевские новости*, №1-9, 1994.
29. Кокошин А. А., *Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 годы*. – М.: Международные отношения, 1995.
30. Кокошин А. А., *Вопросы стратегического руководства обороной России*. – М.: Институт проблем международной безопасности, 2001.
31. Кокошин А. А., Веселов В. А., Лисс А. В., *Сдерживание во втором ядерном веке*. – М.: Институт проблем международной безопасности, 2001.
32. Кокошин А. А., Коновалов А. А., отв. ред., *Военно-техническая политика США в 80-е годы*. – М.: Политиздат, 1989.
33. Колтунов В. С., интервью 6 мая 2002 г.
34. Корниенко Г. М., «Холодная война». *Свидетельство ее участника*. – М.: Олма-Пресс, 2001.
35. КОРТУНОВ С. В. *Контроль за вооружениями и интересы России*. – М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
36. КОРТУНОВ С. В., *Становление политики безопасности*. – М.: Наука, 2003.
37. Кременюк В.А., отв. ред., *Россия и США после "холодной войны"*. – М., Наука, 1999
38. Максимов, Ю. П., ред., *Ракетные войска стратегического назначения*. – М.: РВСН, 1992.
39. Михайлов В. Н., ред., *Ядерные испытания СССР*. – М.: ИзДАТ, 1997.
40. Паппо-Корыстин В., Платонов В., Пашенко В., *Днепропетровский ракетно-космический центр*. – Днепропетровск: ПО ЮМЗ КБЮ, 1994.
41. Первов М., «Первые зенитные управляемые» // *Ядерная безопасность*, №38–39, июнь–июль 2000 г.
42. Первов М., *Системы ракетно-космической обороны России создавались так*. – М.: АВИАРУС-XXI, 2003.
43. Подвиг П. Л., «Есть ли будущее у договора по ПРО?» // *Ядерный контроль*, № 5, сентябрь-октябрь 2000 г., с. 4-9.
44. Подвиг П. Л., ред., *Стратегическое ядерное вооружение России*. – М.: ИзДАТ, 1998.
45. Подвиг П. Л., «Изменение Договора по ПРО или отказ от него?» // *Независимая газета*, 23 сентября 1994 г.
46. Поздняков Э. А. *Геополитика*. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1995.
47. Прохоренко И. Л. «Национальная безопасность и баланс сил» // *Баланс сил в мировой политике: теория и практика*: Сб. статей под ред. Э. А. Позднякова. – М.: ИМЭМО, 1993. – с. 66-91.
48. Рогов С. М. «Российско-американские отношения: итоги и перспективы» // *США – экономика, политика, идеология*, 1996, № 11. – с. 6-27.
49. Рогов С.М., *Современный этап российско-американских отношений*. – М., ИСКРАН, 1999.
50. Рогов С. М., *Советский Союз и США: поиск баланса интересов*. – М.: Международные отношения, 1989.
51. Савин А. И., Интервью 20 ноября 2002 г.
52. Сагдеев Р. З., Кокошин А. А. и др., *СОИ – американская программа «звездных войн»: сборник обзорно-аналитических материалов о технико-экономических и военно-политических аспектах СОИ*. – Москва, 1987.

53. Сагдеев Р. З., Кокошин А. А., Арбатов А. Г. и др., *Стратегические и международно-политические последствия создания космической противоракетной системы с использованием оружия направленной передачи энергии*. – М.: Институт космических исследований, 1984.
54. Сергеев И. Д., ред., *Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения*. – М.: РВСН, 1994.
55. Симонов Н. С., *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
56. Сухина Г. А., Ивкин В. И., Дюрягин М. Г., *Ракетный щит Отечества*. – М.: ЦИПК РВСН, 1999.
57. Тимербаев Р. М., интервью 24 апреля 2002 г.
58. Уткин В. Ф., Мозжорин Ю. А., «Ракетное и космическое вооружение». – В кн.: *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. – М.: Военный парад, 1999
59. Федоров Ю. Е., «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века // *Pro at Contra*. – М.: Московский Центр Карнеги, Том 7, №4, 2002 г.
60. Хромов Г. К., интервью 15 мая 2002 г.
61. Хромов Г. К., интервью 31 октября 2002 г.
62. Червов Н. Ф., *Ядерный круговорот: что было, что будет*. – М.: Олма-Пресс, 2001.
63. Червов Н. Ф., интервью 6 ноября 2002 г.
64. Черток Б. Е., *Ракеты и люди*. – М.: Машиностроение, 1995.
65. Черток Б. Е., *Ракеты и люди: горячие дни холодной войны*. – М.: Машиностроение, 1997.
66. Черток Б. Е., *Ракеты и люди: Фили, Подлипки, Тюратам*. – М.: Машиностроение, 1996.
67. «Беседы М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г.» // *Мировая экономика и международные отношения*, №4, 5, 7, 8, 1993 г.
68. «Докладная записка Л.Берии, Г.М.Маленкова, Н.Булганина и других И.В.Сталину о развитии ракетного вооружения в СССР». АП РФ. Ф. 93. Дело с Постановлениями СМ СССР за 1946 год.
69. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 26 мая 1972 г., Москва.
70. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 3 июля 1974 г., Москва.
71. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, 31 июля 1991 г., Москва.
72. «Совместное российско-американское заявление по глобальной системе защиты», 17 июня 1992 г., Вашингтон.
73. «Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в отношении Договора по противоракетной обороне», 21 марта 1997 г., Хельсинки.
74. «Первое согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 Мая 1972 г.», Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.
75. «Второе согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 Мая 1972 г.», Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.

76. «Соглашение о мерах укрепления доверия в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами», Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.
77. Проект федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений», внесен депутатами Государственной Думы Лукиным В. П. и Попковичем Р. С., декабрь 1998 г.
78. «Заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки относительно стратегических наступательных и оборонительных вооружений», Кельн, 20 июня 1999 г.
79. «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений», Федеральный закон от 4 мая 2000 г. N 56-ФЗ.
80. «Паузы в ядерном разоружении не должно быть», заявление Президента Российской Федерации 13 ноября 2000 г., Российская газета, 13 ноября 2000 г.
81. Интернет-конференция Президента В.Путина, 6 марта 2001 г.
82. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России И.С.Иванова на пресс-конференции в МИД России 2 мая 2001 г.
83. Беседа Президента Российской Федерации В.В.Путина с руководителями представительств ведущих американских СМИ, 18 июня 2001 г.
84. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегической стабильности, Генуя, 22 июля 2001 г.
85. Ответы Президента Российской Федерации В.В.Путина на вопросы журналистов в ходе совместной с Президентом Соединенных Штатов Америки Дж.Бушем пресс-конференции, 22 июля 2001 г.
86. Заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина, 13 декабря 2001 г.
87. "ABM Ban," Cable SALT 808 from U.S. SALT Delegation to the State Department, 14 July 1971. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
88. "The ABM Treaty 'Talking Points'", *The Bulletin of the Atomic Scientists Web site*, 20 January 2000, <http://www.thebulletin.org/issues/2000/mj00/treaty_doc.html>, accessed on 2 February 2003.
89. "ABM – UK Views," Cable 1571 from U.S. Embassy to the State Department, 29 September 1967. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
90. *Ballistic Missile Defense Technologies*, Congress of the United States, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., U.S. G.P.O., 1985.
91. *Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Volume XI, Arms Control and Disarmament*. – Washington, DC: Department of State, 1997.
92. "Issues Concerning ABM Deployment," Letter from Henry Kissinger to Richard Nixon, 5 March 1969, Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
93. *MX Missile Basing*, Congress of the United States, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., U.S. G.P.O., 1981.
94. "Message from Gerard C. Smith to Henry A. Kissinger," 7 August 1971. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
95. "Letter from Richard Nixon to Gerard C. Smith," 12 August 1971. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
96. Remarks by the President on National Missile Defense, December 13, 2001, Office of the Press Secretary.
97. Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University, May 1, 2001, Office of the Press Secretary.

98. "Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States," Pursuant to Public Law 201, 104th Congress, July 15, 1998.
99. "Report of the Proposed Army-BTL Ballistic Missile Defense System", President's Science Advisory Committee, Strategic Military Panel, 29 October 1965. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
100. "Science and Technology of Directed Energy Weapons," *Reviews of Modern Physics*, Vol. 59., No. 3, Part II, pp. S1-S202, 1987.
101. "Six SALT Meeting: Semenov Statement," Cable 1432 from the U.S. SALT Delegation, Helsinki to the Department of State, 28 November 1969. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
102. *SDI: technology, survivability, and software*, Congress of the United States, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., U.S. G.P.O., 1988.
103. Graham Allison and Philip Zelikow, *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – Addison-Wesley, 1999.
104. Jurgen Altmann, *SDI for Europe? Technical Aspects of Anti-Tactical Ballistic Missile Defenses*. – Frankfurt: Peace Research Institute of Frankfurt, Research Report, 1988.
105. Desmond Ball, *Politics and Force Levels: The Strategic Missile Program of the Kennedy Administration*. – University of California Press, 1980.
106. Baranovsky V. G., Kaliadine A. N., eds., *Russia: arms control, disarmament and international security* – M.: Institute of world economy and. international relations (IMEMO), 2001.
107. Robert Bell, Senior Director for the NSC for Defense Policy and Arms Control, Press briefing, March 24, 1997, The White House transcript.
108. Robert P. Berman and John C. Baker, *Soviet Strategic Forces: Requirements and Responses*. – Washington, DC: Brookings Institution, 1982.
109. Richard K. Betts ed., *Cruise Missiles: Technology, Strategy, Politics*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1981.
110. Bruce G. Blair, *The logic of accidental nuclear war*. – Washington, DC: Brookings Institution, c1993.
111. Bruce G. Blair, *Global zero alert for nuclear forces*. – Washington, DC: Brookings Institution, c1995.
112. Bruce Blair, *Strategic Command and Control: Redefining the Nuclear Threat*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1985.
113. Bernard Brodie, *Strategy in the Missile Age*. – Princeton University Press, 1959.
114. McGeorge Bundy, *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years*. – New York: Vintage Books, 1988.
115. Matt Bunn, *Foundation for the Future: The ABM Treaty and National Security*. – Washington, DC: The Arms Control Association, 1990.
116. Ashton B. Carter and Davis N. Schwartz, eds., *Ballistic Missile Defense*. –Washington, DC: Brookings Institution, 1984.
117. Ashton B. Carter, John D. Steinbruner, and Charles A. Zraket , eds., *Managing Nuclear Operations*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1987.
118. Antonia H. Chayes and Paul Doty, eds., *Defending Deterrence: Managing the ABM Treaty Regime into the 21st Century*. – Washington, DC: Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, 1989.
119. Thomas B. Cochran, Robert S. Norris, and Oleg A. Bukharin, *Making the Russian Bomb: From Stalin to Yeltsin*, Boulder: Westview Press, 1995.
120. Thomas B. Cochran et al., *Soviet nuclear weapons*. – New York: Harper & Row, Ballinger Division, c1989.

121. Thomas B. Cochran et. al., *U.S. and Russian Strategic Nuclear Forces*. – Washington, DC: NRDC, 2002.
122. John M. Collins, Patrick J. Friel, and Robert L. Pfaltzgraff, Jr., *SALT II and U.S.-Soviet Strategic Forces*. – Cambridge, MA: Institute for Foreign Policy Analysis, 1979.
123. Michael J. Deane, *Strategic Defense in Soviet Strategy*. – Washington, DC: Advanced International Studies Institute, 1980.
124. Anatoly Dobrynin, *In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents*. – Times Books, 1995.
125. Sidney D. Drell, Philip J. Farley, and David Holloway, *The Reagan Strategic Defense Initiative: a technical, political, and arms control assessment*. – Cambridge: Ballinger, c1985.
126. Mira Duric, *The strategic Defence Initiative: US policy and the Soviet Union*. – Ashgate, 2003.
127. Matthew Evangelista, *Innovation and the Arms Race: How the United States and the Soviet Union Develop New Military Technologies*. – Cornell University Press, 1988.
128. Matthew Evangelista, *Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War*. – Cornell University Press, 1999.
129. Frances FitzGerald, *Way out there in the blue: Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War*. – New York: Simon & Schuster, 2000.
130. Morton H. Halperin, *Bureaucratic Politics & Foreign Policy*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1974.
131. David Holloway, *The Soviet Union and the arms race*. – New Haven: Yale University Press, 1984.
132. John J. Holst, William Schneider, Jr., eds., *Why ABM? Policy Issues in the Missile Defense Controversy*. – Pergamon Press, 1969.
133. Donald F. Hornig, Testimony before the Subcommittee on International Organization and Disarmament Affairs of the Committee on Foreign Relations, Washington, D.C., May 21, 1969 (pp. 538-539).
134. Raymond L. Garthoff, *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. – The Brookings Institution, 1985.
135. Raymond L. Garthoff, "East-West Relations", in Ashton B. Carter and David N. Schwartz, eds., *Ballistic Missile Defense*, The Brookings Institution, Washington, DC, 1984.
136. Raymond L. Garthoff, *The great transition: American-Soviet relations and the end of the Cold War*. – Washington, DC: Brookings Institution, c1994.
137. Bradley Graham, *Hit to Kill: The New Battle over Shielding America from Missile Attack*. – New York: Public Affairs, 2001.
138. Igor Ivanov, "The missile-defense mistake – Undermining strategic stability and the ABM Treaty," *Foreign Affairs*, September-October 2000.
139. Herman Kahn, *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. – New York: Praeger, 1965.
140. Herman Kahn, *On Thermonuclear War*. – Princeton University Press, 1960.
141. Donald MacKenzie, *Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
142. Matthew G. McKinzie, Thomas B. Cochran, Robert S. Norris, William M. Arkin, *The U.S. Nuclear War Plan: A Time for Change*. – Washington, DC: NRDC, June 2001.
143. Henry Kissinger, "Issues Concerning ABM Deployment," A letter to Richard Nixon, 5 March 1969. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
144. Jennifer G. Mathers, *The Russian Nuclear Shield from Stalin to Yeltsin*. – MacMillan Press, 2000.
145. Steven E. Miller and Stephen Van Evera, eds., *The Star Wars controversy: an International security reader*. – Princeton University Press, 1986.

146. William T. Lee, *Soviet Defense Expenditures in an Era of SALT*. – Washington, DC: United States Strategic Institute, 1979.
147. Ronald F. Lehman, “The Offense-Defense Relationship: Past and Future”, Proceedings from a Seminar “START II, Missile Non-Proliferation, and Missile Defense,” Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC, February 14, 1996.
148. John C. Lonnquest and David F. Winkler, “To Defend and Deter: The Legacy of the United States Cold War Missile Program”, USACERL Special Report 97/01, November 1996.
149. John Newhouse, *Cold dawn: The history of SALT*. – Holt, Rinehart and Winston, 1973.
150. Bruce Parrott, *The Soviet Union and Ballistic Missile Defense*. – Boulder: Westview Press, 1987.
151. Alexander A. Pikayev, *The Rise and Fall of START II: The Russian View*. Carnegie Endowment Working Papers. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, September 1999.
152. Pavel Podvig, “The End of Strategic Arms Control?”, PONARS Policy Memo Series, Memo No. 217, January 2002.
153. Pavel Podvig, “For Russia, little loss, little gain”, *The Bulletin of the Atomic Scientists*, November/December 2001, pp. 23-25.
154. Pavel Podvig, “History and the Current Status of the Russian Early Warning System,” *Science and Global Security*, Vol. 10, No. 1, pp. 21-60, 2002.
155. Pavel Podvig, “Missile Defense Complicates U.S.-Russian Relations”, *ECAAR Newsletter*, Vol. 11, No. 3, November 2000, p. 1.
156. Pavel Podvig, “Putin’s Boost-Phase Defense: The Offer That Wasn’t”, PONARS Policy Memo Series, Memo No. 180, November 2000.
157. Pavel Podvig, ed., *Russian Strategic Nuclear Forces*. – MIT Press, 2001.
158. Pavel Podvig, “START and the ABM Treaty: Is a Compromise Possible?” PONARS Policy Memo Series, Memo No. 132, April 2000.
159. Pavel Podvig, “START III and the ABM Treaty”, Proceedings of the Sandia National Laboratories Tenth International Arms Control Conference, Albuquerque, U.S., April 15-16, 2000.
160. Pavel Podvig, “U.S.-Russian Cooperation in Missile Defense: Is it Really Possible?” PONARS Policy Memo Series, April 2003.
161. John Prados, *The Soviet estimate: U.S. intelligence analysis & Soviet strategic forces*. – Princeton: Princeton University Press, c1982.
162. Stanley Riveles, former U.S. Commissioner at the Standing Consultative Commission, Interview, Washington, DC, July 17, 2003.
163. David A. Rosenberg, "The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945-60," *International Security* 7 (Spring 1983), pp. 3-71.
164. Harvey M. Sapolsky, *The Polaris system development; bureaucratic and programmatic success in government*. – Cambridge: Harvard University Press, 1972
165. Aleksandr G. Savel’ev and Nikolay N. Detinov, *The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union*. – Praeger, 1995
166. David N. Schwartz, “Past and Present: The Historical Legacy”, in Ashton B. Carter and David N. Schwartz, eds., *Ballistic Missile Defense*. – Washington, DC: The Brookings Institution, 1984.
167. Stephen I. Schwartz, ed., *Atomic Audit: The Costs and Consequences of U.S. Nuclear Weapons Since 1940*. – Washington, DC: The Brookings Institution, 1998.
168. Gerard Smith, *Doubletalk: The Story of SALT I*. – New York: Doubleday and Company, Inc., 1980.

169. Boris Starkov, "The security organs and the defence-industry complex", in John Barber and Mark Harrison, eds., *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev*. – Macmillan Press, 2000.
170. Henry Sokolski, ed., *Getting MAD: The Origins and Practice of Mutual Assured Destruction Thinking*. – U.S. Army War College Press, 2004.
171. Nikolai Sokov, *Russian strategic modernization: the past and future*. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999.
172. Strobe Talbott, *Deadly Gambits: The Reagan Administration and the Stalemate in Nuclear Arms Control*. – New York: Vintage Books, 1985.
173. Strobe Talbott, *Endgame: The Inside Story of SALT II*. – New York: Harper & Row, 1980.
174. Jeanette Voas, "Soviet Attitudes Towards Ballistic Missile Defense and the ABM Treaty," *Adelphi Papers* #255, Winter 1990.
175. Celeste Wallander, "Russia's new security policy and the ballistic missile defense debate," *Current History*, October 2000, pp. 339-344.
176. Samuel R. Williamson, Jr. and Steven L. Rearden, *The Origins of US Nuclear Strategy, 1945-1953*. – New York: St Martin's Press, 1993.
177. Albert Wohlstetter, *The Delicate Balance of Terror*. – RAND Corporation, P-1472, 1958.
178. Steven J. Zaloga, *The Kremlin's Nuclear Sword: The Rise and Fall of Russia's Strategic Nuclear Forces, 1945-2000*. – Smithsonian Institution Press: 2002.
179. Steven Zaloga, "Red Star Wars," *Jane's Intelligence Review*, May 1997, pp. 205–208.
180. Steven J. Zaloga, *Soviet air defence missiles: design, development, and tactics*. – Alexandria: Jane's Information Group, 1989.
181. Steven J. Zaloga, *Target America: the Soviet Union and the strategic arms race, 1945-1964*. – Novato: Presidio, c1993.

Библиография

Официальные документы и заявления

1. «Докладная записка Л.Берии, Г.М.Маленкова, Н.Булганина и других И.В.Сталину о развитии ракетного вооружения в СССР». АП РФ. Ф. 93. Дело с Постановлениями СМ СССР за 1946 год.
2. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 26 мая 1972 г., Москва.
3. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 3 июля 1974 г., Москва.
4. Беседы М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г. // *Мировая экономика и международные отношения*, №4, 5, 7, 8, 1993 г.
5. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, 31 июля 1991 г., Москва.
6. Совместное российско-американское заявление по глобальной системе защиты, 17 июня 1992 г., Вашингтон.
7. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в отношении Договора по противоракетной обороне, 21 марта 1997 г., Хельсинки.
8. Первое согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 Мая 1972 г., Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.
9. Второе согласованное заявление в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 Мая 1972 г., Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.
10. Соглашение о мерах укрепления доверия в отношении систем борьбы с баллистическими ракетами, не являющимися стратегическими баллистическими ракетами, Нью-Йорк, 26 сентября 1997 г.
11. Проект федерального закона «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений», внесен депутатами Государственной Думы Лукиным В. П. и Попковичем Р. С., декабрь 1998 г.
12. Заявление президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки относительно стратегических наступательных и оборонительных вооружений, Кельн, 20 июня 1999 г.
13. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений, Федеральный закон от 4 мая 2000 г. N 56-ФЗ.
14. «Паузы в ядерном разоружении не должно быть», заявление Президента Российской Федерации 13 ноября 2000 г., Российская газета, 13 ноября 2000 г.
15. Интернет-конференция Президента В.Путина, 6 марта 2001 г.
16. Стенограмма выступления Министра иностранных дел России И.С.Иванова на пресс-конференции в МИД России 2 мая 2001 г.

17. Беседа Президента Российской Федерации В.В.Путина с руководителями представительств ведущих американских СМИ, 18 июня 2001 г.
18. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по стратегической стабильности, Генуя, 22 июля 2001 г.
19. Ответы Президента Российской Федерации В.В.Путина на вопросы журналистов в ходе совместной с Президентом Соединенных Штатов Америки Дж.Бушем пресс-конференции, 22 июля 2001 г.
20. Заявление Президента Российской Федерации В.В.Путина, 13 декабря 2001 г.
21. "ABM Ban," Cable SALT 808 from U.S. SALT Delegation to the State Department, 14 July 1971. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
22. "The ABM Treaty 'Talking Points'", *The Bulletin of the Atomic Scientists Web site*, 20 January 2000, <http://www.thebulletin.org/issues/2000/mj00/treaty_doc.html>, accessed on 2 February 2003.
23. "ABM – UK Views," Cable 1571 from U.S. Embassy to the State Department, 29 September 1967. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
24. *Foreign Relations of the United States, 1964-1968, Volume XI, Arms Control and Disarmament*. – Washington, DC: Department of State, 1997.
25. "Issues Concerning ABM Deployment," Letter from Henry Kissinger to Richard Nixon, 5 March 1969, Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
26. "Message from Gerard C. Smith to Henry A. Kissinger," 7 August 1971. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
27. "Letter from Richard Nixon to Gerard C. Smith," 12 August 1971. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
28. Remarks by the President on National Missile Defense, December 13, 2001, Office of the Press Secretary.
29. Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University, May 1, 2001, Office of the Press Secretary.
30. "Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States," Pursuant to Public Law 201, 104th Congress, July 15, 1998.
31. "Report of the Proposed Army-BTL Ballistic Missile Defense System", President's Science Advisory Committee, Strategic Military Panel, 29 October 1965. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
32. "Six SALT Meeting: Semenov Statement," Cable 1432 from the U.S. SALT Delegation, Helsinki to the Department of State, 28 November 1969. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.
33. Robert Bell, Senior Director for the NSC for Defense Policy and Arms Control, Press briefing, March 24, 1997, The White House transcript.
34. Donald F. Hornig, Testimony before the Subcommittee on International Organization and Disarmament Affairs of the Committee on Foreign Relations, Washington, D.C., May 21, 1969 (pp. 538-539).
35. Henry Kissinger, "Issues Concerning ABM Deployment," A letter to Richard Nixon, 5 March 1969. Published by the National Security Archive, December 18, 2000.

Научные работы

1. Арбатов А. Г., *Безопасность: Российский выбор*. – М.: ЭПИцентр, 1999.
2. Арбатов А. Г., отв. ред., *Россия: в поисках стратегии безопасности Проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчества*. – М.: Наука, 1996.
3. Арбатов А. Г., *США и проблемы сокращения вооружений: ядерно-космический аспект*. – М.: Наука, 1988 г.

4. Арбатов А. Г., отв. ред., *Ядерные вооружения и безопасность России*. – М.: ИМЭМО, 1997
5. Арбатов А. Г., Барановский В. Г., Владимиров В. И. и др., *США и проблемы сокращения вооружений. Ядерно-космический аспект: 80-е годы*. – М.: Наука, 1988
6. Барановский В. Г., «Россия: конфликты и среда ее безопасности» // *Ежегодник СИПРИ, 1997. Вооружения, разоружения и международная безопасность*. – М.: Наука, 1997.
7. Быков О. Н., *Национальная безопасность России*. – М.: ИМЭМО, 1997.
8. Быстрова И. В., *Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов)*. – М.: Институт российской истории РАН, 2000.
9. Волков Е. Б. и др., *МБР СССР (РФ) и США*. – М.: РВСН, 1996.
10. Волков Е. Б., Норенко А. Ю., *Ракетное противостояние*. – М.: СИП РИА, 2002.
11. Вотинцев Ю. В., «Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы» // *Военно-исторический журнал*, №8-10, 1993
12. Загладин Н. В., Мунтян М. А., «Теоретические подходы к внешнеполитической концепции РФ» // *Проблемы реформирования России и современный мир*: Сб. ст. – М.: Изд-во РАГС, 1996.
13. Кокошин А. А., *Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 годы*. – М.: Международные отношения, 1995.
14. Кокошин А. А., *Вопросы стратегического руководства обороной России*. – М.: Институт проблем международной безопасности, 2001.
15. Кокошин А. А., Веселов В. А., Лисс А. В., *Сдерживание во втором ядерном веке*. – М.: Институт проблем международной безопасности, 2001.
16. Кокошин А. А., Коновалов А. А., отв. ред., *Военно-техническая политика США в 80-е годы*. – М.: Политиздат, 1989.
17. Картунов С. В. *Контроль за вооружениями и интересы России*. – М.: Московский общественный научный фонд, 1997.
18. Картунов С. В., *Становление политики безопасности*. – М.: Наука, 2003.
19. Кременюк В.А., отв. ред., *Россия и США после "холодной войны"*. – М., Наука, 1999
20. Поздняков Э. А. *Геополитика*. – М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1995.
21. Прохоренко И. Л. «Национальная безопасность и баланс сил» // *Баланс сил в мировой политике: теория и практика*: Сб. статей под ред. Э. А. Позднякова. – М.: ИМЭМО, 1993. – с. 66-91.
22. Рогов С. М. «Российско-американские отношения: итоги и перспективы» // *США – экономика, политика, идеология*, 1996, № 11. – с. 6-27.
23. Рогов С.М., *Современный этап российско-американских отношений*. – М., ИСКРАН, 1999.
24. Рогов С. М., *Советский Союз и США: поиск баланса интересов*. – М.: Международные отношения, 1989.
25. Сагдеев Р. З., Кокошин А. А., Арбатов А. Г. и др., *Стратегические и международно-политические последствия создания космической противоракетной системы с использованием оружия направленной передачи энергии*. – М.: Институт космических исследований, 1984.
26. Симонов Н. С., *Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
27. Федоров Ю. Е., «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века // *Pro at Contra*. – М.: Московский Центр Карнеги, Том 7, №4, 2002 г.

28. Graham Allison and Philip Zelikow, *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. – Addison-Wesley, 1999.
29. Jurgen Altmann, *SDI for Europe? Technical Aspects of Anti-Tactical Ballistic Missile Defenses*. – Frankfurt: Peace Research Institute of Frankfurt, Research Report, 1988.
30. Desmond Ball, *Politics and Force Levels: The Strategic Missile Program of the Kennedy Administration*. – University of California Press, 1980.
31. Baranovsky V. G., Kaliadine A. N., eds., *Russia: arms control, disarmament and international security* – M.: Institute of world economy and. international relations (IMEMO), 2001.
32. Robert P. Berman and John C. Baker, *Soviet Strategic Forces: Requirements and Responses*. – Washington, DC: Brookings Institution, 1982.
33. Richard K. Betts ed., *Cruise Missiles: Technology, Strategy, Politics*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1981.
34. Bruce G. Blair, *The logic of accidental nuclear war*. – Washington, DC: Brookings Institution, c1993.
35. Bruce G. Blair, *Global zero alert for nuclear forces*. – Washington, DC: Brookings Institution, c1995.
36. Bruce Blair, *Strategic Command and Control: Redefining the Nuclear Threat*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1985.
37. Bernard Brodie, *Strategy in the Missile Age*. – Princeton University Press, 1959.
38. McGeorge Bundy, *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years*. – New York: Vintage Books, 1988.
39. Matt Bunn, *Foundation for the Future: The ABM Treaty and National Security*. – Washington, DC: The Arms Control Association, 1990.
40. Ashton B. Carter and Davis N. Schwartz, eds., *Ballistic Missile Defense*. – Washington, DC: Brookings Institution, 1984.
41. Ashton B. Carter, John D. Steinbruner, and Charles A. Zraket , eds., *Managing Nuclear Operations*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1987.
42. Antonia H. Chayes and Paul Doty, eds., *Defending Deterrence: Managing the ABM Treaty Regime into the 21st Century*. – Washington, DC: Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, 1989.
43. John M. Collins, Patrick J. Friel, and Robert L. Pfaltzgraff, Jr., *SALT II and U.S.-Soviet Strategic Forces*. – Cambridge, MA: Institute for Foreign Policy Analysis, 1979.
44. Michael J. Deane, *Strategic Defense in Soviet Strategy*. – Washington, DC: Advanced International Studies Institute, 1980.
45. Sidney D. Drell, Philip J. Farley, and David Holloway, *The Reagan Strategic Defense Initiative: a technical, political, and arms control assessment*. – Cambridge: Ballinger, c1985.
46. Mira Duric, *The strategic Defence Initiative: US policy and the Soviet Union*. – Ashgate, 2003.
47. Matthew Evangelista, *Innovation and the Arms Race: How the United States and the Soviet Union Develop New Military Technologies*. – Cornell University Press, 1988.
48. Matthew Evangelista, *Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War*. – Cornell University Press, 1999.
49. Frances FitzGerald, *Way out there in the blue: Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War*. – New York: Simon & Schuster, 2000.
50. Morton H. Halperin, *Bureaucratic Politics & Foreign Policy*. – Washington, DC: The Brookings Institution Press, 1974.
51. David Holloway, *The Soviet Union and the arms race*. – New Haven: Yale University Press, 1984.

52. John J. Holst, William Schneider, Jr., eds., *Why ABM? Policy Issues in the Missile Defense Controversy*. – Pergamon Press, 1969.
53. Raymond L. Garthoff, *Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan*. – The Brookings Institution, 1985.
54. Raymond L. Garthoff, "East-West Relations", in Ashton B. Carter and David N. Schwartz, eds., *Ballistic Missile Defense*, The Brookings Institution, Washington, DC, 1984.
55. Raymond L. Garthoff, *The great transition: American-Soviet relations and the end of the Cold War*. – Washington, DC: Brookings Institution, c1994.
56. Herman Kahn, *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. – New York: Praeger, 1965.
57. Herman Kahn, *On Thermonuclear War*. – Princeton University Press, 1960.
58. Donald MacKenzie, *Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance*. – Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
59. Matthew G. McKinzie, Thomas B. Cochran, Robert S. Norris, William M. Arkin, *The U.S. Nuclear War Plan: A Time for Change*. – Washington, DC: NRDC, June 2001.
60. Jennifer G. Mathers, *The Russian Nuclear Shield from Stalin to Yeltsin*. – MacMillan Press, 2000.
61. Steven E. Miller and Stephen Van Evera, eds., *The Star Wars controversy: an International security reader*. – Princeton University Press, 1986.
62. William T. Lee, *Soviet Defense Expenditures in an Era of SALT*. – Washington, DC: United States Strategic Institute, 1979.
63. Ronald F. Lehman, "The Offense-Defense Relationship: Past and Future", Proceedings from a Seminar "START II, Missile Non-Proliferation, and Missile Defense," Carnegie Endowment for International Peace, Washington, DC, February 14, 1996.
64. Bruce Parrott, *The Soviet Union and Ballistic Missile Defense*. – Boulder: Westview Press, 1987.
65. Alexander A. Pikayev, *The Rise and Fall of START II: The Russian View*. Carnegie Endowment Working Papers. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, September 1999.
66. Pavel Podvig, "The End of Strategic Arms Control?", PONARS Policy Memo Series, Memo No. 217, January 2002.
67. Pavel Podvig, "History and the Current Status of the Russian Early Warning System," *Science and Global Security*, Vol. 10, No. 1, pp. 21-60, 2002.
68. Pavel Podvig, "Putin's Boost-Phase Defense: The Offer That Wasn't", PONARS Policy Memo Series, Memo No. 180, November 2000.
69. Pavel Podvig, ed., *Russian Strategic Nuclear Forces*. – MIT Press, 2001.
70. Pavel Podvig, "START and the ABM Treaty: Is a Compromise Possible?" PONARS Policy Memo Series, Memo No. 132, April 2000.
71. Pavel Podvig, "START III and the ABM Treaty", Proceedings of the Sandia National Laboratories Tenth International Arms Control Conference, Albuquerque, U.S., April 15-16, 2000.
72. Pavel Podvig, "U.S.-Russian Cooperation in Missile Defense: Is it Really Possible?" PONARS Policy Memo Series, April 2003.
73. John Prados, *The Soviet estimate: U.S. intelligence analysis & Soviet strategic forces*. – Princeton: Princeton University Press, c1982.
74. David A. Rosenberg, "The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945-60," *International Security* 7 (Spring 1983), pp. 3-71.
75. Harvey M. Sapolsky, *The Polaris system development; bureaucratic and programmatic success in government*. – Cambridge: Harvard University Press, 1972
76. Aleksandr G. Savel'ev and Nikolay N. Detinov, *The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union*. – Praeger, 1995

77. David N. Schwartz, "Past and Present: The Historical Legacy", in Ashton B. Carter and David N. Schwartz, eds., *Ballistic Missile Defense*. – Washington, DC: The Brookings Institution, 1984.
78. Stephen I. Schwartz, ed., *Atomic Audit: The Costs and Consequences of U.S. Nuclear Weapons Since 1940*. – Washington, DC: The Brookings Institution, 1998.
79. Boris Starkov, "The security organs and the defence-industry complex", in John Barber and Mark Harrison, eds., *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev*. – Macmillan Press, 2000.
80. Henry Sokolski, ed., *Getting MAD: The Origins and Practice of Mutual Assured Destruction Thinking*. – U.S. Army War College Press, 2004.
81. Nikolai Sokov, *Russian strategic modernization: the past and future*. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999.
82. Jeanette Voas, "Soviet Attitudes Towards Ballistic Missile Defense and the ABM Treaty," *Adelphi Papers* #255, Winter 1990.
83. Celeste Wallander, "Russia's new security policy and the ballistic missile defense debate," *Current History*, October 2000, pp. 339-344.
84. Samuel R. Williamson, Jr. and Steven L. Rearden, *The Origins of US Nuclear Strategy, 1945-1953*. – New York: St Martin's Press, 1993.
85. Albert Wohlstetter, *The Delicate Balance of Terror*. – RAND Corporation, P-1472, 1958.

Описания программ создания вооружений и переговорного процесса

1. Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М., *Глазами маршала и дипломата: критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года*. – М.: Международные отношения, 1992.
2. Белоус В. С., *Космическая рулетка Пентагона*. – М.: АПН, 1998.
3. Волков Л. И., *Жизнь моя... Вторая книга*. Издание 2-е, испр. – М.: СИП РИА, 2000.
4. Глубоков Е.С., Маслюков Ю.Д. «Планирование и финансирование военной промышленности СССР». – В кн.: *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. – М.: Военный парад, 1999.
5. Голубев О. В., Каменский Ю. А. и др., *Российская система противоракетной обороны*. – М.: Техноконсалт, 1994.
6. Губанов Б. И., *«Триумф и трагедия «Энергии»», том 3: «Энергия»-«Буран»*. – Нижний Новгород: НИЭР, 1998.
7. Квицинский Ю. А., *Время и случай*. – М.: Олма-пресс, 1999.
8. Кисунько Г., «Совершенно секретно: противоракета. Из воспоминаний генерального конструктора ПРО» // *Киевские новости*, №1-9, 1994.
9. Корниенко Г. М., *«Холодная война». Свидетельство ее участника*. – М.: Олма-Пресс, 2001.
10. Максимов, Ю. П., ред., *Ракетные войска стратегического назначения*. – М.: РВСН, 1992.
11. Паппо-Корыстин В., Платонов В., Пашенко В., *Днепропетровский ракетно-космический центр*. – Днепрпетровск: ПО ЮМЗ КБЮ, 1994.
12. Первов М., «Первые зенитные управляемые» // *Ядерная безопасность*, №38–39, июнь–июль 2000 г.
13. Первов М., *Системы ракетно-космической обороны России создавались так*. – М.: АВИАРУС-XXI, 2003.
14. Михайлов В. Н., ред., *Ядерные испытания СССР*. – М.: ИздАТ, 1997.
15. Подвиг П. Л., ред., *Стратегическое ядерное вооружение России*. – М.: ИздАТ, 1998.

16. Сагдеев Р. З., Кокошин А. А. и др., *СОИ – американская программа «звездных войн»: сборник обзорно-аналитических материалов о технико-экономических и военно-политических аспектах СОИ*. – Москва, 1987.
17. Сергеев И. Д., ред., *Хроника основных событий истории Ракетных войск стратегического назначения*. – М.: РВСН, 1994.
18. Сухина Г. А., Ивкин В. И., Дюрягин М. Г., *Ракетный щит Отечества*. – М.: ЦИПК РВСН, 1999.
19. Уткин В. Ф., Мозжорин Ю. А., «Ракетное и космическое вооружение». – В кн.: *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. – М.: Военный парад, 1999
20. Червов Н. Ф., *Ядерный круговорот: что было, что будет*. – М.: Олма-Пресс, 2001.
21. Черток Б. Е., *Ракеты и люди*. – М.: Машиностроение, 1995.
22. Черток Б. Е., *Ракеты и люди: горячие дни холодной войны*. – М.: Машиностроение, 1997.
23. Черток Б. Е., *Ракеты и люди: Фили, Подлипки, Тюратам*. – М.: Машиностроение, 1996.
24. *Ballistic Missile Defense Technologies*, Congress of the United States, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., U.S. G.P.O., 1985.
25. *MX Missile Basing*, Congress of the United States, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., U.S. G.P.O., 1981.
26. *SDI: technology, survivability, and software*, Congress of the United States, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., U.S. G.P.O., 1988.
27. “Science and Technology of Directed Energy Weapons,” *Reviews of Modern Physics*, Vol. 59., No. 3, Part II, pp. S1-S202, 1987.
28. Thomas B. Cochran, Robert S. Norris, and Oleg A. Bukharin, *Making the Russian Bomb: From Stalin to Yeltsin*, Boulder: Westview Press, 1995.
29. Thomas B. Cochran et al., *Soviet nuclear weapons*. – New York: Harper & Row, Ballinger Division, c1989.
30. Thomas B. Cochran et. al., *U.S. and Russian Strategic Nuclear Forces*. – Washington, DC: NRDC, 2002.
31. Anatoly Dobrynin, *In Confidence: Moscow's Ambassador to America's Six Cold War Presidents*. – Times Books, 1995.
32. Bradley Graham, *Hit to Kill: The New Battle over Shielding America from Missile Attack*. – New York: Public Affairs, 2001.
33. John C. Lonnquest and David F. Winkler, “To Defend and Deter: The Legacy of the United States Cold War Missile Program”, USACERL Special Report 97/01, November 1996.
34. John Newhouse, *Cold dawn: The history of SALT*. – Holt, Rinehart and Winston, 1973.
35. Gerard Smith, *Doubletalk: The Story of SALT I*. – New York: Doubleday and Company, Inc., 1980.
36. Strobe Talbott, *Deadly Gambits: The Reagan Administration and the Stalemate in Nuclear Arms Control*. – New York: Vintage Books, 1985.
37. Strobe Talbott, *Endgame: The Inside Story of SALT II*. – New York: Harper & Row, 1980.
38. Steven J. Zaloga, *The Kremlin's Nuclear Sword: The Rise and Fall of Russia's Strategic Nuclear Forces, 1945-2000*. – Smithsonian Institution Press: 2002.
39. Steven Zaloga, “Red Star Wars,” *Jane's Intelligence Review*, May 1997, pp. 205–208.
40. Steven J. Zaloga, *Soviet air defence missiles: design, development, and tactics*. – Alexandria: Jane's Information Group, 1989.
41. Steven J. Zaloga, *Target America: the Soviet Union and the strategic arms race, 1945-1964*. – Novato: Presidio, c1993.

Публикации в периодической печати

1. Арбатов А. Г., «Военная реформа в свете чужих ошибок» // *Независимое военное обозрение*, 23 мая 2003 г.
2. Арбатов А. Г., «Российско-американский саммит ничего не решит» // *Независимая газета*, 7 февраля 2002 г.
3. Арбатов А. Г., Ромашкин П. Б., «Ратификации СНВ-2 нет альтернативы» // *Независимое военное обозрение*, 20 февраля 1998 г.
4. Дьяков А., Кадышев Т., Мясников Е., Подвиг П., «Ненужные обязательства» // *Известия*, 18 марта 2002 г.
5. Дьяков А., Кадышев Т., Мясников Е., Подвиг П., «Ратифицировать нельзя отклонить. Что делать с Договором о стратегических наступательных потенциалах России и США?» // *Независимое военное обозрение*, 20 сентября 2002 г.
6. Подвиг П. Л., «Есть ли будущее у договора по ПРО?» // *Ядерный контроль*, № 5, сентябрь-октябрь 2000 г., с. 4-9.
7. Подвиг П. Л., «Изменение Договора по ПРО или отказ от него?» // *Независимая газета*, 23 сентября 1994 г.
8. Igor Ivanov, «The missile-defense mistake – Undermining strategic stability and the ABM Treaty,» *Foreign Affairs*, September-October 2000.
9. Pavel Podvig, «For Russia, little loss, little gain», *The Bulletin of the Atomic Scientists*, November/December 2001, pp. 23-25.
10. Pavel Podvig, «Missile Defense Complicates U.S.-Russian Relations», *ECAAR Newsletter*, Vol. 11, No. 3, November 2000, p. 1.

Интервью

1. Виноградов Б. П., интервью 25 апреля 2002 г.
2. Дворкин В. З., интервью 31 октября 2002 г.
3. Дединов Н. Н., интервью 16 мая 2002 г.
4. Колтунов В. С., интервью 6 мая 2002 г.
5. Савин А. И., интервью 20 ноября 2002 г.
6. Тимербаев Р. М., интервью 24 апреля 2002 г.
7. Хромов Г. К., интервью 15 мая 2002 г.
8. Хромов Г. К., интервью 31 октября 2002 г.
9. Червов Н. Ф., интервью 6 ноября 2002 г.
10. Stanley Riveles, Interview, Washington, DC, July 17, 2003.